

*Где высоко стоит наука,
стоит высоко человек.*

А.И. Полежаев

Т. АБЕЛЬ

СОЦИОЛОГИЯ
ОСНОВЫ ТЕОРИИ

Абель Т.

A14 Социология: **Основы** теории / Т. Абель; Пер. с польск. В.П. Макаренко. — 2-е изд. — М.: Вузовская книга, **2006**. — **192** с.

ISBN 5-9502-0231-7

В книге одного из классиков социологической мысли XX века Т. Абеля содержится характеристика главных подходов, концепций, понятий и проблем современной социологии.

Для студентов, аспирантов и преподавателей социологических, политологических и философских дисциплин вузов, а также для всех интересующихся проблемами социологической теории.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги Теодор Абель родился в Лодзи в 1896 г. В 1919 г. стал студентом Варшавского университета. Слушал лекции Т. Котарбинского и Л. Петражицкого. Первый из них разработал концепцию реизма и основал современную праксеологию. Второй был одним из пионеров в разработке юридической и политической социологии. В 1921 г. Т. Абель переезжает в Познань и слушает лекции Ф. Знанецкого — классика мировой социологии XX в. Его книга «Введение в социологию» была издана в начале 1920-х гг. В указанной работе Ф. Знанецкий поставил и решил две основных задачи: отделил предмет социологии от предмета других социальных и гуманитарных наук; описал философские основания, методологические принципы и конкретные проблемы социологического знания.

Социологическая концепция Ф. Знанецкого формировалась под влиянием дискуссий о природе социогуманитарного знания. Споры на эту тему велись в европейском научном сообществе на рубеже XIX—XX в. Т. Абель усвоил концепцию Ф. Знанецкого и разрабатывал его идеи на протяжении всей жизни. Доказательством этого может служить настоящая книга.

В 1923 г. Абель уезжает в США и оседает там навсегда. В 1925 г. он закончил учебу в Колумбийском университете и начал преподавать социологию в университете штата Иллинойс. В 1929 г. защитил диссертацию в Колумбийском университете и работал в нем до 1951 г. Затем был профессором Гунтер-колледжа. После выхода на пенсию в 1967 г. продолжал преподавать социологию в университете штата Нью-Мексика. Умер в 1976 г.

В 1929 г. Абель выпустил книгу «Систематическая социология в Германии». Эта работа принесла ему известность и несколько

ISBN 5-9502-0231-7

© Макаренко В.П., перевод, 2002
© ЗАО «Издательское предприятие «Вузовская книга», 2003

раз переиздавалась. В книге детально проанализированы философско-методологические основания социологических концепций Г. Риккерта, Ф. Тенниса, Г. Зиммеля и М. Вебера. По определению Р. Арона, то было «поколение на стыке веков». Если исключить гегельянско-марксистский тренд в социальном знании, то труды указанных философов и социологов значительно повлияли на понимание природы социологии и весь корпус социологического знания XX в. Методологический потенциал их концепций еще далеко не исчерпан.

Однако на протяжении первой половины XX в. американская социология ориентировалась преимущественно на эмпирические исследования. Бунт против «кабинетных философов» проходил под флагом прагматизма. В общем виде прагматизм был реакцией на рационализм и метафизику XIX в. В этом смысле он исторически оправдан и дает победы до сих пор (свидетельством может быть популярность концепций Р. Рорти в кругах нынешних «салонных философов», в том числе и в России). Если же судить по истории прагматизма, то он не смог выработать синтетическую концепцию в которой были бы преодолены традиционные противоположности методологии. Я имею в виду серию глубочайших философско-мировоззренческих конфликтов между гуманизмом и схоластикой, плюрализмом и монизмом, радикальным эмпиризмом и априоризмом, волюнтаризмом и интеллектуализмом, персонализмом и натурализмом и т. д. Выход первой книги Т. Абелья способствовал осознанию данных противоположностей, не разрешенных до сих пор ни в мировой, ни в российской социально-философской мысли. В то же время книга Абелья сыграла важную роль в процессе усвоения традиций европейской социологии американской социально-философской мыслью. Этот процесс после Второй мировой войны привел к «великому ренессансу» Макса Вебера в США и ряде других стран, а теперь и в России.

В 1929г. Т.Абель опубликовал также раздел в книге под редакцией Э. Боуннера «Фермеры-иммигранты и их дети». В этом разделе дан социологический портрет первого и второго поколения польских иммигрантов — фермеров Сандерленда. При описании Абель использовал методику биографического метода, классический образец которого содержится в книге У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». В последней главе настоящей книги Абель детально описывает роль работы Томаса и Знанецкого в процессе обретения американской

социологией надежного академического и социального статуса. Причем не только в сфере эмпирических исследований (как известно, США были страной, внедрившей социальную статистику еще в первой половине XIX в.¹), но и в области административной и политической практики.

Эвристический потенциал биографического метода разнообразен — от социологии искусства до исторической антропологии². В частности, Т. Абель — пионер применения данного метода для анализа политических движений XX в. Еще в 1938 г. он выпустил книгу «Нацистское движение». В книге собрано и проанализировано несколько сотен автобиографий и воспоминаний нацистов «первого призыва» и членов НСДАП. На этой основе показаны социальные корни и механизмы победы нацизма в Германии.

Читателю и без меня известно, что в настоящее время литература (художественная и научная), кино- и телепродукция о нацизме во всех его разновидностях огромна. Методы исследования тоже разнообразны — от классической историографии до социолингвистики и психопатологии. Если оценивать эту продукцию в соответствии с критерием времени, в ней можно выделить следующие периоды: до прихода итальянских и болгарских фашистов и германских нацистов к власти; после прихода к власти до начала Второй мировой войны; Вторая мировая война; после войны до появления первых неонацистских движений; период диффузии нацистских идей в идеологии в политике других движений и партий. Позиции авторов и мера их проницательности в отношении фашизма в рамках каждого периода различны. Но в любом случае поумневших «задним числом» значительно больше.

В этой литературе книга Абелья о нацизме примечательна тем, что она написана в период, когда германский нацизм еще полностью не раскрыл свое лицо. Успешно вел политическую игру не только с авторитарными и тоталитарными режимами, но и с парламентскими, конституционными и президентскими демократиями во имя торжества «национальной идеи». Т. Абель показывает, во что верили участники нацистского движения и члены Национал-социалистической рабочей партии Германии. И как эта вера и идеалы переплетались с чудовищной политической риторикой режима, а также с потребностями и стремлениями разных слоев и классов германского общества.,

В зрелые годы Абель занимался синтезом предшествующих работ. В 1948 г. он выпустил книгу «Процедура понимания», в которой

детально проанализирована теория познания социогуманитарных наук. Как известно, позитивизм и сциентизм XIX в. претендовали на роль универсальных методологических концепций. Но уже на рубеже XX в. (в трудах В. Дильтея, В. Виндельбанда, Г. Риккерт, Э. Трельча, М. Вебера и др.) было показано, что социогуманитарное знание не только является наукой в строгом смысле слова, но и находится в более выгодном положении по сравнению с естественными науками. Не надо доказывать, что и сегодня этот вывод остается актуальным.

Если упростить аргументацию, то она сводится к обоснованию нескольких ключевых положений: история и общество более доступны человеческому познанию, нежели природа; элементами природы являются невидимые атомы, а в социально-исторической действительности существуют реальные человеческие индивиды, познание которых доступно каждому человеку; он знает сам себя, а другие люди ему подобны; следовательно, социально-историческая действительность доступна пониманию изнутри, в отличие от внешней, непроницаемой и непонятной природы.

Таким образом было проведено строгое различие между теорией познания природы и социогуманитарной теорией познания. Естествознание пользуется процедурой описания. Социогуманитарное знание применяет процедуру понимания. Естественно-научное знание базируется на дискурсивном мышлении, социогуманитарное — на непосредственном переживании. Абель детально анализирует эвристические достоинства процедуры понимания в социологии и других гуманитарных науках. Этой же проблематике посвящена книга «Современное состояние социологической теории», вышедшая в 1956 г.

Одновременно Абель редактирует и выпускает книгу «Свобода и контроль в современном обществе» (1954 г.). В ней реализована одна из попыток описания политических следствий гегелевско-марксовской концепции «позитивной свободы». Следует подчеркнуть, что примерно в то же самое время И. Берлин пишет и публикует свои блестящие труды о свободе, посвященные той же самой проблематике³.

Пунктирное обозначение главных вех творческой биографии Абеля позволяют сделать общий вывод: его труды — свидетельство глубокой взаимосвязи философско-методологической культуры автора с компетентностью в области социологического инструментария и эмпирических исследований.

Книга «Основы социологической теории» — достаточно яркое тому доказательство. В ней не излагается собственная социологическая концепция автора. Здесь нет претензий на истолкование оснований социологической теории. Абель добросовестно реферировал достижения других ученых, которые являются вкладом в развитие социологии. Она состоит из фрагментов и концепций, выдержавших проверку фактами, временем и пространством. Критерий аналитичности позволяет описать каркас аккумулированного, взаимодополняющего и достоверного социологического знания. Вокруг этой идеи группируется основное содержание книги.

Хотя она невелика по объему, но в книге содержится ответ Абеля на принципиальные вопросы: какие элементы социологической теории были открыты классиками социологии? как они были усвоены следующим поколением социологов? что является основанием дальнейшего развития социологии? Сам перечень вопросов никогда не потеряет актуальности. Значит, читатель берет в руки основательный труд. Он может быть рекомендован студентам и аспирантам гуманитарных дисциплин, специалистам-социологам, а также широким кругам образованной публики. Это — краткая «сумма социологии первой половины XX века». Она пополнит отечественную социологическую библиотеку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. — М., 1993. С. 208-214
2. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. — М., 1998. С. 466-488.
3. Берлин И. Философия свободы. Европа. — М., 2001.

*Профессор Виктор Макаренко,
заслуженный деятель науки РФ*

ГЛАВА 1

Введение

Основы социологической теории были заложены в период 1895—1923 гг. Это сделала группа выдающихся людей — Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ч. Кули и М. Вебер — независимо друг от друга. Одновременно они выработали сходные новые подходы к исследованию социальных явлений. Такие группы — характерное явление истории культуры. Они обычно действуют в определенный период времени и существуют в истории искусства, музыки, философии, литературы и точных наук. Как правило, они появляются тогда, когда актуальная ситуация дает толчок новой продуктивной идее. А определенный круг людей воспринимает ее как проблему, которую надо срочно решить.

Исторический фон

Зачатки социологического анализа восходят к трудам шотландских философов-моралистов — Юма, Фергюссона и Шефстебери. В сочинениях французских философов эпохи Просвещения — Монтескье, Тюрго, Кондорсе и Сен-Симона — тоже можно обнаружить ростки социологии. В обоих случаях предмет интереса концентрировался вокруг двух проблем.

Прежде всего следует подчеркнуть интерес к обществу в целом, которое понималось как множество совместно проживающих людей. Такой интерес выразился в поиске общих свойств организации и взаимодействия социальных институтов и привел к сравнительному анализу человеческих обществ. Следует упомянуть и поиск единых образцов эволюции и всеохватывающих законов. Предполагалось, что они могут объяснить социальные процессы. В этом направлении работали О. Конт и Ф. Оппенгеймер. Первый определил социологию как исследование социального порядка и прогресса, второй писал об изучении социальных процессов. Доминирующая философия столетия укрепляла главные принципы, лежащие в основании такого понимания социологии. Эта философия находилась

под влиянием ньютоновской концепции природы. Ньютон сформулировал положение о том, что в бесконечно разнородных явлениях природы скрывается естественный рациональный порядок. Философы полагали, что такое представление может быть перенесено на общество. Первые творцы социологической теории тоже считали, что задача социологии — открытие рационального порядка, который лежит в основании всех явлений социальной жизни.

С этой точки зрения *синтез* есть главная цель социологии. Она упорядочивает и систематизирует существенное знание об обществе. Это делается для того, чтобы обнаружить законы общества в целом и дать общее и всестороннее объяснение генезиса, преемственности и цели человеческого общества¹.

Второе направление социологического познания XIX в. связано с представлением: общество есть арена борьбы за существование. Такой подход к исследованию общества был *диагностическим*, а не синтетическим. Внимание ученых концентрировалось на специфических проблемах человеческих масс и коллективного поведения. Эта установка способствовала анализу таких аспектов социальной среды, которые влияют на благосостояние человека. Особое значение приобретали средства сохранения, защиты и роста благосостояния. Пионером диагностического и прагматического подхода был О. Конт, а Л. Уорд — его верным продолжателем.

Синтетическое и диагностическое направление привели к определенным достижениям. Стремление к синтезу породило многочисленные труды, в которых детально описаны социальная структура и социальное развитие. Диагностический подход стимулировал развитие социологических субдисциплин. Каждая из них изучала особые социальные образования — семью, преступность, город и т. д. Оба направления исследования существуют в социологии до сих пор, поскольку в них выражаются основные и вечные интересы человека.

Поколение творцов социологии превратило ее в академическую дисциплину. Новое поколение социологов усомнилось в научной обоснованности выдвинутых формулировок и обобщений. Отцы-основатели социологии — Конт, Л. Уорд, Г. Спенсер, О. Смолл — полагали, что они сделали вклад в создание социологической теории. Последователи отвергли эту претензию. Они ясно осознали: для создания новой науки недостаточны ни эмпирические исследования, ни культивирование терпения, добросовестности и честности как специфических добродетелей ученого. Второе поколение социологов пришло к выводу: синтетический и диагностический

подходы к обществу необходимы, поскольку они связаны с выдвижением исследовательских интуиций и накоплением информации. Однако такие подходы недостаточны для создания социологической теории. Для достижения этой цели требуется выработка нового подхода к исследованию социальных явлений.

Такой подход был найден и оказался продуктивным. На его основе начала возникать социологическая теория. Этот подход я называю *аналитическим* и в данной книге попытаюсь детально описать его форму и содержание. Но вначале надо объяснить читателю, какой смысл вкладывается в понятие «социологическая теория».

Сущность социологической теории

Теоретическое содержание любой науки сводится к понятийным конструктам. Они используются для анализа и интерпретации данных. Существует три класса конструктов, обладающих фундаментальным научным значением.

Общие понятия. Они сводятся к двум разновидностям: понятия, которые используются для упорядочивания и классификации явлений; понятия, которые используются в качестве переменных в общих суждениях о явлениях. Общие определения и категории принадлежат к понятиям первого рода. Они образуются посредством абстрагирования общих свойств множества явлений и упорядочивания данных свойств в соответствии с классами объектов и событий. Понятия, выполнявшие роль переменных в общих суждениях, являются операциональными. Это — *аналитические понятия*, которые служат для объяснения фундаментальных и строгих различий между явлениями. Они могут выводиться из явлений и конструироваться. Речь идет о системах, свойства которых идентичны, но величина и объем различные.

В научных генерализациях аналитические понятия выполняют роль репрезентации переменных. Причем независимые переменные обладают особым значением: в них содержится описание факторов, выполняющих роль детерминант, на основании законов, которым они подчиняются. Любая наука вырабатывает специфический и особый *класс детерминант*. Любая наука базируется на открытии такого класса.

Законы и другие типы генерализации. Законы — это суждения о протекании однородных отношений. Отношение есть определенная последовательность событий, в которой одно событие является необходимым и достаточным условием другого события. Отношение

может обладать также характером одновременного появления, сосуществования и взаимодействия определенных свойств всего или части класса объектов и систем. Суждение о протекании такого отношения называется системным законом.

Кроме основных типов законов, существует множество других типов генерализации. Среди них следует указать: генетические законы, в которых говорится о последовательности событий во времени или о последовательности стадий развития процессов; количественные законы, в которых фиксируются функциональные отношения и зависимости между определенными величинами; статистические законы, в которых идет речь о воспроизводстве корреляций между событиями, свойствами и системами.

Теория — это понятийные схемы, которые служат для объяснения законов. Общая функция всех теорий — объяснение наблюдаемых закономерностей. В то же время теории различаются с точки зрения универсальности, простоты, способности предсказания и сущности постулатов. Поэтому теории можно рассматривать как континуум от минимума до максимума точности, универсальности, объяснительной силы и т. д. Любая теория должна удовлетворять критерию Н. Кэмпбелла: «Если теория обладает действительной ценностью, она включает два свойства: выводимости — из нее можно вывести законы; объяснительной силы — она объясняет законы с помощью аналогий, которые базируются на ранее известных законах по сравнению с объясняемыми законами»². С операциональной точки зрения любая спекулятивная идея или концепция может рассматриваться как теория. Но она должна удовлетворять минимальному требованию: одна из выведенных из нее гипотез подтверждается опытом. Наиболее крайней формулировкой определения теории можно считать концепцию Э. Нагеля, которая изложена в книге «Структура науки». Эта концепция задает верхний предел континуума, которого пока достигло крайне малое количество научных теорий³. Нагель ставит перед теорией максимальные требования:

1. Абстрактное отношение определяет понятие объясняющей системы.
2. Совокупность законов связывает абстрактное отношение с конкретным материалом наблюдения и опыта.
3. Абстрактное отношение выражается в определенной модели известной или визуальной репрезентации.

Все теории располагаются в треугольнике с вершинами: простой принцип объяснения; дедуктивная система; модель теории, выведенная

из теоретических постулатов. Поэтому нет смысла дискриминировать теории, находящиеся в разных точках континуума. Например, критиковать и отвергать социальные теории за то, что их объяснительная и предсказательная сила не идет ни в какое сравнение с точными науками. Каждая точка в континууме обладает одинаковой важностью. Но для этого надо доказать: творцы данной теории сделали все для того, чтобы объяснение было настолько совершенным, насколько это позволяли сделать существующие данные и техники исследования. Эта оговорка не создает особых проблем. Просто надо признать, что конфигурация теорий различна в зависимости от обстоятельств, но функция всех теорий остается одной и той же: каждая из них дает объяснение, лучшее из возможных в данных обстоятельствах. По отношению к каждой теории правомерен вопрос о ее истинности или ложности. Но теория должна также удовлетворять критерию эффективности — хорошо служить для репрезентации и объяснения наблюдаемых явлений.

Социологическая теория — это особая сфера знания. Она включает: общие понятия; переменные под названием социологических детерминант; законы; теории. Весь этот аппарат используется социологами для анализа и интерпретации социологических данных. В этом смысле социологическая теория есть склад или архив социологических понятий, законов, теорий и трудов, в которых были сформулированы и развиты данные понятийные схемы. Иначе говоря, эти труды считаются классикой социологии.

Понятийные схемы образуют содержание социологической теории и занимают в ней особое место. Современная социология есть конгломерат множества конкретных сфер исследования. Каждая социологическая субдисциплина вырабатывает понятия, сфера применения которых ограничена той или иной разновидностью фактов. Используются и создаются также понятийные схемы, которые применяются и операционализируются в других сферах социологических исследований. Кроме того, существует класс теоретических конструктов, которые используются во всех социологических исследованиях. Я полагаю, что содержание социологической теории образуется из общих конструктов, которые применяются во всех социологических субдисциплинах. Это ядро социологического знания. Оно постоянно увеличивается. Обогащается новыми понятиями по мере их создания и верификации специалистами, создающими оригинальные социологические труды.

Есть еще две сферы творческой деятельности в социологической теории. Первая из них связана с систематизацией содержания теории. Эта процедура предполагает историческое описание и критический анализ указанного содержания. Обычно такая теоретическая деятельность не ведет к обогащению ядра социологического знания. Однако

она может способствовать лучшему пониманию социологических проблем. Вторая сфера теоретической деятельности отличается большей динамичностью. Ее развитие связано с тем, что труд социолога не сводится к обработке ядра социологического знания. Не менее важны постановка и решение проблем. Большинство из них вытекает из характера социологических фактов: какова возможность их познания и изучения? Решение указанных онтологических и эпистемологических проблем — главная задача социологической теории. Этот труд крайне важен и обладает творческим характером. Он выражает стремление к новому и более проникательному взгляду на предмет социологии, и ведет к выработке новых подходов в социологических исследованиях.

Мои замечания относительно характера социологической теории можно завершить типологией теоретиков социологии. Во-первых, теоретик привносит одну или несколько понятийных схем в ядро социологического знания. Во-вторых, теоретик занимается только теоретическими проблемами, без решения которых невозможен прогресс социологии как науки. Наконец, теоретиком можно назвать и того, кто возделывает виноградник — занимается преподаванием или пишет учебники по социологической теории.

Три типа социологических подходов

Детальное знакомство с социологической литературой помогает понять феномен взаимного переплетения трех главных способов анализа социальных явлений. Я называю их синтетическим, диагностическим и аналитическим подходами. Существуют целые цепи аргументов, призванных доказать правильность того или иного подхода как единственного метода социологического исследования. Я думаю, социолог не обязан делать выбор одного из них, поскольку они дополняют друг друга. Каждый из указанных способов исследования сам по себе или во взаимосвязи с другими послужил ученым для создания аккумулированного социологического знания.

Взаимодополняемость способов исследования выражается по-разному:

1. Труды самых выдающихся социологов — Конта, Спенсера, Дюркгейма, Вебера, Знанецкого и Парсонса — созданы с опорой на все три подхода.

2. В каждом из подходов используется термин «социальное». Он выступает в трех смыслах: а) синтетическом, если посредством данного термина описывается универсальность общества и всеобщность человеческих взаимоотношений; б) диагностическом, если термин «социальное» используется как противоположность

«асоциального» или «антисоциального»; в) аналитическом, если указанный термин применяется как символ факторов и сил, возникающих в результате взаимодействия индивидов и влияющих на их поведение.

3. Социологические исследования невозможны без применения всех подходов. Например, существуют социальные проблемы, которые относятся к области диагностического подхода. Однако они не могут быть решены без использования категорий синтетического подхода. А социологическая значимость проблем зависит от того, насколько они продвигают вперед аналитический подход и что нового вносят в социологическую теорию.

Аналитический подход — главная тема этой книги. Однако мой выбор не надо понимать как отрицание социологической значимости трудов, возникших в рамках синтетического и диагностического подходов. Главный объект моего интереса — социологи, которые заложили фундамент социологической теории. Книга состоит из двух частей. В первой описывается пионерский вклад Дюркгейма, Вебера и Зиммеля в становление социологической теории. Но я не собираюсь заниматься исчерпывающим изложением содержания их трудов. Меня интересуют только те аспекты, которые способствовали постановке ряда существенных проблем социологической теории. Во второй части обсуждается развитие социологической теории после 1920 г. При этом особо подчеркивается преемственность аналитического подхода в трудах современных теоретиков социологии.

В этом отношении приобретают первостепенную важность два вопроса: в какой мере социология после 1920 г. находилась под влиянием методологии, разработанной в трудах Дюркгейма, Вебера и Зиммеля? каков вклад данной методологии в развитие социологической теории? Для исчерпывающего ответа на эти вопросы требуется детальный обзор и оценка громадного массива литературы, появившейся после 1920 г. Это не входит в мою задачу. Поставленные вопросы затрагивают крайне важную проблему *непрерывности* аналитической социологии, которую обойти невозможно. Нужен хотя бы краткий ответ на поставленные вопросы. Надо осветить суть вклада аналитического подхода в социологическую теорию. Я предлагаю попытку ответа в главах 7—9. Я надеюсь, что чувство непрерывности социологической деятельности я еще не потерял. И постараюсь подвести читателя к выводу: фундамент социологической теории в строгом смысле слова не только заложен, но и укрепляется вплоть до настоящего момента.

ЧАСТЬ 1

**ФОРМИРОВАНИЕ
ОСНОВ
ТЕОРИИ**

ГЛАВА 2

Вклад Дюркгейма

Дюркгейм был первым, кто открыл новые пути социологии. В том числе и возможность признать ее в качестве теоретической науки, которая изучает особый предмет и пользуется специфическими методами. Его труды и методологические размышления стали основанием для реализации этой возможности. Во введении отмечалось, что любая наука отличается от других наук особым комплексом аналитических понятий, с помощью которых она дает свое объяснение ситуаций и событий. Чтобы социология могла развиваться как теоретическая наука, надо было определить класс факторов, фиксирующий особый аспект поведения человека, которым не занимались другие науки. Именно эту задачу поставил перед собой Дюркгейм.

Суть его определения характера социологических фактов и специфики понятий содержится в формулировке: «Главное усилие социолога должно быть направлено к тому, чтобы обнаружить различные свойства этой среды, способные оказать влияние на развитие социальных явлений»¹. Иначе говоря, социологические факторы — это специфические аспекта социальной среды. Задача социолога — определить влияние данных факторов на жизнь членов общества. Дюркгейм создал оригинальную концепцию особых аспектов социальной среды. Они влияют на жизнь индивидов и обладают динамическими последствиями. Эта концепция наиболее полно изложена в книге Дюркгейма «Самоубийство» (1897 г.).

Результаты анализа самоубийства

Труд Дюркгейма о самоубийстве — пионерское исследование и шедевр социологической классики. Но его значение не менее важно с точки зрения следствий для формирования социологии как теоретической науки.

Большая заслуга Дюркгейма состоит в формулировке принципа, который называется «законом самоубийства». Этот закон гласит:

«Число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид»². Данный закон нельзя выразить в виде математического уравнения. Число самоубийств есть абсолютная, а степень интеграции группы — относительная переменная. Эти явления несоизмеримы. И все же закон фиксирует высокую корреляцию указанных явлений. Особенно в том случае, если сравниваются две или большее число групп. Если степень интеграции группы незначительна, то число самоубийств среди ее членов больше.

Закон Дюркгейма о самоубийстве имеет силу только при определенных обстоятельствах, как и все остальные законы. Дюркгейм прекрасно осознавал этот момент. Но он определял условия опосредованно, различая разные типы самоубийств. Существуют пограничные условия, которые отменяют действие закона.

Закон самоубийства сохраняет свою силу при определенных условиях. Первое из них — нормальное функционирование регулятивной системы, влияющей на группу. Если эта система рушится под влиянием непредвиденных обстоятельств, то число самоубийств возрастает, хотя интеграция группы остается прежней. Например, степень самоубийств среди евреев в Германии резко возросла после того, как декреты Гитлера радикально изменили статус евреев в германском обществе. Евреи были лишены основных прав, их имущество конфисковывалось, а сами они были подчинены унижительным предписаниям. Такое разрушение регулятивной системы и невозможность приспособиться к новым условиям вызывает состояние *аномии*. Но это состояние не ведет к новому типу самоубийств (назовем их «аномичными»), для которых надо создать новый закон. Аномия может вызывать только отклонения от предполагаемого числа самоубийств. Отсюда следует: обратная корреляция между степенью интеграции и числом самоубийств существует только тогда, когда воздействие на группу регулятивной системы остается постоянным.

Второе условие относится непосредственно к группе. Группа не может устанавливать особые нормы и поддерживать их обычаями, который требует от членов группы совершить самоубийство при определенных условиях. Правда, существуют противоположные примеры, среди которых может служить образцом офицерский корпус Японии. В этом случае высокая степень интеграции связана с высоким показателем самоубийств (причем высокая степень интеграции крайне необходима для строгого соблюдения правила

самопожертвования). Но и в этом случае отклонение от предвидимого числа самоубийств не отменяет справедливость закона. И не свидетельствует о появлении нового типа самоубийств (который можно назвать «альтруистическим»), подчиненных собственному особому закону. Такое отклонение просто указывает, что закон самоубийства сохраняет силу только по отношению к группам, у которых отсутствует принцип: во имя общего блага следует совершить самоубийство. Обратим внимание: на отклонение от закона влияет не только высокая степень интеграции (как внушает нам термин «альтруистический»), но и обычай, требующий лишить себя жизни при определенных обстоятельствах.

Разрушение регулятивной системы и моральная санкция самоубийства — главные факторы, описанные Дюркгеймом. Они являются причинами отклонения от закона самоубийства. Французский социолог упоминает еще один фактор: изменения регулятивной системы в направлении крайней строгости и жестокой дисциплины. Это тоже увеличивает число самоубийств без нарушения степени интеграции. Высокая степень психических заболеваний тоже влияет на число самоубийств.

В любом случае не только степень интеграции влияет на число самоубийств. Надо учитывать воздействие других факторов. И все же изменение степени интеграции достаточно для изменения числа самоубийств в группе. Кроме того, различия в степени интеграции определенных групп влияют на различия показателей самоубийств в данных группах. Тот же закон объясняет относительное постоянство числа самоубийств в определенных группах.

Таким образом, интеграция группы определяет тот факт, что степень самоубийств может колебаться. Но если исключить влияние возмущающих факторов, то обратная корреляция между степенью интеграции и числом самоубийств остается величиной постоянной.

Социологический характер закона

Дюркгеймовский закон самоубийства принято считать социологическим законом. Каковы его главные и специфические свойства, обосновывающие такое определение?

Дюркгейм включил указанный закон в социологию. И обосновывал это следующим образом: обе переменные являются социальными фактами; социология изучает социальные факты; зависимость

между социальными фактами есть социологический закон. Но это доказательство недостаточно для выделения особого класса социологических законов. Согласно Дюркгейму, к социальным фактам принадлежат все вещи и события человеческой жизни — культурные свойства и комплексы, экономические, политические, эстетические и тому подобные явления. Поэтому любой закон любой сферы человеческой деятельности можно назвать «социологическим». Однако определение социологии как особой науки не согласуется с всеохватывающей дефиницией социологических законов. Чтобы признать данный закон специфически социологическим, он должен описывать отношение между определенным классом социальных фактов. Как выделить класс специфически социологических фактов из множества социальных фактов? Детальный анализ смысла переменных в законе Дюркгейма позволяет ответить на поставленный вопрос. Степень самоубийств — это не столько статистический конструкт, сколько характерное свойство данной группы. Степень самоубийств в каждой особой социальной общности меняется незначительно. Обычно низкий и высокий показатели самоубийств держатся на низком и высоком уровнях на протяжении длительного времени. Это социологическое свойство относится к группе людей, образующих коллектив, а не множество индивидов. Поэтому данное свойство следует признать социологическим фактом.

Степень интеграции — тоже свойство группы как коллектива. Однако указанные свойства принципиально различные. Степень самоубийств относится только к группе. Каждое самоубийство — индивидуальный акт, и потому не является групповым свойством. Тогда как интеграция и ее степень есть характерное свойство группы. Оно обладает необходимостью, вытекающей из самой природы группового членства. Связь между членами группы отличает ее от случайного множества (толпы) людей. Степень самоубийств и степень интеграции как свойства не содержатся в природе группы. Бытие группы от них не зависит. Тогда как степень интеграции есть онтологическое, необходимое и неустраняемое свойство каждого коллектива. Это положение можно выразить более строго: необходимые свойства есть атрибуты группы; групповые свойства относятся к ее внешним характеристикам.

Это положение Дюркгейма позволяет сделать вывод: социологическими свойствами обладают факты, относящиеся к группе людей как коллективу. Количественно выраженные социальные

явления — лишь один из видов социологических фактов. «Социальные действия» Вебера и «Формы социации» Зиммеля могут рассматриваться как другие виды социологических фактов.

Интеграция как действующий фактор

В законе самоубийства степень интеграции группы есть величина постоянная. Обратное отношение степени самоубийств к степени интеграции тоже полагается постоянным. Поэтому оно может быть признано причинно-следственным: степень самоубийств не меняется и детерминируется степенью интеграции.

Однако Дюркгейм не считал закон самоубийства причинно-следственным законом. Интеграция — это не состояние, а сила, влияющая на поведение: «Контингент добровольных смертей определяется моральной организацией общества. У каждого народа существует известная коллективная сила определенной интенсивности, толкающая человека на самоубийство»³.

Согласно Дюркгейму, коллективная сила выражается в тенденциях эгоизма, альтруизма и аномии, характерных для всех народов. Эти тенденции порождают совокупную склонность к самоубийству. Она выражается в степени самоубийств, типичных для данного народа. Из них вытекают также тенденции тоскливой меланхолии, активного самопожертвования и раздраженной тоски. Совокупная склонность есть источник всех индивидуальных влечений лишиться себя жизни. Индивидуальные влечения — это тенденции всего социального организма. Они влияют на индивидов и способствуют самоубийствам.

Постоянство степени самоубийств есть факт, в котором Дюркгейм усматривал главное доказательство сформулированного закона. Он задался вопросом: как объяснить тот факт, что индивиды, даже не подозревая судьбы других индивидов, ежегодно в одном и том же количестве решаются на добровольную смерть? И отвечал на вопрос следующим образом: «Они не оказывают, по крайней мере в большинстве случаев, друг на друга никакого влияния, и между ними нет никакого соглашения; а между тем все происходит так, как будто они выполняют один приказ»⁴. Далее он пишет: «Это значит, что в общей среде, окружающей их, существует какая-то сила, которая направляет их в одну и ту же сторону, причем в зависимости от большей или меньшей интенсивности этой силы повышается или понижается число отдельных самоубийств»⁵.

Единообразное следствие становится основанием суждения: влияние коллектива обладает действительной силой. Дюркгейм полагал, что влияние этой силы подобно физической силе, хотя она является совершенно иной. Данная сила действует иначе, нежели физические силы. Отсюда вытекает: силы, действующие в человеческих коллективах, по происхождению обладают действительным бытием и не являются вербальными конструкциями: «Это не словесные сущности, а реальности *suī generis*, которые можно измерять, сравнивать по величине, как это делают по отношению к интенсивности электрических токов или источников света»⁶. Аналогично физическим данные силы являются внешними и воздействуют на индивидов извне.

Итак, Дюркгейм утверждает: постоянная степень самоубийств фиксирует общий фактор, влияющий на число самоубийств в обществе; различия в степени самоубийств означают, что данный фактор связан с состоянием общества. Это утверждение не лишено оснований. Однако квалификация данного фактора как «силы», «склонности», не говоря уже о признании его «внешнего характера», — все это относится к типичным порокам рассуждения по аналогии. Ибо ни один аспект содержания данных терминов не имеет никакого отношения к социологическому фактору, о котором идет речь. Этот фактор не может быть зарегистрирован с помощью «протокольных предложений», поскольку он не является процессом и не обладает материальным бытием. Поэтому приведенные цитаты из Дюркгейма ничего не говорят о природе групповой интеграции или солидарности. Как на самом деле проявляется, как можно измерять и как действует групповая солидарность? Анализом данных вопросов Дюркгейм не занимался. Для ответа на них требуется систематический подход. И ответ не имеет ничего общего с пустопорожними сопоставлениями групповой интеграции с физической силой. В чем же может состоять ответ с учетом исследования Дюркгейма?

Суть интеграции

В общем виде термин «интеграция группы» относится к факту, который можно наблюдать непосредственно: группа людей образует единое, целое, которое их соединяет. Какова природа и средства достижения такой целостности? Каковы ее свойства? Дюркгейм усматривал главные признаки интеграции в следующих

феноменах: обмен мыслями, чувствами, впечатлениями и представлениями между членами группы; любовь к группе; участие в общих делах; постоянный контроль группы над членами. Значит, Дюркгейм согласился бы с идеей Д. Хоманса: признак групповой сплоченности выражается в приписывании положительной ценности поощрениям со стороны группы. Он согласился бы и с индексом групповой сплоченности Д. Теодорсона. Этот показатель получен путем анкетных опросов. Перед членами разных групп ставились одни и те же вопросы. Они связаны с описанием чувства удовольствия, которое члены группы испытывают от совместных встреч, связей взаимной симпатии и готовности к самопожертвованию во имя группы. Интеграция проявляется в действиях, ориентированных на группу. К ним относятся: участие в общих делах; выражение лояльности; чувство принадлежности к группе; активная поддержка установленных институтов, традиций и привычек и т. п. Все эти действия являются социальными.

Ориентированные на группу действия служат для измерения степени интеграции группы. Хоманс предложил использовать критерий числа социометрических выборов для определения меры сплоченности групп и частоты участия членов в групповой деятельности. Теодорсон подчеркивает значение потребностей, которые удовлетворяет каждый индивид путем участия в группе. Дюркгейм сформулировал критерий количественного учета коллективных представлений и видов практики, которые полагаются традиционными и общеобязательными. Интенсивность коллективной жизни зависит от количества и веры в коллективные представления (идеи, верования, обычаи и привычки).

Согласно Дюркгейму, интеграция группы проявляется в действиях, ориентированных на группу. К ним относятся коллективные представления и виды практики. Он полагал, что данные категории позволяют измерять интеграцию группы. По меньшей мере, это положение спорно. Оно может пониматься двояко: ориентированные на группу действия есть следствие и проявление интеграции; интеграция есть следствие, а не причина таких действий.

Первое толкование базируется на посылке: интеграция есть независимая переменная, о которой можно судить на основании социальных действий. В соответствии с терминологией Г. Рейхенбаха, интеграция принадлежит к классу *illata*. Это такие виды бытия, о которых можно судить только на основании рационального рассуждения. В этом смысле мотивы и основания действий подобны

радиоволнам, атомам и электричеству. Они недоступны непосредственному наблюдению. Если бы дело обстояло наоборот, они бы принадлежали к классу *concreta* — таких видов бытия, наличие которых является непосредственным и объективным⁷.

При втором толковании интеграция группы не является независимой переменной. Интеграция существует в проявлениях. Это общее следствие действий, ориентированных на группу. Если воспользоваться классификацией Рейхенбаха, то интеграция принадлежит к классу *abstracta*. Иначе говоря, бытие абстрактных объектов сводимо к бытию конкретных вещей, а конкретные вещи есть бытие абстрактных объектов. Абстрактное — это множество, состоящее из элементов, к бытию которых не может быть сведено данное множество. Абстрактное не обладает непосредственным бытием, о котором можно судить на основании дедукции. Абстрактное — это интеллектуальный конструкт. Отношение между конструктом и его элементами тождественно отношению эквивалентности. Если полагать интеграцию абстракцией, то она есть множество ориентированных на группу действий, из которых может быть выведена данная абстракция. В этом смысле степень интеграции не есть мера проявления силы. Интеграция — это разновидность статистического конструкта, аналогичного возведению в степень.

Но является ли интеграция группы разновидностью *illatum*? Дюркгейм положительно отвечал на этот вопрос. Интеграция есть сила, определяющая степень самоубийств. Однако он ничего не сказал о возможности альтернативного объяснения, когда интеграция рассматривается как абстракция. Реальна ли такая альтернатива? Неужели интеграция есть интеллектуальный конструкт (или абстракция), способный влиять на поведение человека?

Вполне. Интеграцию можно рассматривать как абстракцию, если члены группы обладают непосредственным опытом и реакцией на те факты коллективной жизни, на основании которых создается абстракция интеграции. Иными словами, люди в состоянии осознавать и учитывать: частоту и интенсивность групповых действий; степень удовольствия, возникающего от удовлетворения индивидуальных потребностей во взаимоотношениях с другими людьми; степень доверия и успешное функционирование институтов, созданных группой; постоянство и силу коллективных представлений и эмоций. Такое сознание есть следствие индивидуального опыта, который является более или менее длительным при наблюдении определенной

группы людей. Но у рядового члена группы это сознание не может быть выражено в определенных и строгих понятиях. Оно существует в неуловимых ощущениях. И все же выражается в определенных и сильных чувствах групповой принадлежности. Это чувство есть результат сложного взаимодействия опыта и представлений человека как члена группы, реакция на качество коллективной жизни. Это — реакция субъекта на состояние и условия жизни группы.

Такое состояние или положение группы строго соответствует понятию групповой интеграции у Дюркгейма. Интеграция не есть сила, выраженная в бытие группы. Она не существует вне и независимо от ее членов. Интеграция существует в сознании членов группы. Они осознают общее следствие собственных представлений и опыта, которое выражается в групповых действиях. Поэтому интеграция не является силой по образцу физических сил. Только чувство, связанное с осознанием принадлежности к группе, обладает динамикой. Оно влияет на поведение индивида в ситуации выбора способа действий, которые непосредственно или опосредованно затрагивают других индивидов.

Самоубийство и есть такой выбор. В принятии решения о самоубийстве выражается суть групповых чувств индивида. Если человек питает однозначно положительные чувства в отношении других людей, он может отказаться от столь радикального решения собственных проблем. И попытаться решить их с помощью других людей и связей, существующих в обществе. Дюркгейм подчеркивал, что при таких попытках сила положительных чувств в отношении друзей перевешивает силу отрицательных. И потому боль индивида отступает — он отказывается от решения о самоубийстве. Члены группы могут обладать сильным чувством групповой интеграции. Этот факт доказан результатами исследований Л. Янсина, который на протяжении пяти лет изучал группу молодых гангстеров⁸. У члена ганга доминирует сознание групповой солидарности: «Падение такого сознания ниже определенного уровня влечет за собой грозные последствия. Для противостояния этой опасности гангстеры совершают групповые действия, которые стимулируют групповые интересы и ангажированность членов»⁹.

Результаты исследований привели Янсина к формулировке гипотетического закона: «В группах уличных уголовников падение групповой солидарности вызывает рост групповой активности и возрождение чувства солидарности»¹⁰. Но Янсин не анализирует способы оценки внутренней солидарности со стороны членов

ганга. Он просто обращает внимание на те аспекты групповой жизни, которые вызывают сильную реакцию членов (типа конфликтов, связанных с лидерством в группе). Янсин предлагает оценивать групповую солидарность при помощи внешнего показателя: количества времени, которое члены группы тратят ежедневно на пребывание в ней.

Итак, групповая интеграция есть абстракция. Но этот факт несколько не влияет на обоснованность закона самоубийства. Прежде всего данный закон не относится к причинно-следственной связи между интеграцией и самоубийством, а только к статистической корреляции между процентами самоубийств. Уже шла речь о том, что Дюркгейм объяснял эту корреляцию посредством гипотезы: существуют социальные склонности, которые подобны физическим силам в отношении индивидов и вызывают индивидуальные действия. В свою очередь, эта гипотеза объясняется через другую гипотезу: о существовании наследственных причин самоубийства. Под видом склонностей и тенденций они действуют как невидимые силы и принуждают человека с определенными склонностями совершить самоубийство. И все же это объяснение не является единственным у Дюркгейма.

Есть и второе объяснение, правда, не слишком явное. Оно связано с понятием групповой интеграции как абстракции. Оно неоднократно встречается в тексте «Самоубийства». Дюркгейм пользуется такими выражениями, как «коэффициент предотвращения самоубийства», «сопротивляемость женатых мужчин», «насыщенность», «профилактическое значение традиции» и т. д. Эти выражения позволяют сделать вывод: корреляция между интеграцией и самоубийством есть следствие социальных условий, которые препятствуют, а не способствуют неизбежности определенного количества самоубийств.

Такое объяснение позволяет заключить: предположение о существовании внешних сил, воздействующих на индивида, совершенно не обязательно. Все внимание надо сосредоточить на тех членах общества, которые *не совершают* самоубийства. В то же время нет смысла утверждать: социальные условия вынуждают индивида не совершать самоубийства, вернее полагать: индивиды положительно оценивают социальные условия и стремятся жить по-прежнему. На основании этой посылки самоубийство есть следствие отрицательной оценки условий жизни, а не результат «склонностей», «влечений» и других «сил», существующих в данных условиях. Более

истинно объяснение, которое приписывает групповой интеграции профилактический смысл, нежели предположение о наследственных причинах самоубийства. Чем сильнее интеграция группы, тем меньше случаев отрицательной оценки социальной среды. И тем больше положительная оценка жизненных шансов по сравнению с социальной средой со слабой групповой интеграцией.

Следует подчеркнуть, что такое объяснение сохраняет главную идею Дюркгейма: социальная среда, ее структура и свойства есть факторы, влияющие на все аспекты поведения человека. Из этой идеи Дюркгейм извлекал выводы для придания социологии ранга теоретической науки. Задача теоретической социологии — объяснить указанное влияние. Для этого надо использовать общие принципы (законы) и создать теорию, объясняющую действие указанных факторов.

Следствия анализа самоубийства

«Самоубийство» — классический социологический труд. На его основании нетрудно установить критерии классификации любого труда как социологического исследования. Из работы Дюркгейма можно извлечь главный вывод: если темой той или иной работы служат социально значимые феномены, то это еще не значит, что мы имеем дело с социологическим исследованием. Тема может быть предметом анализа экономики, антропологии, философии, социальной психологии и любой другой науки об обществе и культуре. Признание любой темы предметом данной дисциплины зависит от типа вопросов, поставленных в отношении темы анализа.

Характер исследования выражается в сущности суждений. Какое суждение следует считать социологическим? Из исследования Дюркгейма вытекает ответ на вопрос: суждение принадлежит к социологическим тогда и только тогда, когда оно фиксирует связь между свойствами и атрибутами организованных человеческих обществ, с одной стороны, и эмпирически наблюдаемыми закономерностями человеческого поведения, с другой стороны. Речь идет об анализе социальных свойств. Главная идея данной методологической концепции — социальными свойствами признаются только те факторы, которые при определенных условиях ведут к одним и тем же следствиям. Предмет теоретической социологии — анализ данных следствий. Дюркгейму принадлежит особая заслуга в теоретической социологии. Он сделал открытие: социальные

свойства функционируют как независимые переменные и образуют класс социологических факторов.

Это следствие можно представить схематически:

Посылка		Следствие
Все условия (переменная)	Социологический фактор	Любой социокуль- турный факт

Таким образом, категория социологических факторов нуждается в объяснении. Одновременно она служит ключом для объяснения феноменов, находящихся в поле социологического анализа. Отсюда вытекает еще одно следствие: у социологии есть свой специфический подход к предмету в контексте междисциплинарных исследований. В отношении любой проблемы социолог выдвигает основной вопрос: какие, в какой степени и каким образом действуют социологические факторы и почему это действие является определяющим? Ответ на этот вопрос служит социологическим объяснением и критерием значимости любой проблемы.

Исследование Дюркгейма строго установило направление развития социологической теории. Задачи социолога определяются тройко: открытие социологических факторов и преобразование их в аналитические понятия; формулировка законов (постоянных корреляций), в которых данные факторы выступают как независимые переменные; создание теории, объясняющей сформулированные законы. Дюркгейм полагал, что приведенные теоретические положения помогают понять конкретные проблемы социальной жизни и способствуют их эффективному решению.

Сущность социальных общностей

Если признать значение социальных свойств, то социологический анализ требует сосредоточиться на вопросе о природе общностей, которым приписываются указанные свойства. Главный предмет социологической теории — способ существования групп, обществ, организаций и других общностей. Эта проблема далека от решения. Я думаю, ее можно решить, следуя путем Дюркгейма, но при этом рассмотреть самому проблему в более широком контексте. Это позволит учесть как труды Дюркгейма, так и современные исследования.

Ответ на вопрос о сущности социальных общностей сводится к трем позициям. Рассмотрим последовательно каждую из них.

Социальный номинализм. Он существует в радикальной и умеренной формах. Представителем первой является Ф. Оллпорт¹¹, примером второй может служить М. Бродбек¹².

Согласно Оллпорту, ошибочно полагать группу предметом изучения. Ее бытие нисколько не является результатом опыта, которым можно управлять и измерять. Термин «группа» используется для обозначения взаимодействия индивидов. Поэтому нельзя сказать ничего нового о группе по сравнению с образующими ее индивидами. В подавляющем большинстве случаев поведение группы описывается в категориях индивидуального поведения. Следовательно, группа есть копия индивидуального поведения. В этом смысле термин «группа» тавтологичен. Он может служить лишь субъективным теоретическим указателем, «который ориентирует наблюдателя на изучение интерактивных и дистрибутивных аспектов человеческого поведения. Этот термин является стадией, давно пройденной биологией и психологией, поскольку эти науки изучают отдельных и типичных индивидов»¹³.

М. Бродбек занимает одновременно умеренную и крайнюю позицию в этом вопросе. В отличие от «методологического холизма» (связанного с признанием бытия группы) она называет свою номиналистическую позицию «методологическим индивидуализмом». Эта позиция не отрицает, что бытие и феномен группы может быть предметом исследования, но отвергает групповые свойства по причине их неопределенности. Например, термины «красный» или «холодный» невозможно свести к свойствам ощущений. Таким же образом термин «группа» несводим к ее свойствам. Бродбек отрицает бытие любых групповых свойств, доступных наблюдению. Все эти свойства могут быть определены в категориях индивидуального поведения или отношения между индивидами.

Бродбек ставит вопрос следующим образом: «Есть ли смысл говорить о «внимательной аудитории», если предикат «внимания» не определяется в категориях поведения отдельных слушателей и статистического учета доли внимательных индивидов в данной группе? Можно ли говорить о «воле народа» как некоем особом бытии по сравнению с волей всех или большинства людей? Только отдельные индивиды и их свойства могут быть предметом непосредственного или опосредованного наблюдения»¹⁴.

Однако Бродбек не считает «группу» лишь другим названием человеческой общности. Группа — это объединение индивидов, находящихся в определенных отношениях между собой. Эти отношения являются свойствами группы и определяются как «дескриптивные

отношения». Дескриптивные свойства фиксируют отношения двух и большего числа индивидов, что выражается в таких терминах, как «мать», «отец», «женатый» и т. д. Тип описываемых отношений зависит от группы и определяет ее. В этом смысле нет различий между семьей, группой зрителей, комитетом, профессиональным союзом и т. д.

Таким образом, умеренный номинализм признает бытие реляционных свойств (т. е. отношения квалифицируются как свойства) и групповых атрибутов. К ним принадлежат строго определенные свойства группы. Они отличаются от других свойств индивидов, входящих в состав данной группы. Речь идет о свойствах, которые выражаются в статистических или сложных понятиях (например, однородность группы определяется в категориях стандартных отклонений). «Индейцы вымирают» может служить примером суждения о группе, которой логически приписывается определенный атрибут. Оно отличается от суждения «Индейцы — это краснокожие». Во втором случае речь идет о дистрибутивном свойстве любого индивида группы индейцев.

Кроме того, Бродбек подчеркивает, что социологи оперируют данными, которые на практике *не могут* определяться в категориях индивидуального поведения. В социальных науках зачастую используются категории — прямо или посредством импликации — которые не являются категориями статистики. В то же время они выходят за рамки категорий индивидуального поведения: «Такие понятия, как «Реформация», «церковь», «капитализм», «мораль военных» даже имплицитно не содержат статистических свойств. Они связаны с представлениями о неопределенных множествах действий, слабо связанных с данными понятиями»¹⁵. Бродбек не нарушает границу реализма и холизма. Она считает явления, которые определяются указанными понятиями, целостностями и конфигурациями с изменчивыми свойствами. И все же Бродбек приближается к упомянутой границе. Такой вывод можно извлечь из утверждения: «Методологический индивидуализм должен быть сохранен, но при исследовании указанных явлений мы вынуждены поступать таким образом, как если бы они были холистическими феноменами. О таких конфигурациях невозможно ни писать, ни говорить по аналогии с предметами, которые воспринимаются и описываются на основании опыта или статистики»¹⁶.

Социальный реализм. Этот подход нередко называют холизмом. У него тоже есть достойные предки и заслуживающие доверия

сторонники. Здесь тоже можно выделить крайнюю и умеренную позиции.

Крайностью социального реализма является органическая теория. Она отождествляет группу с организмом. Ее сторонники обычно имеют в виду большие социальные образования типа общины или общества. И не принимают то определение социальной группы, которое ранее приводилось. Органическая теория полагает, что малая группа есть общество в миниатюре. С помощью импликации ей приписываются общие свойства больших организаций.

Органическая концепция группы восходит ко временам Платона и Аристотеля, но в социологию она была введена Спенсером. Он отождествил группу с организмом на основании подобия структуры, функций и частей. По мнению Спенсера, главное подобие группы и организма состоит в параллелизме принципов организации частей.

Спенсер выделял следующие общие принципы организации группы и организма: сотрудничество элементов группы и организма для блага целого; уровень сотрудничества как показатель степени эволюции; зависимость сотрудничества от усложнения средств коммуникации и взаимодействия. Кроме того, надо учитывать дифференциацию структуры, функций и процессов. Процессы способствуют интеграции функций и усложнению структуры. Аналогично организму для группы характерно наличие систем сохранения, разделения и регуляции. Они поддерживают существование группы и выполняют аналогичную роль. В группе и организме имеет место постоянная адаптация и реадaptация к изменению условий и деятельности. Например, под влиянием внешней угрозы возникают моментальные реакции — координация действий в ответ на поражение, приспособление к новым изобретениям и идеям. В группе и организме происходит развитие и воспроизводство. В обществе эти процессы осуществляются через систему образования, которая транслирует и развивает культуру. Системы контроля и господства в группе аналогичны системе управления в организме. Градиенты детерминируют специфические функции организма. Социальные нормы выполняют ту же функцию посредством приписывания статусов и ролей.

Последователи Спенсера П. Лиленфельд и Р. Вормс значительно расширили аналогию группы и организма. Включили в состав сравнения органы, физиологические процессы и ткани тела, отождествляя их с социальными феноменами, доступными

для наблюдения. В результате индивиды стали определяться как «клетки», военно-репрессивные органы общества как «кожный покров и система органов защиты», торгово-промышленные организации как «метаболизм», профессиональные группы как «ткани», органы управления, судебная система, политика и клир как «рецепторы» и т. д.

Не надо специально разъяснять, что указанные аналогии не являются основанием реалистической концепции группы как «высокоорганизованного живого организма». Подобный подход бесполезен даже в качестве эвристического принципа, не говоря уже об операциональном содержании. Он не дает ничего для эффективной техники решения проблем группы. Но в работах Спенсера были заложены основы структурно-функционального подхода к анализу общества и групп. Социологи приняли на вооружение этот подход, одновременно отбросив пустые аналогии. То же самое можно сказать об идее Спенсера: сущность группы определяется организацией ее частей. Эта идея используется в современном понимании системы. В настоящее время под системой понимают все, состоящее из взаимосвязанных частей. Такая связь может быть реализована посредством шестеренок, валов и приводов (в машине), тканей, волокон и органов восприятия (в организме), сигналов, знаков и символов (в группе). Например, Парсонс называет группу социальной системой. А Хоманс утверждает: «Все аспекты жизни группы взаимозависимы. Эта взаимозависимость образует систему как целостную конфигурацию»¹⁷. Сегодня представление о группе как системе стало банальностью. Оно способствует тому, что ряд социологов ступили на скользкий путь аналогий. Так, Хоманс ввел понятие «обратной связи», хотя раньше оно использовалось в механике. Парсонс предложил понятие «гомеостаза», хотя прежде оно применялось для описания процессов саморегуляции организма. Хорошо хоть то, что к таким аналогиям никто не относится всерьез. Но это не мешает Парсонсу и Хомансу считать процессы социализации и интериализации норм «главными факторами саморегуляции социальных систем».

Закат органической теории связан с любопытным эпилогом. Для Спенсера группа была загадкой, а организм — хорошо известным объектом. Поэтому он объяснял группу по аналогии с организмом. Для современного биолога загадкой стал организм, тогда как группа превратилась в хорошо известный объект, не вызывающий затруднений. Развитие биологии в последние

десятилетия привело к радикальному пересмотру понятия организма. Он уже не считается объектом с жестко установленной структурой, а полем, в котором происходят сложные химические преобразований. Деление организма на структуру и материю метаболизма тоже отвергнуто. До недавних пор полагали, что белковые тела образуют структуру, детерминирующую химические преобразования. Теперь белки считаются лишь элементом круговорота химических реакций.

Как описать столь удивительную ситуацию? Теперь биологи обратились к понятию группы как модели биологических процессов. Например, А. Шонхаймер так описывает новую концепцию организма: «Для иллюстрации нашего понимания живой субстанции можно использовать простейшую аналогию с воинской частью. Например, полк можно рассматривать как живой зрелый организм. Его размеры почти не меняются, а социальная структура строго определена и высокоорганизована. С другой стороны, происходит постоянное изменение личного состава воинского подразделения. Полк регулярно пополняется новыми людьми. Они перемещаются с одной должности на другую, повышаются и понижаются в звании, и, наконец, уходят в отставку. Число призывников и демобилизованных примерно одно и то же, хотя личный состав подлежит постоянным изменениям. Призыв новобранцев подобен процессу приема пищи. Увольнение в запас и потери личного состава можно сравнить с процессами выделения. Разумеется, такая аналогия не является полной по природе вещей, поскольку она относится лишь к определенным аспектам динамического состояния биологической структуры. Она фиксирует постоянные изменения элементов структуры, но не учитывает химическое взаимодействие между ними»¹⁸.

Современная версия социального реализма. П. Сорокин — яркий представитель этой версии. Он пишет: «Организованная группа обладает всей полнотой действительности. Она действительна как онтологическая единица, определенная материальная структура, каузально-функциональное целое и знаковая система. В каждом из указанных смыслов она обладает действительностью в качестве группы и целого. Ее составные части и элементы действительны как субъекты взаимодействия. Такой же действительностью обладают знаки и ценности, непосредственные действия и средства взаимодействия субъектов. Но их действительность в целом есть действительность частей и элементов, которая отличается от

действительности группы как целого. Это действительность каузально-функционального и знаково-единообразного уклада субъектов взаимодействия с определенными свойствами и действиями, система знаков-норм-ценностей, которыми обладают и обмениваются индивиды, а также система материальных средств, которая используется для объективизации и социализации системы знаков-норм-ценностей. Эта действительность по сути принципиально отличается от общей суммы данных элементов в состоянии взаимной изоляции»¹⁹.

Социальный гуманизм. Этот подход к проблеме бытия группы наиболее полно воплощен в трудах Ф. Знанецкого и Л. Визе.

Согласно Знанецкому, социальная группа есть объект культуры. Поэтому ей надо приписывать такой смысл, который содержится в сознании членов группы²⁰. Этот принцип Знанецкий назвал «человеческим коэффициентом». Значение социальных групп раскрывается в процессе наблюдения, символической коммуникации и социального экспериментирования.

В результате исследований Знанецкий пришел к двум главным выводам:

1. «Члены любой высокоразвитой социальной группы воображают ее, помнят о ней и понимают ее как надындивидуальное объективное целое определенного содержания и значения»²¹.

2. «Любой член группы воображает и понимает ее как действующую силу. Это дает группе право собственности и требование услуги со стороны членов группы. Она несет в себе также социальные обязанности. Социальная группа постоянно воздействует на поведение индивидов посредством указанного воображения и понимания. В результате члены группы выводят ее из мира представлений в действительное бытие в человеческом мире»²².

Главный принцип гуманистического подхода содержится в суждении: единство группы есть фикция, возникающая в сознании ее членов. Хорошо известно, что целостность нарисованной картины обладает таким смыслом, который придала ей эстетическая идея художника. Таким же образом единство группы есть результат совокупной детерминации со стороны людей. Они стремятся к тому, чтобы группа была целым. И хотя группа есть только понятие целого, следствия этого понятия обладают объективными проявлениями. Представление членов группы в ее действительном существовании влияет на их поведение и служит как точка отсчета. Поэтому группа в форме представления есть предпосылка социологического анализа.

Критика

На первый взгляд кажется, что представления социального номинализма, социального реализма и социального гуманизма о характере социальных общностей являются взаимоисключающими. Но такой вывод возможен лишь в том случае, если каждое из указанных представлений рассматривать как полное объяснение. Однако они могут рассматриваться как взаимодополняющие, если заняться поиском общего ключа взаимопонимания. Тогда окажется, что каждый подход включает аспекты, которые согласуются и поддаются синтезу при использовании противоположного подхода.

Вначале рассмотрим социальный гуманизм. Он базируется на факте: члены группы воображают связь между собой как особую единицу или клетку. Они действуют ради нее, вместе с ней и против нее таким образом, будто группа есть действительный объект. Субъективное представление о группе влияет на поведение ее членов. Этот факт без особых проблем можно согласовать с номиналистическим и реалистическим подходом. Зато нельзя согласиться с выводом социального гуманизма: анализ представлений и понятий индивидов относительно группы есть *единственный* способ познания общества. Такой путь ведет к абсолютной субъективизации социальных общностей. И сводится обычно к оперированию только психологическими данными.

Наряду с другими учеными Знанецкий в Визе осознавали эту опасность. И пытались обойти ее, постулируя фундаментальное подобие представлений отдельных индивидов. Речь идет о коллективных представлениях людей о группах, членами которых, они являются. Эти представления выражаются в образах общества, которые возникают в определенных условиях. После выработки такого образа он воздействует на людей более или менее единообразно. Иначе говоря, существует подобие между концепцией группы и чувствами индивидов по отношению к ней. Это подобие базируется на общем фундаменте опыта и наблюдения. Именно данный фундамент и должен быть предметом научного исследования, а не только его отражение в сознании членов группы.

Номиналистический подход тоже фиксирует неопровержимый факт: социальные общности могут изучаться только посредством наблюдения за поведением членов общностей. Только индивиды совершают действия, в одиночку или совместно. Общности действуют лишь в переносном смысле слова. Отсюда вытекает:

об обществе в целом нельзя сказать ничего существенного, что устояло бы перед критикой с позиции номинализма. Тем самым последовательный Методологический индивидуализм преобразуется в онтогенетический индивидуализм. Эта установка отрицает коллективные и интегральные свойства действующих систем. Однако указанное преобразование не является абсолютно необходимым для доказательства истинности главного принципа номинализма: группа как целое есть абстракция (она создается из конкретных действий индивидов), а не действующий субъект как таковой.

Это соображение позволяет перейти к анализу социального реализма. Оно позволяет отвергнуть главный принцип реализма: социальная общность есть субъект, организм или живая клетка. Однако предположение о субстрате социальных общностей не является необходимым для подтверждения истинности частного принципа социального реализма: в общностях возникают коллективные, а не дистрибутивные свойства.

И все же это уточнение не снимает проблему: возможно ли анализировать группу как факт, если наблюдать можно только действия индивидов? Современная логика дает способ решения этого мнимого парадокса. Например, Д. Дьюи показал, что развитие физики в последние годы привело к пересмотру аристотелевского понятия субстанции, когда она определяется как нечто единое, чувственно воспринимаемое и материальное. В целях чувственного восприятия мезонов и нейтронов Дьюи предложил новую дефиницию субстанции: «Для существования субстанциальности требуется единственное условие — взаимное перекрещивание свойств как совершенно определенных признаков появления определенных следствий в результате взаимодействия»²³.

Так, свойства стула есть признаки того, что произойдет, когда на него кто-либо сядет — совершит акт сидения. По сути дела, все то, что обнаруживает возможности специфических экзистенциальных следствий, относится к предметам, а не свойствам. Отсюда вытекает: субстанция определяется взаимодействиями, действиями и следствиями.

С учетом результатов современной науки физик М. Борн тоже поддерживает приведенное определение: «Что имеется в виду, когда говорится об объективном существовании мира? Обычно речь идет о представлениях донаучной эпохи, в которых никогда не сомневался обычный человек. Например, если человек видит собаку, то он видит именно ее, независимо от того, сидит ли она, прыгает

или убегает, исчезая вдаль, как крохотная точка. В сознании человека все эти разнородные чувственные ощущения связываются в результате бессознательного процесса. В этом процессе понятие собаки приводится в единство: она остается одной и той же собакой в каждом из указанных аспектов. Я предлагаю выразить этот факт в утверждении: сознание конструирует постоянные элементы восприятия путем бессознательного процесса; эти элементы и образуют то, что обычный человек называет реальными предметами. Я думаю, что наука поступает аналогично, только на другом уровне восприятия. Она пользуется всеми увеличительными стеклами наблюдения и измерения.

Число возможных наблюдений бесконечно. В них осуществляется связь определенных постоянных свойств, которые выступают как константы. Хотя они отличаются от констант обыденного восприятия, но тоже регистрируют вещи, предметы и атомы. При наблюдении мы пользуемся более совершенными инструментами, но используем тот же самый повседневный язык. Итак, можно утверждать совершенно определенно: невидимые предметы не обладают свойствами обычных предметов; в то же время они обладают достаточным количеством определенных свойств для того, чтобы им приписывать ту же самую физическую действительность, которая приписывается бытию собаки. Разные наблюдения электронов всегда содержат один и тот же порядок, структуру, массу и спин. Этот факт доказывает, что мы говорим о них как о реально существующих частицах»²⁴.

На основе приведенных констатации социальная общность есть объект научного исследования при соблюдении следующих условий:

1. У каждой группы есть определенные признаки или показатели — относительно постоянные наблюдаемые свойства, посредством которых независимые наблюдатели ее могут идентифицировать.

2. На основе данных признаков можно совершать определенные процедуры. Например, если известен тип наблюдаемой группы, то наблюдатель может воздействовать на нее определенным образом в ожидании специфических реакций со стороны ее членов.

3. Данные воздействия (или познавательные процедуры) обладают экзистенциальными следствиями, которые можно доказать. При определенных условиях фиксируются определенные реакции группы.

Существует множество исследований организованных, человеческих общностей. Эти работы не оставляют никаких сомнений в возможности соблюдения указанных условий.

Дюркгеймовская концепция социальной среды

Как было показано, любая концепция характера человеческих общностей содержит элементы истины, с которыми может согласиться каждый. Хотя общие выводы этих концепций надо отбросить.

Дюркгейма обычно считают социальным реалистом. Но его концепция сущности социальных общностей есть компромисс с истинными элементами других концепций при одновременном отбрасывании ложных выводов. Дюркгейм описывает социальную общность как среду или поле, в котором индивиды испытывают чувства и совершают действия. Социальная среда состоит из людей. В качестве физических тел люди не обладают никаким значением. Зато они значимы как субъекты различных взаимных отношений. Человек всегда стоит перед социальной средой. Его место в социальной среде связано с определенными действиями в определенных условиях. Это место или локус есть эпицентр ожиданий. Они сосуществуют с отношениями и обязанностями и правами, которые вытекают из данных отношений. Дюркгейм вполне справедливо отмечал, что социальная жизнь есть система фактов. Они обусловлены позитивными и постоянными отношениями между множеством индивидов²⁵. В сущности, социальная среда относительна. Она существует только благодаря тому, что члены социальных общностей наследуют определенные образцы взаимодействия.

Социолог выступает наблюдателем социальной среды, систематически ее описывая в общих понятиях. Согласно Дюркгейму, социальная среда состоит из коллективных представлений, институтов с особыми нормами и ценностями, образцов организации совместной деятельности. Представления, нормы и ценности существуют исключительно в сознании индивидов. Институты и образцы Деятельности проявляются только в индивидуальном поведении. Хотя социальные факты целиком зависят от общности, они совершенно не зависят от отдельных индивидов. Член общности осознает существование других индивидов, связывает с ними собственные ожидания и предвидит возможные реакции других членов

общности. Тем самым индивид оказывается в среде, состоящей из данных социальных фактов. Среда — это совокупность условий, к которым должен приспособиться индивид.

Только в этом смысле Дюркгейм говорил о «внешнем характере» и «принудительности» как главных свойствах социальных фактов. Эти термины не содержат никакого загадочного смысла. Ощущение «внешнего характера» социальных фактов основано на определенной интуиции индивидов: они ожидают, что определенные чувства, убеждения и ценности встретят поддержку и согласие со стороны других людей. Основной вид социального опыта сводится к знанию: смысл и значение любых вещей, феноменов и отношений не является только продуктом отдельного индивида и не зависит исключительно от его поддержки. Значит, надо проводить различие между *локусом* и *содержанием* социальных фактов. Первое целиком сосредоточено в сознании индивидов. Второе есть интересубъективный или социальный феномен. Содержание социальных фактов может изучаться вообще без учета отдельных индивидов, которым оно обязано своим бытием. Психологические различия, особенности личности и идеосинкретические разновидности индивидов можно вынести за скобки. Иначе говоря, содержание социальных фактов надо изучать на основе посылки: оно *целиком независимо* от психической структуры его носителей. Для анализа содержания не требуется согласие с какой-либо системой психологических знаний. Суть идеи Дюркгейма — социальные факты являются таковыми *по происхождению*.

То же самое можно сказать о «принудительности» социальных фактов. Они только «обязывают», но ни к чему не «принуждают» индивидов. Осознание такой обязательности не ведет к выводу и самостоятельной принудительной силе социальных фактов. Наблюдение за процессами развития норм показывает это совершенно определенно.

Социальные нормы не возникают путем установления или договора, хотя их формулировка и детальная разработка нередко ведут к таким следствиям. Социальные нормы появляются в определенное время как элемент процесса генезиса социальных групп и отношений. Начало этого процесса — контакт двух или большего числа людей. В результате взаимодействия при первой встрече устанавливается стандарт определенного отношения. Следующие встречи протекают в соответствии с данным стандартом, который

выполняет роль образца. Происходит взаимная флуктуация постоянных взаимодействий. В них осуществляется взаимный зондаж, делаются первые шаги и проверяются первые ожидания в отношении других людей. В конечном счете на основе такого взаимодействия возникает определенный образ жизни и повседневная рутина. Взаимодействие принимает форму строгой структуры. Она вполне постижима для наблюдателя, который фиксирует повторы в поведении, ожиданиях и вере в подтверждение таких ожиданий. Установившиеся формы и ожидания выражаются в обычаях и называются «навыками взаимности». После установления навыков взаимные уступки принимают форму образцов и становятся нормами поведения людей. Так возникают отношения или группы, которые связаны с выполнением определенных функций. Образ жизни двух и более лиц служит для достижения индивидуальных целей. Без образа жизни такое достижение невозможно. С этой точки зрения ожидания приобретают особую значимость, поскольку на них базируются отношения. Отношение есть средство удовлетворения потребностей. В его рамках ожидания выполняют роль условий, благодаря которым возможно такое удовлетворение. Поэтому, ожидания *необходимы* для поддержки отношений и реализации потребностей, которые из них вытекают. Познание такой необходимости — дело опыта, который становится общим для всех членов группы. Знание, возникшее в процессе взаимодействия, преобразует необходимость в опыт, связывающий одного индивида с другим. Так складывается единомыслие относительно ожиданий и общее согласие в их ценности и необходимости.

Если единомыслие сложилось, ожидания приобретают характер обязательств и становятся обязанностями индивидов. Нормы — это обязанности, воплощенные в форме взаимных обязательств. Процесс вербализации и письменной формулировки осознанных обязанностей есть результат стремления к тому, чтобы данное отношение стало предметом договора. Но обычно этот процесс связан с правилами инициации новых членов. Для инициации надо внедрить в нового члена ожидания, которые стали правилами поведения людей, установивших данное отношение. Для передачи и наследования ожиданий они должны быть ясно сформулированы в виде обязанностей.

Убеждение в надындивидуальном характере норм восходит к инициации, в ходе которой ожидания излагаются как обязанности. Обязанности могут транслироваться только при соблюдении

определенных условий: новому члену сообщают, что излагаемые правила поведения не установлены лично учителем или любым другим членом группы; что они не являются также продуктом деятельности клики, состоящей из некоторых членов группы. Если эти условия соблюдаются, обязанности становятся неотъемлемыми условиями закономерного функционирования группы в целом. Это узлы, на которых держится отношение. Оно существует до тех пор, пока является предметом стремления. Члены группы обязываются (или «принуждаются», в терминологии Дюркгейма) поступать определенным образом и выполнять данное обязательство.

От воли индивида зависит только намерение стать членом группы. Если оно у него есть, то он должен знать, как приспособиться к определенным образцам поведения и мышления. Речь идет о таких приказах, в которых никто не может сомневаться или настаивать на их выполнении по *личному* произволу. Индивид соглашается с таким приказом как общеобязательным для всех требованием ситуации. Скрытое значение силы обстоятельств эквивалентно сознанию бытия группы как действующей единицы. Сущность социального отношения ощущается как обязательство и потому становится квази-объективным.

Аналогия с понятием «поля»

Концепция социальной общности как определенной среды наминает понятие поля. Поле физической силы (магнитное или электрическое) — это особая действительность с характерными свойствами. То же самое можно сказать о системах, возникших в результате взаимодействия и взаимосвязей индивидов. Магнитное поле увеличивает ускорение находящихся в нем заряженных частиц. Социальная среда влияет на индивидов, определяя их выбор способов и средств действия. Кроме того, в теории поля Эйнштейна показано, что описание поля, а не заряженных частиц, обладает фундаментальным значением для понимания их поведения. То же самое можно сказать об индивидах.

Наконец, состояние магнитного или электрического поля образуется круговыми линиями сил. Социальная среда тоже может пониматься как «кругообразное состояние». Это вытекает из взаимных уступок индивидов, активного обмена средствами, товарами, представлениями и впечатлениями, наличия общих чувств и участия в общих действиях.

Частичная аналогия физического понятия поля и социологического понятия среды объясняет истинность конкретных положений социального реализма. А несовершенство аналогии проливает свет на истинность социального номинализма. Физик может измерять силы поля независимо от частиц и зарядов. Изучать электромагнитное поле как бытие в пространстве, независимое от электрических зарядов и магнитов, хотя оно с ними связано. Тогда как бытие социальной среды не может существовать столь же независимо. Свойства среды нельзя зафиксировать независимо от поведения индивидов, действия которых и образуют данную среду. Следовательно, концепция социальной среды Дюркгейма соединяет истинные аспекты социального реализма, социального номинализма и социального гуманизма. Она выполняет эту роль вполне успешно, поскольку отвергает ложные положения указанных подходов — гипостазирование, атомизм и психологический редукционизм.

ГЛАВА 3

Вклад Вебера

Протестантская этика и дух капитализма

Вклад Вебера в создание социологической теории лучше всего проиллюстрировать на примере его работы «Протестантская этика и дух капитализма» (1905 г.). Это произведение является прежде всего историческим исследованием. И потому его надо анализировать с точки зрения истинности исторических утверждений, высказанных Вебером в данной работе. Одновременно она задумана как введение в социологию, и потому может рассматриваться в категориях социологической теории. Социологические проблемы не относятся к историческим основаниям Веберовской концепции, а связаны с характером генерализации. Что же является социологическим в данной работе? Какие выводы из нее можно извлечь для социологии и методов истолкования социологических данных?

Что касается истинности выводов, то Вебер верно описал связь аскетического протестантизма с современным капитализмом. Такая оценка работы Вебера в настоящее время является общепризнанной. Однако Вебер не занимался причинно-следственным объяснением генезиса капитализма. Религиозные и экономические движения XV-XVII вв. были взаимосвязаны. Поэтому нельзя определенно утверждать, что одно из них было причиной другого. Они были сцеплены отношением обратной связи. Вебер прекрасно это осознавал. Речь идет о взаимовлиянии религиозных и экономических факторов. Он совершенно определенно утверждал, что влияние религиозного фактора было решающим. Одновременно Вебер признавал, что «...протестантская аскеза в процессе своего становления и формирования в свою очередь подвергалась воздействию со стороны всей совокупности общественных и культурных факторов, прежде всего *экономических*»¹. Это положение Вебера

настолько хорошо обосновано, что его можно рассматривать как вклад в социологическую теорию. Этим я и займусь.

Первый шаг к этому направлению — тщательная проверка способа взаимосвязи факторов в модели Вебера, связавшего протестантизм с капитализмом. Необходимость такой проверки определяется тем, что недоразумение относительно указанных факторов привело Сорокина к решительной критике Веберовской концепции.

Критика Вебера Сорокиным. В истолковании Сорокина тезис Вебера означает: протестантизм создал особую этику экономического поведения, которая повлияла на экономическую организацию и образ жизни людей данной конфессии.

Сорокин полагает, что Вебер сопоставил действие двух факторов: протестантскую экономическую этику и капиталистическое хозяйство. Именно эта этика подвергла протестантов дрессировке и муштровке, необходимой для ведения этого хозяйства. Сорокин излагает отношение между ними в виде уравнения: $\Theta = \phi(X\Theta)$, в котором Θ означает капиталистическую экономику, ϕ — функцию, $X\Theta$ — хозяйственную этику².

Сорокин резко критикует эту модель за смешивание различных категорий явлений. Сорокин полагает религию психическим феноменом, тогда как экономическая организация выходит за рамки человеческой психологии. Для Сорокина Веберовская модель одновременно служит примером ошибки, которую Сорокин называл «теорией усов». Эта теория считает часть системы (в данном случае религия выступает в роли усов) детерминирующим фактором, а всю систему (экономику данной культуры) — следствием одной части.

Короче говоря, Сорокин отбрасывает концепцию Вебера на том основании, что в ней постулируется связь разных элементов разных систем. Эту связь невозможно обосновать теоретически. Согласно Сорокину, социология может изучать только отношения в рамках одной системы или отношения между разными системами как целостностями. В этом смысле социология не отличается от остальных наук. Концепция Вебера не может быть обоснована и потому, что в ней не соблюдается различие системных и массовых изменений. Вебер рассматривает экономические и религиозные факторы с атомистической точки зрения. Иначе говоря, он толкует каждый из указанных факторов, как массу по отношению к другому.

По мнению Сорокина, с социологической точки зрения надо рассматривать протестантизм и капитализм как разные системы. Они развивались независимо друг от друга как части большой суперсистемы, которая появилась в цивилизации Запада после XII в.

Возможно, Сорокин прав. Но тезис Вебера не относится к связи протестантизма и капитализма как особых систем. Вебер просто фиксирует связь отдельных элементов системы протестантизма и системы капитализма. Речь идет об аскетическом этосе и рациональности.

Аскетический этос включает нормы определенного стиля жизни. Он был реакцией на фундаментальные проблемы жизни, перед которыми оказалась протестантская теология. Может ли certitridio salutis заменить институт покаяния, отброшенный в протестантизме? Протестантизм так отвечал на этот вопрос: только тот может быть уверен в спасении души, кто ведет аскетичную жизнь не в монастыре, а в повседневности, главными элементами которой являются труд, семья, отношения с другими людьми. Такая жизнь связана с абсолютной ответственностью и должна подвергаться постоянной калькуляции. Тем самым вся жизнь человека превращалась в постоянную заботу о средствах спасения души. Главным из них полагался труд, понятый как призвание человека на службе богу. Выполнение собственных обязанностей — священный акт. Все противостоящее этому, есть смертный грех.

В капиталистической системе элемент рациональности выражается также в совокупности норм поведения при достижении индивидуальных интересов. Эти нормы требуют планировать жизнь в целом. Они воплощаются в двойной бухгалтерии и ответственности за рациональное использование всех доступных средств.

Установленная Вебером связь относится к двум системам норм — мирскому аскетизму и принципу реализации интересов. Следствием протестантизма была хозяйственная этика, а не экономическая система капитализма. Поэтому более правильно выразить тезис Вебера в виде уравнения: $X\Theta = \phi(A\Theta P)$, в котором $A\Theta P$ означает аскетический этос протестантизма.

Эта поправка в ошибочное понимание Вебера Сорокиным позволяет также отвергнуть его критику: будто бы Вебер связывал элементы разных систем. На самом деле у Вебера речь идет о роли только одной системы — «этоса» группы. Это понятие ввел в социологию В. Самнер. У Вебера речь идет о группе протестантских предпринимателей, купцов и производителей. Этос фиксирует общие и частные нормы поведения, которые определяются данной

группой. Кроме того, у Вебера речь идет о взаимосвязи факторов как элементов одного и того же рода, а не об атомизированной совокупности факторов. Оба фактора относятся к фактам психики с интерсубъективным содержанием. Это содержание есть род объективности, которую Дюркгейм приписывал социальным фактам. Указанная объективность не зависит от единичных индивидов, но обязательна для всех членов группы.

Таким образом, тезис Вебера выражается в формуле: $X\Theta = \Phi(A\Theta P)$. Она позволяет увидеть связь двух сторон уравнения. Данная связь обладает логической значимостью. Такой вывод можно подтвердить примерами из «Протестантской этики и духа капитализма».

Например, Вебер отмечал, что протестантская религия только по отношению к конкретным ситуациям включает практические и психологические мотивы поведения. Хозяйственная этика связана с протестантским этосом. Поэтому она есть конкретное выражение данного этоса в особых ситуациях — торговых сделках. Значит, обе стороны уравнения равны, поскольку они выражают отношение общего к частному.

Между ними существует также связь в категориях мотивов или понимающего описания. Нетрудно понять: если поведение в соответствии с аскетическим этосом считается необходимым условием спасения личной души, то успех в профессиональной деятельности есть практическое применение данного этоса и оценивается как признак божественной благодати. На этом примере можно убедиться, что самые глубокие убеждения человека и его призвание к определенной профессиональной деятельности есть неразрывное целое. Вебер показал, что это целое образует духовную связь, которой не было в средневековье³. Роль понимающего описания данной связи выполняет утверждение: «Особая склонность, которая способствовала положительной реакции на специфические требования капитализма Нового времени, возникла на основе личной религиозной жизни членов протестантских сект, семейных традиций, сформировавшихся под влиянием религии и стиля жизни, остающегося под влиянием религии»⁴.

Если известна рациональная практика протестантских купцов и промышленников, то нетрудно увидеть ее мотивировку религиозными убеждениями.

Характер генерализации. С учетом приведенного объяснения главного положения Вебера поставим следующий вопрос: каков характер данной генерализации?

С точки зрения доминирующей концепции теории тезис Вебера не является теоретическим. Однако из него вытекает определенная теория. После исследования протестантской этики Вебер занялся анализом мировых религий для обоснования собственной теории. Ее характер определяется общим принципом Вебера: религиозные идеи относятся к вопросам фундаментальной важности для верующего человека и потому существенно влияют на его способ поведения в повседневной жизни. Из этого принципа нетрудно дедуцировать весьма правдоподобное следствие: различные религиозные верования создают различные правила поведения. Для доказательств указанного влияния Вебер показал, что каждая из проанализированных им религий — индуизм, иудаизм и даосизм — связана с хозяйственной практикой. Ее характер совпадает с доктриной каждой из указанных религий. Но Вебер не создал ни одной частной теории, которая объясняет суть совпадения и обеспечивает дедукцию множества эмпирически фиксируемых взаимосвязей,

Если тезис Вебера не является теорией, то нельзя ли его рассматривать как каузальный закон? Недостаток знаний о необходимости указанной связи исключает такое определение. Нет сомнения в регулярности такой связи в отдельных случаях. Однако регулярность доказывает лишь то, что протестантский аскетизм был достаточной, но не необходимой причиной генезиса духа современного капитализма.

И все же эта связь не является статистическим фактом, хотя его можно подтвердить статистически. Она подтверждается и доказательствами, вытекающими из интуиции. А последняя базируется на всеобщности индивидуального опыта, придающего значение данному факту. Следовательно, связь не только статистически вероятна, но и претендует на всеобщее согласие. Вебер называл социологическими законами статистические закономерности, в отношении которых можно применить процедуру «понижающего описания».

Каков же смысл термина «социологический» в законе, выведенном из исследования протестантской этики? По мнению Вебера, предмет социологии — социальные действия: «Социология ... есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»⁵.

Что такое социальное действие? Человек действует социально значимо тогда, когда в процессе достижения определенной цели он учитывает прошлые, настоящие и будущие действия других

людей. Важно подчеркнуть, что социальное действие не есть совокупность факторов поведения, направленного на достижение цели. При стремлении к ней человек предпринимает действия, которые не являются существенными с точки зрения других индивидов. Человек размышляет о множестве предметов, никак не связанных с его личными делами. Совершает сложные телодвижения и манипуляции с вещами. Ни одно из этих действий не является социальным. Только учет предполагаемой реакции других людей на собственные действия есть социальный акт! Он целиком сводится к психике и интенционально направляет все поведение человека. На основе приведенной классификации можно указать социальные действия, образующие предмет главного тезиса Вебера. Речь идет о приспособлении индивида к нормам протестантского этоса: каждый должен *вести жизнь* пуританина и *быть* нянькой собственного призвания. Такое приспособление есть социальное действие. Оно влечет за собой ориентацию человека на предполагаемую реакцию других людей. Человек пользуется интуицией или рациональным воображением относительно того, как другие люди понимают и оценивают его поведение. Нормы как элементы социальной организации являются социологическими факторами. Поэтому закон Вебера фиксирует отношение и объясняет связи между социологическими факторами. В этом отношении он является социологическим законом.

Следствия концепции Вебера

Веберовская работа о протестантской этике не является лишь важным эмпирическим исследованием. Она вносит важный вклад в социологическую теорию, поскольку дает показательный пример подхода Вебера к социологическому анализу.

Этот подход включает три важных следствия: формулировку социологических законов как главную цель социологического анализа; концептуализацию социологических факторов в виде идеальных типов при постулировании связи аскетического протестантизма с духом современного капитализма, акцент на особую роль понимания мотивов действия.

Социологические законы и задачи социологической теории. Согласно Веберу, рациональное понимание социальной жизни во всей ее конкретности и специфике есть главная задача социальных наук, включающая социологию. Предметом исследования служат действительные

события. Исследование направлено на понимание культурного значения событий, фиксацию связей между ними и открытие исторических причин событий.

Такой подход базируется на идее: социокультурный мир как специфически человеческий домен в принципе известен исследователю. В отличие от природы социокультурный мир есть продукт человеческих действий, которые осмысленно соотношены с потребностями и интересами людей. Бытие и действие этого домена случайно. Оно зависит от воли человека и не является необходимостью в аристотелевском смысле слова как бытия в природе вещей, независимого от человеческой воли. Отдельные ситуации и события осознаются людьми, поскольку они облегчают или затрудняют достижение личных целей, а также придают смысл предметам и вещам, которые обладают ценностью для людей. Такие ситуации и события Вебер называл «культурно значимыми» и связывал с ними определение социологии: «Если называть «науками о культуре» те дисциплины, которые рассматривают события человеческой жизни под углом зрения их культурного значения, то социальная наука в нашем понимании относится к данной категории»⁶.

Социальная наука — это попытка применить научные методы и техники к изучению конкретных ситуаций, событий и всего сценария современного общества, поскольку они непосредственно — положительно или отрицательно — связаны с социальными целями и ценностями.

Вебер особо подчеркивает значение этого вопроса. Цели социальных наук и наук о природе совершенно различны. Представитель социальных наук изучает то и только то, что связано с человеческими представлениями о благе. Он стремится также к каузальному объяснению исторических ситуаций. В отличие от естествоиспытателя главная цель представителя социальных наук не заключается в открытии универсальных законов и редукции сложных феноменов к составным элементам. Система взаимосвязанных утверждений, из которых можно дедуцировать действительность, не является идеалом социального знания. Действительность проявляется в событиях, которые имеют место в обществе. И потому она не может быть выведена из законов, которым подчиняются события.

Социокультурный факт обладает материальным и психологическим аспектом одновременно. Каждый из них может зависеть от законов природы. Согласно Веберу, можно даже создать специфическую химию социальных явлений. Она должна заниматься

сведением социальных явлений к элементарным физическим факторам и классификацией и изучением отношений между данными факторами. Тогда как сущность социокультурного факта содержится в смысле и значении, которые приписывают ему люди. Связь ценностей и мотивов с социальными фактами ограничивает сферу абстракций и первичных данных, которыми пользуются социальные науки. А. Шелтинг описывает этот момент Веберовской концепции следующими образом: «Существуют конкретные качественные факторы. От них зависит значимость отнесения к ценности исторических событий и индивидуальных причин, которые обуславливают данные события. Указанные факторы отличаются от элементов исторической действительности, на которые ее необходимо расчленить для того, чтобы естественные науки могли формулировать универсальные законы данной действительности»⁷.

Вебер утверждает: «Если в астрономии наш интерес направлен только на чисто количественные, доступные точному измерению связи между небесными телами, то в социальных науках нас прежде всего интересует качественная окраска событий. К тому же в социальных науках речь идет о роли духовных процессов, «понять» которую в сопереживании — совсем иная по своей специфике задача, чем та, которая может быть разрешена... с помощью точных формул естественных наук»⁸. Качественная окраска событий связана с тем, что они вызывают чувство удовольствия или неудовольствия людей.

Совершенно очевидно, что позиция Вебера базируется на радикальном различии естественных и социальных наук. Это различие состоит в противоположных целях и объектах интереса, а не в различии двух типов логики и методов научного исследования. М. Коэн убедительно обосновал указанную позицию: «С социальной точки зрения действия не являются природными событиями, а проблемами, которые возникают перед людьми. Поэтому поиск единства социальных наук не направлен на создание всеобъемлющего закона, подтверждающего причинно-следственные связи. Речь может идти только о такой концепции конечных социальных целей, которая вытекает из социальной науки в целом как системы суждений о поведении человека»⁹.

Коэн утверждает: «В отличие от физики социальная наука не интересуется законами повторения одних и тех же элементов, а также законами индивидуальной психики. Она занята поиском законов, определяющих отношения моделей высокой степени сложности»¹⁰.

Крайне важно осознать, что Вебер и Коэн полагают различие между естественными и социальными науками *тематическим*, а не онтологическим, в отличие от Р. Мак-Ивера, настаивающего на различии «сфер бытия» природного и социального мира. Причем у Вебера анализ различных тем не имплицитно различия в принципах логики. Тематическое различие базируется на использовании разных источников информации и понятий. Например, социальная наука может пользоваться понятиями повседневного языка, а не только абстракциями философии и математики.

Вебер в этой связи поставил перед собой конкретную задачу: показать, что обе *сферы знания* подчиняются одним и тем же правилам обоснования знания и стремления к объективности — независимо от тематических различий между естественными и социальными науками. Для ее решения Вебер разработал концепцию генерализирующих процедур в социальных науках. Знание социальных законов еще не является знанием социальной действительности, хотя социальные науки не могут обойтись без законов. С точки зрения тематики только звание закономерностей «...дает возможность приписывать конкретные причины неповторимым аспектам явлений, которые относятся к ценностям. Без номологического знания (т. е. знания каузальных связей) никакое объяснение невозможно. Определенность приписывания каузальных связей повышается тогда, когда общее знание более достоверно и всесторонне»¹¹.

Вебер полагал, что независимо от характера закономерностей социальные науки пользуются ими по образцу естествознания. Главная функция закономерностей состоит в том, что они служат промежуточной целью при эмпирическом обосновании утверждений. Эта функция хорошо иллюстрируется логической парадигмой объяснения, разработанной К. Гемпелем и П. Оппенгеймом¹². В данной парадигме законы служат связующими звеньями между экспланансом и экспланандумом. Речь идет о связи исходных условий с событием (ситуацией), которое должно быть объяснено. Закон фиксирует данную связь.

Максимы поведения. Вебер выделил особый тип законов, обладающих значимостью в сфере социальных наук. Этот тип базируется на принципе опыта или адекватной каузальности. Я называю эти законы максимумами поведения¹³. Они относятся к мотивам поведения и подтверждаются непосредственным опытом личности.

Принципы поведения объясняют наблюдаемые связи социальных явлений. Например, существует зависимость «В самой бедной стране наиболее высокая процентная ставка». Эта зависимость объясняется правилом «Величина риска определяется величиной стимула к риску». Можно воспользоваться другим примером, который приводит Д. Мак-Коннел в книге «Экономическое поведение». Существует правило: если деятельность правительства расширяется, то все большее число людей связывает свои интересы с конституцией и экспансией правительства. Это правило объясняется следующими принципами поведения: люди не любят терять свои посты; люди, усвоившие определенные навыки, отрицательно относятся к изменениям; власть предрасположена не любить от нее отказываться¹⁴.

Максимы поведения тождественны правилам самосохранения. Они выражают относительно постоянную связь между установкой (оценкой) и намерением таким образом, который соответствует данной установке. Это соответствие подтверждается повседневным опытом. Оно совпадает с правилами повседневной или воображаемой жизни. По определению И. Берлина, максимы поведения обеспечивают индивида «взглядом постороннего», при помощи которого можно понять правила человеческого поведения. Если максимы поведения обладают первостепенной значимостью, то кто их создает? Если они являются законами социальных наук, то почему их формулировка не может быть главной задачей данных наук? Может быть, Вебер ошибался, когда утверждал что социальные науки не занимаются поиском законов?

Если судить по многочисленным замечаниям, разбросанным по разным работам Вебера, его точка зрения на поставленные вопросы сводится к следующим положениям:

1. Максимы поведения, можно формулировать задним числом, если требуется их объяснение.

2. Большинство максимум поведения банальны. Они отражают рутину повседневной жизни и считаются самоочевидными при объяснении. Например, В: Буш выразил в форме научных утверждений (типа «Того не любят, кто смеется, когда другие плачут») опыт повседневной жизни.

3. Некоторые максимы поведения фиксируют редко встречающуюся или вообще неизвестную связь мотивов. Они обычно формулируются наблюдательными и тонко чувствующими людьми (например, Фрейд был таким человеком).

4. Объясняющие поведение человека законы должны формулироваться в терминах, обеспечивающих доступность социокультурного смысла описываемых явлений.

Г. Блумер назвал такие термины «ощутимыми понятиями». Это значит, что полезность таких терминов зависит от того, насколько они наталкивают на мысль о специфическом опыте чего бы то ни было. Например, С. Додд попытался свести их к символам математики. Однако совсем необязательно выражать максимы поведения формально и абстрактно, придавая им форму системы взаимозависимых утверждений по образцу дифференциальных уравнений.

Веберовскую концепцию социальных наук и социологии можно определить как разновидность экзистенциализма. Что и каким образом непосредственно ощущают индивиды в исторической действительности, в которой они живут? — этот вопрос был для Вебера фундаментальным. Понятия всеобщего и закона при этом становились лишь средствами понимания человеческого поведения, а не создания научной системы. Главная цель социологического анализа — формулировка так понятых социологических законов.

Социологические факторы как идеальные типы. Теперь рассмотрим теоретическое содержание сопутствующих факторов в концепции Вебера. Аскетический протестантизм и дух капитализма — сложные феномены, а не элементарные факты. В терминологии Вебера они являются «историческими констелляциями», а не абстракциями. Они не принадлежат к переменным с количественными различиями, но обладают качественными свойствами и представляют образцы поведения с изменяющимся укладом элементов. В то же время Вебер использовал эти понятия как аналитические в целях систематизации и интерпретации исторического материала и оперировал ими таким образом, как если бы они были элементарными фактами, неизменными ни при каких условиях.

Такие понятия связаны с особой процедурой конструирования, которую Вебер называл «идеальным типом». Он применял ее тогда, когда ситуация является чрезвычайно сложной, охватывая гетерогенные свойства с большой степенью интенсивности. Эта установка вполне оправдана по отношению к аскетическому протестантизму и духу капитализма, «...так как эмпирически они живут в умах неопределенного и все время меняющегося количества индивидов и обретают в них разнообразнейшие оттенки по

форме и содержанию, ясности и смыслу»¹⁵. Например, термином «аскетический протестантизм» определяются компоненты духовной жизни индивидов XVII в., которые «...составили бы, конечно, если бы мы могли их полностью воспроизвести, хаос бесконечно дифференцированных, и весьма противоречивых связей мыслей и чувств»¹⁶.

Как известно, обычные родо-видовые понятия конструируются путем отбора или усредненной характеристики общих свойств данного класса явлений. В данном случае такие понятия являются недостаточными и неэффективными. Возникает нужда в идеальном типе как особой понятийной конструкции. Он отличается от родо-видовых понятий тем, что отобранные элементы есть результат «глубинного» анализа ситуации в целях открытия ее специфических и фундаментальных свойств. Непосредственная противоположность идеального типа — усредненный тип. Он конструируется на основе отбора наиболее распространенных аспектов явления, которое образует пример данного типа. Исчисляющая индукция есть метод конструирования усредненного типа. В основном она является статистической процедурой, тогда как идеальный тип, по определению Знанецкого, конструируется при помощи аналитической индукции.

Вебер нередко называл идеальные типы «чистыми типами». Это определение фиксирует особенность процесса конструирования типа — поиск наиболее специфических и главных свойств в отличие от самых распространенных. Каждый отобранный таким образом элемент, фиксируется в полном, исключительном и безусловном виде. Например, мотив спасения души — один из элементов протестантского этоса. В идеальном типе этот элемент полагается повсеместно распространенным. Предполагается, что он никогда не ослаблен воздействием других мотивов, хотя в реальной действительности так никогда не бывает. Возьмем другой пример: при анализе хозяйственной этики протестантизма предполагается, что забота о средствах спасения души вечно жива и управляет любым решением индивида. Все остальные чувства при этом в расчет не берутся. Такая ситуация маловероятна. Следовательно, идеальный тип «чистый» в том смысле, что каждый его элемент фиксируется в первичной форме. Она не искажена примесью других мотивов, мыслей и чувств, ослабляющих или меняющих ее направление. Короче говоря, каждый элемент идеального типа рассматривается как совершенный в своем роде.

Идеальный тип выполняет три главные функции

1. Он служит для классификации явлений, подобно остальным мысленным конструктам. Прежде всего типологические понятия используются для названия предметов и явлений по образцу категоризирующих и классифицирующих понятий. Например, понятия стула, харизмы и роли являются классифицирующими категориями. Однако функция идеального типа к этому не сводится. Тип — это образец, совокупность взаимосвязанных факторов, выраженных в общих понятиях. По этой причине идеальный тип определяет отдельные случаи как ступени репрезентации образца, а не подводит их под категорию рода, как это делается в отношении видовых отличий. Например, множество случаев торговой деятельности английских купцов XVII в. можно отождествить с воплощением духа капитализма и причислить их к одному роду. Но при этом они не считаются примерами строго определенного класса на основе идентичной конотации. Речь идет просто об аналогичных примерах по степени приближения или отношения к сконструированному типу.

2. Сконструированный тип идеален в том смысле, что в каждом конкретном случае он не может быть воплощен в действительность. Идеальный тип — это единственный в своем роде случай. Он возможен, хотя и маловероятен. Вебер подчеркивает, что идеальный тип всегда должен конструироваться таким образом, чтобы представляемый им предмет мог функционировать в действительной жизни. Идеальный тип — это идеальный эксперимент, который конструируется как замкнутая система. В неконтролируемых условиях естественного состояния ничего подобного идеальному эксперименту не происходит. Зато эксперимент доказывает возможность, а значит и действительность того, что имеет место в его процессе. Все происходящее вне лаборатории в открытых системах в различной степени приближается к экспериментальным условиям. Знание результатов эксперимента позволяет установить, какие факторы могут оказаться действующими в реальных ситуациях, и приводить к результатам, отличающимся от результатов эксперимента.

Таким же образом идеальный тип может помочь установить факторы, объясняющие отклонение конкретного случая от идеального типа. Особенно это относится к идеальному типу целенаправленного или рационального действия. В этом случае идеальный тип реконструирует процесс действия на основе принципа: поведение считается полностью рациональным только тогда, когда для достижения цели используются наиболее подходящие средства, все

знание о всех факторах действия и осуществляется антиципация всех последствий действия. Так что суждение «Отклонение от идеального типа» есть простая регистрация факта, а не оценка. Чистый тип позволяет зафиксировать отклонения от него отдельных частных случаев. Например, при отклонении от «закона Грешема» (фактическое исчезновение из денежного обращения неполноценных монет) это отклонение можно приписать действию иррациональных мотивов — тщеславию, презрению к лицам, использующим монеты мелкого достоинства и т. д.

В этом отношении Т. Парсонс совершенно неправильно истолковал Вебера. Парсонс приписал отрицательный смысл терминам «отклонение» и «иррациональность», отождествив их с некими недостатками. Парсонс считает, что в отклонения «в большинстве случаев вплетены аспекты, влияющие или вызывающие несовершенную интеграцию глобальных систем действия»¹⁷. На самом деле проблема интеграции Вебера абсолютно не интересовала. Отклонение от идеального типа он не рассматривал как ошибку или функциональное несоответствие. Отклонение — это просто другое явление и должно иначе определяться и анализироваться. Тогда как Парсонс ошибочно полагает, что иррациональные элементы разрушают чистый тип и входят в конфликт с рациональными элементами системы. А по существу Вебер рассматривал отклонение от рациональности как степень проявления элементов идеального типа в конкретном случае. Проблема других элементов по сравнению с идеальным типом его тоже не занимала.

3. Применение для теоретического анализа — третья функция идеального типа. Он особенно полезен для предсказания. Если идеальный тип используется как модель, можно с большой вероятностью предвидеть развитие ситуации, которая в определенной степени соответствует ситуации. Например, диктатура в Европе в первой половине XX в. была предсказана Спенсером еще в XIX в. Он имел в виду предрасположенность некоторых стран (например, Германии) к милитаристской политической организации. Идеальный тип способствует также установлению существенных связей между двумя констелляциями или образцами, зафиксированными в идеальных типах. Вебер констатировал связь духа капитализма с аскетическим протестантизмом. Ее фиксация облегчила однозначную и логически удовлетворительную формулировку идеальных типов. Эта процедура предоставляет в распоряжение ученого строго определенную концепцию, которая необходима для эмпирического наблюдения сходных свойств.

Роль понимающего описания

Согласно Веберу, предмет социологического анализа — каузальное объяснение процессов и результатов социальных действий. Социальные действия — это социологические детерминанты поведения человека, которые надо использовать как аналитические понятия.

Кроме того, при каузальном объяснении социальных действий надо установить связанные с ними мотивы: «Социальное действие не идентично ни а) единообразному поведению многих людей, ни б) тому, на которое влияет поведение других»¹⁸. Фиксация единообразия и функционального отношения при изучении поведения человека может служить лишь предварительным этапом социологического анализа: «В науке, предметом которой является смысл поведения, «объяснить» означает постигнуть смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие»¹⁹. В естественных науках каждое событие рассматривается как частный случай передачи или изменения энергии. Действие человека как физический факт тоже есть проявление передачи или изменения определенной формы энергии. Однако социальное действие значительно превосходит указанные процессы.

Социальное действие обладает *смыслом* для действующего индивида. Оно значимо как средство достижения цели, разрядка напряжения опыта, поддержка и усиление ценностей. Поэтому при анализе поведения человека и истолковании его действий надо учитывать оценки и намерения, с которыми связаны эти действия. При анализе социальных действий надо знать взаимные ориентации взаимодействующих индивидов, а также их реальное и предполагаемое поведение, на которое они взаимно рассчитывают: «Поступая таким образом, можно достичь субъективного понимания действий взаимодействующих индивидов, что в естественных науках в принципе невозможно. Естественные науки ограничиваются формулировкой каузальной повторяемости вещей и событий и используют ее для объяснения единичных фактов. Мы не «понимаем» поведение клетки, а наблюдаем существенные функциональные отношения и на этой основе вводим генерализации. Объяснение посредством понимающего описания, в отличие от внешнего наблюдения, содержит дополнительные результаты в виде гипотез и фрагментов понимания. Несмотря на это, понимающее описание есть отличное свойство социологического знания»²⁰.

Как понимать упоминание Вебера о дополнительных результатах социологического знания? Его не следует трактовать таким образом, что естественные науки к этому неспособны и потому социология является наукой высшего ранга. Указанная трактовка влечет неверный вывод: социологи могут совершить нечто такое, что непрочь сделать и физики, но не в состоянии. Вебер просто полагал вполне оправданным вопрос о причинах действия при данных условиях. В естественных науках бессмысленно задаваться вопросом: почему нечто совершается? Этот вопрос связан с объяснением главного аспекта человеческого поведения. Тогда как в отношении физических явлений указанный вопрос является бессмысленным антропоморфизмом, от которого естествознание откалось вполне справедливо.

Мотивационное понимание или понимающее описание социального действия возможно путем толкования смысла действия для действующего человека²¹. Это действие толкуется с точки зрения идеального типа и анализируется в категориях его главных элементов, упорядоченных в соответствии с целостным образцом. Данные элементы и их взаимоотношения представлены на рис. 1. Согласно предлагаемой схеме, началом действия служат наблюдения или события с точки зрения их влияния на индивида. Он совершает оценку данных раздражителей в категориях предшествующего опыта, актуальных интересов и ценностей. Оценка порождает намерение, непосредственно совпадающее с ее содержанием. Обычно намерение индивида возникает под влиянием накопленного и пережитого опыта. Оно выражает его одобрение или порицание в виде положительной или отрицательной оценки. После оценки средств и ситуации намерение воплощается в стратегически и тактически ориентированное инструментальное действие. В результате происходит изменение ситуации, в том числе исходного раздражителя.

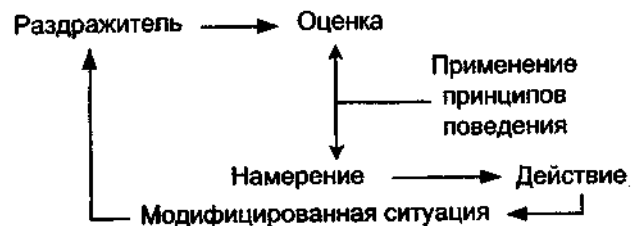

Рис. 1

Оценка и намерение — ключевые элементы данной схемы. Они определяются с помощью различных техник и средств эмпирического исследования. После такого определения возникает «значимость» в веберовском смысле слова — объяснение смысла действия или его мотивационное понимание. Возникает возможность понять, почему индивид действует в соответствии с влиянием, которое оказало на него определенное событие, и с оценкой, возникшей в результате такого влияния. Например, можно понять, почему намерение рационально и ответственно заниматься предпринимательством возникло в результате согласия (положительной оценки) индивида с нормами аскетического протестантизма.

Понимающее описание — это познание постоянной и осмысленной связи оценки и намерения. Такое познание не вытекает из способности индивида к перевоплощению и совместному переживанию. Как верно отметил Вебер, «не надо быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря»²². Понимающее описание есть результат знания, основанного на обобщении личного опыта, а не эмпатии. Связь оценки и намерения возникает вследствие самостоятельного переживания индивида, порождая склонность к определенному действию. Человек непосредственно ощущает, что его действие вытекает из данной связи, и убежден в ее существовании. Процесс воспитания базируется на непосредственном знании связей оценок и намерений. Он возможен благодаря исключительной способности ума к генерализации опыта и преобразованию таких генерализаций в общие правила поведения.

Эти правила я называю «максимами поведения». Их можно определить как утверждения о постоянных связях типов, оценок о типами намерений. Безусловно, Вебер имел в виду указанные максимы, когда писал о «типичных мотивах и типичных гипотетических смыслах действующих индивидов, благодаря которым можно понять шансы того, что при определенных условиях социальное действие приобретает ожидаемое направление»²³. Понимающее описание — это применение максим поведения для истолкования процесса действия.

Согласна Веберу, социологический анализ протекает в следующем порядке: интерпретация — понимающее описание — каузальное объяснение. В то же время он подчеркивал, что истинное объяснение не обязательно является самоочевидным. Оно может быть объективно возможным и каузально адекватным, но не иметь никакого отношения к эмпирии. Понимающее описание любой связи

всегда надо проверять с помощью обычных методов каузального объяснения, эксперимента, статистики *t* компаративистики. Без такой проверки объяснение лишь возможно, но не обязательно истинно. Поэтому эмпирическое подтверждение есть четвертый элемент социологического анализа. Интерпретация и понимающее описание не дают аргументов в пользу каузального объяснения, хотя выполняют необходимую функцию в социологическом анализе. Интерпретация социального значения и применение максим поведения обеспечивают социологов экспериментально проверенными интуициями. Они служат источниками возможных гипотез при формулировке социологических законов.

Понимающее описание направлено на достижение двух целей:

1. Выработку объясняющего понимания. Социальные действия есть осмысленное поведение. Любое суждение о них остается непонятным без ссылки на оценки и намерения действующих индивидов. М. Бродбек справедливо замечает, что невозможно высказывать суждения о человеке одновременно меняя тему обсуждения. Хотя и сомневается в том, что «субъективное понимание в веберовском смысле слова необходимо для того, чтобы устранить превращение анализа человека в анализ молекул»²⁴.

2. Объясняющее понимание служит главным источником социологических гипотез. В качестве эвристического механизма оно является также необходимым средством развития социологической теории.

ГЛАВА 4

Вклад Зиммеля

Зиммель был философом-профессионалом, а из литературных форм предпочитал эссе. В отличие от Дюркгейма и Вебера Зиммель не занимался систематическими исследованиями специфических проблем современности, требующих объяснения. Его подход к социологии был исключительно философским. Зиммель интересовался принципами социологии как науки и спецификой ее аналитических процедур. На эти темы он написал множество эссе. Но они были посвящены не столько обсуждению указанных проблем, сколько обоснованию общей методологической концепции.

Это намерение было выражено Зиммелем уже в первой главе книги «Социология», в которой сформулирован главный тезис Зиммеля. Далее он высказывает надежду на то, что систематизация разнообразных социологических тем придаст больше ясности и прозрачности главному тезису. Причем сам сомневается в достоверности исторического материала, на который опирается. Однако данный момент полагает несущественным, поскольку информация о социальных фактах не принадлежит даже к второстепенным целям книги.

«Я пытаюсь обнаружить возможности для нового научного обобщения с опорой на социальное бытие общества. Главное усилие направлено на то, чтобы сформулировать и доказать смысл такого обобщения, оперируя множеством произвольных примеров. Превеличения иногда полезны для методологической ясности. Определяющий момент состоит в возможности, а не аутентичности приводимых примеров. Они есть только предмет анализа, а сами по себе несущественны. Моя цель — реализация действительного и продуктивного анализа, а не достижение истины относительно аутентичности его предметов. В принципе такое исследование может быть проведено даже на основе выдуманных примеров»¹.

Редко бывает, чтобы автор так низко оценивал свой реальный вклад в данную отрасль науки, как это сделал Зиммель в приведенной

цитате. В эссе Зиммеля высказаны интуиции, которые научное сообщество квалифицировало как непревзойденное достижение социологии. Причем совершенно независимо от согласия с главным тезисом Зиммеля. Однако в этой книге я занимаюсь генезисом социологической теории. Поэтому в дальнейшем изложении я буду заниматься преимущественно анализом главного тезиса и попытаюсь истолковать его в свете аналитической интенции Зиммеля. Тогда как содержание его исследований меня особо не интересует.

Тезис Зиммеля

Социология как таковая — главный предмет заботы Зиммеля. Вместе с Дюркгеймом и Вебером он прекрасно осознал факт: у социологии нет твердого теоретического ядра, которое придало бы ей особые свойства. Популярные концепции его не удовлетворяли. Он считал несерьезным определение социологии как «науки обо всем человеческом». Его не устраивала и концепция социологии как нового метода, базирующегося на факте: человек есть социальное существо, а общество — носитель истории². Ни одна из этих концепций не могла строго определить специфический предмет анализа. А именно эту проблему Зиммель считал центральной: социология должна создать собственное теоретическое ядро!

Зиммель занялся поиском предмета социологического исследования. При этом он не стремился приписать социологии конкретную сферу или фрагмент социокультурной действительности, и определить их как монопольную область социологического исследования. Вслед за Дюркгеймом и Вебером Зиммель полагал, что социология черпает эмпирические данные из наблюдения за поведением людей в их взаимоотношениях. В сжатой формулировке это выглядело так: социология изучает то, что люди делают по отношению к другим, вместе с другими или против других людей. Иначе говоря, сфера социологии — группы, отношения и все происходящее в их рамках. Однако эта сфера не является монополией социологии. Другие науки об обществе и культуре тоже ее изучают. Поэтому из сферы социологического знания в целом невозможно вычленить отдельную тему и квалифицировать ее как теоретическое ядро социологии. Нет особого класса социологических данных. «Есть совокупность свойств и отношений, относительно которых можно сказать: каждое из них проявляется в бесчисленном количестве конкретных вещей и может быть предметом особой

науки»³. Таков предмет теоретической науки. Зиммель вывел это утверждение из концепции науки, которая в его времена была новой, а в настоящее время целиком устарела. Согласно этой концепции, появление конкретных наук базируется на абстракциях, а не на особых классах фактов. Наука рассматривает любой аспект совокупности фактов «с точки зрения особого понятия»⁴. Поэтому наука идет вперед и развивается «путем разложения всей совокупности вещей на отдельные свойства и функции»⁵. Их изучение становится задачей науки. Следствия этого тезиса обладают определенностью и значимостью для основ социологической теории.

С точки зрения Зиммеля социология отличается от других наук особым подходом к изучению фактов жизни человека, а не сферой анализа. Данные сами по себе нейтральны. Предмет исследования той или иной науки определяется типом вопросов в отношении данных.

Любая наука занимает особую точку зрения в отношении фактов, совокупность которых есть предмет всех наук. Эта точка зрения есть результат оформления *класса понятий* в категории, с помощью которых обеспечивается продуктивность анализа данных. Так понимал Зиммель эту проблему. В историческом обществе имеют место весьма сложные связи фактов. По отношению к ним понятия политики, экономики, культуры и т. д. породили познавательные цепи. В этих цепях часть фактов связывается в единственные в своем роде следствия путем полного или частичного исключения других фактов. Может иметь место также группировка фактов и понятий, которые не зависят от пространства и времени и в этом смысле образуют вневременные связи⁶.

Таким образом, поиск теоретического ядра социологии связан с уточнением множества понятий. Предполагается, что с их помощью можно познавать и систематически анализировать ранее неизвестные, но существенные свойства и функции социальной жизни. Главная заслуга Зиммеля состоит в формулировке указанных понятий. Не менее важно доказательство того, что их применение ведет к формулировке совокупности социологических законов.

Пионерское исследование

Зиммель вывел оригинальную концепцию характера социологических понятий из своего исследования социальной дифференциации. Аналогичным образом идеи Дюркгейма оплодотворялись

исследованием разделения труда. Работа Зиммеля «О социальной дифференциации» была пионерской. В ней был объяснен процесс развития индивидуальности⁷. На основе сравнительного исследования исторического и антропологического материала Зиммель пришел к выводу: процесс становления индивида связан с процессом распада гомогенных групп. Распад объясняется двумя причинами: происходит объединение нескольких групп, в результате чего образуется большая социальная группа; в лоне первичных гомогенных групп образуются подгруппы, связанные специфическими интересами. Интеграция и дифференциация гомогенных обществ увеличивается по мере роста числа групп и связей, к которым принадлежал или может примкнуть индивид. Каждая новая связь дает ему возможность обнаружить новое лицо. Существуют всеохватывающие социальные образования типа орды или племени. Индивид в них практически не имеет возможностей для самовыражения. Состояние «социологической свободы» возникает по мере становления связей индивидов с разными интересами и разрыва связей локальной и этнической солидарности. В этом состоянии индивид может вступать в разные отношения с другими индивидами по своему выбору. Так происходит освобождение индивидов: они развивают свои специфические интересы; обладают возможностью выбора наиболее подходящего положения; проявляют свои способности и права; выполняют различные роли.

Согласно Зиммелю, социальная дифференциация влияет на процесс индивидуализации и дифференциации личности. Он иллюстрировал связь данных процессов с помощью схемы, на которой членство в отдельных группах пересекается и переплетается. Так возникает система социологических переменных. Каждый индивид располагается в точке пересечения социальных кругов, к которым он принадлежит. Число таких точек увеличивается по мере роста количества, комбинации и переплетения кругов. Чем больше точек пересечения, тем больше положение отдельного индивида принадлежит только ему и больше никому.

Зиммель открыл факт: процесс социальной дифференциации есть факт, влияющий на развитие личности. Эта констатация натолкнула его на идею о подобии социологических факторов, обладающих каузальной социальной значимостью. Эта идея была впервые выдвинута в статье 1894 г., посвященной проблемам социологии. В ней высказано положение о существовании социологических детерминант как особого класса понятий под названием «формы

социации»⁸. Для детального обоснования этого положения Зиммель опубликовал ряд работ, основанных на исторических данных и наблюдениях современной жизни общества. Первая статья на эту тему под названием «Господство и подчинение как предмет социологии» была опубликована в 1886 г. в «Американском социологическом журнале».

Формы социации

Ядро позиции Зиммеля сводится к идее: теоретические понятия социологии описывают типичные свойства постоянных и меняющихся взаимодействий людей. Эти свойства он назвал формами социации, поскольку общество возникает на этой основе. В данных формах выражаются процессы ассоциации и диссоциации. Формы социации — главное средство социологического анализа и предмет социологии как науки.

В данном контексте два вопроса нуждаются в особом обсуждении: как Зиммель обосновывал истинность собственной методологии? в каком смысле формы социации являются предметом социологии?

Характер общества. Истинность выбора предмета социологии вытекает из Зиммелевской концепции характера общества. В те времена она была новаторской. Во второй половине XIX в. господствовало представление об обществе как организме — системе взаимосвязанных элементов, функционирующих для сохранения и развития целого.

Это представление наиболее кратко выражено в заглавии труда А. Шефле «Строение и жизнь социальных тел» (1875)⁹. В нем детально разработана холистическая, органически-структурная концепция общества. Не менее того было распространено представление об индивидуалистическом начале общества: общество — это рациональный механизм, посредством которого суверенные индивиды поддерживают взаимоотношения. Иначе говоря, общество есть результат социального договора.

Отличие от указанных представлений Зиммель полагал общество бесконечно изменчивым процессом постоянных и бесконечно разнообразных ассоциаций и диссоциаций. Договор — только одна из характеристик общества и потому не может претендовать на исчерпывающее описание указанного процесса. Органическая концепция может использоваться только в отношении рутинных

форм взаимодействия. Они кристаллизованы в социальных институтах государства, семьи, классов и организаций. Эти институты ни в коем случае не исчерпывают общество. Ведь сами они состоят из бесконечного числа менее заметных форм отношений и типов взаимодействия. Социация пульсирует — появляется, исчезает и опять возникает. Это имеет место даже тогда, когда ее вечная пульсация недостаточна сильна для создания организаций. Формы социации связывают индивидов: «Вся гамма временных, постоянных, сознательных, бессознательных, пустяковых и важных отношений постоянно связывает людей между собой»¹⁰.

Социальная жизнь протекает и опосредуется данными взаимодействиями. Поэтому общество есть *событие*, а не субстанция. Оно состоит из процессов и является их суммой. Если эти процессы элиминировать, то никакого общества не существовало бы. В зависимости от числа и размеров взаимодействий можно говорить о «большей или меньшей степени бытия общества» (такую зависимость Дюркгейм называл «всеобщей моральной плотностью»). Никакая концепция общества как предварительное условие бытия видов взаимодействия не нужна. Общество возникает по мере становления взаимодействий. Взаимодействие есть общество как таковое, а не результат и причина бытия общества: «Взаимодействие индивидов — исходный пункт социальной жизни»¹¹. В свете такой концепции общества становится ясно, почему Зиммель считал социацию и формы ее проявления предметом социологического анализа. Понимание социологии как науки об обществе сохранялось. Однако в состав понятия общества включалось две сферы: все социированные индивиды — популяция в единстве с культурой и историей; общество как сумма форм взаимодействия, благодаря которым индивиды становятся членами общества в первом смысле слова: «Посредством данных форм люди подчиняются социации. Поэтому они образуют общество в строгом смысле слова»¹².

Учет указанных форм помогает понять действительное бытие общества. Социология как наука об обществе должна изучать формы социации. Общество как совокупность всех индивидов изучается всеми науками об обществе и культуре.

Формы социации как предмет исследования. Социация или общество есть всеобщий процесс объединения индивидов в социальные единицы. Существуют разные способы протекания процесса, но каждый способ представляет его особую форму. Любой случай и процесс взаимодействия есть установление,

существование, модификация и распад отношений и групп. В этом процессе возникает одна или несколько форм социации. Но конкретные случаи социации и взаимодействия не являются формами социации. Любое взаимодействие в его конкретности есть неповторимое событие. Его участники и контекст взаимодействия — это единственная в своем роде совокупность диспозиций и обстоятельств. Формы социации — это типы взаимодействия. Они постоянно воспроизводятся в разных контекстах, точках пространства и времени, но сохраняют типичную идентичность. Повторяемость и идентичность форм социации превращает их в предмет научного познания,

Какие элементы взаимодействия отличаются повторяемостью и идентичностью? Как отмечал Зиммель, взаимодействие возникает на основе определенных инстинктов и совершается во имя определенных целей. К ним относятся эротические инстинкты, объективные интересы, религиозные чувства, цели защиты, нападения, игры, прибыли, взаимопомощи, знания и т. д. Все они ведут к тому, что человек живет вместе с другими людьми, совершая действия ради, вместе и против других людей¹³.

По этой причине любое взаимодействие влечет за собой взаимную ориентацию индивидов. Отношения — это повторяющиеся и идентичные элементы взаимодействия. Первый шаг социологического анализа — идентификация данных элементов. После этого с помощью абстрагирования их надо отделить от других элементов взаимодействия: особенностей взаимодействующих индивидов, материального фона, орудий и интересов. Например, согласно Зиммелю «бытие в качестве чужого» есть позитивное отношение. Оно возникает в разных обстоятельствах. Но всегда содержит в себе модель взаимной ориентации «своих» членов группы и «чужого», который живет среди них.

По мнению Зиммеля, абстрагирование значимых форм взаимоотношений необходимо для проведения анализа в двух направлениях:

1. «Формы социации надо изучать в аспекте их проявления в определенных пространствах и эпохах, включая их историческое развитие в отдельных группах»¹⁴. Однако для социологии такой анализ выполняет лишь вспомогательную роль. Социология должна давать материал для исторического исследования. История использует этот материал для того, чтобы фиксировать исторические факты с точки зрения отношений между людьми.

2. Формы социации можно изучать также с точки зрения законов, неотделимых от объективной природы данных элементов¹⁵. Это направление образует суть социологического анализа и основной фактор развития социологической теории. Зиммель воплощал его в своих работах. Он применял формы социации в качестве понятий, необходимых для формулировки гипотетических законов. Формы социации — средства анализа. Зиммель считал, что они позволяют открывать социологические закономерности и связи в процессах взаимодействия.

Конфликт как пример анализа

Итак, формы социации не являются предметом социологического исследования. Действительно, большинство взаимных ориентации людей было зафиксировано давным-давно на основе обычного наблюдения. Речь идет о таких явлениях, как конфликт, господство, подчинение, солидарность, соперничество, представительство и т. д. В повседневном языке эти понятия используются как категории или классифицирующие определения социальных явлений. Например, конфликт есть общая характеристика войн, забастовок, поединков, разрушений и т. д.

Однако Зиммель не применял указанные категории в целях классификации и не занимался анализом их смысла с этимологической, феноменологической и любой иной точки зрения. Он использовал общеизвестные понятия как средства анализа при поиске закономерностей и законов. Формы социации рассматривались как переменные, связанные с другими переменными, а также как операциональные факторы. Зиммель пытался установить последствия каждой из них. Анализ конфликта — показательный пример такого поиска.

Конфликт как форма социации есть взаимодействие двух или большего числа индивидов, находящихся в состоянии оппозиции или антагонизма. Однако такая ориентация есть индивидуальный фактор, интенсивность которого меняется. Его проявления в отношениях, группах и связях с другими элементами социальных ситуаций нуждаются в наблюдении и изучении. На основе этой посылки Зиммель сформулировал ряд общих положений: чем больше единство группы и чем сильнее групповые связи, тем больше интенсивность конфликта внутри группы; конфликт — это средство восстановления единства и сплоченности группы, находящейся

перед угрозой индивидуальной вражды членов группы; конфликт есть средство поддержки иерархии и дифференциации в социальных системах (например, в кастовом обществе Индии). Кроме того, Зиммель сформулировал ряд частных положений: чем больше из конфликта исключаются личные особенности индивидов, тем интенсивнее, ожесточеннее и безжалостнее борьба (например, в юридических конфликтах); объективация целей противостоящих групп интересов усиливает жестокость борьбы; конфликты прежде единых групп отличаются крайней жестокостью; чем больше в борьбе применяются средства насилия, тем больше внутреннее единство противоборствующих групп; наличие общего противника повышает до предела единство группы; борьба между членами группы за объективные ценности и социальные блага полезна для группы в целом и потому поддерживается ею¹⁶.

Данные положения образуют множество гипотетических законов. Конфликт как форма социации полагается независимой переменной, которая более или менее связана с другими переменными. Формулировка таких положений есть цель социологического анализа. В то же время они иллюстрируют позицию Зиммеля относительно задач социологии как анализа форм социации. Эта задача должна быть решена для установления регулярного всеобщего влияния форм социации на поведение взаимодействующих индивидов в отношениях и группах. Формы социации — это аналитические понятия социологического анализа, а не предмет исследования.

Во всех трудах Зиммеля формы социации выполняют единую функцию. Она определяется процедурой, которую Зиммель применял при анализе конкуренции, и включает следующие задачи:

1. Сравнительный анализ конкуренции в политике, экономике, религии, искусстве и т. д.
2. Определение главных функций конкуренции в разных социальных ситуациях.
3. Установление постоянного влияния, модификаций, способов появления и развития конкуренции в определенных ситуациях и обстоятельствах. Например: какие формальные и материальные свойства общества одновременно усиливают и ослабляют конкуренцию? чем индивидуальная конкуренция отличается от групповой?

С помощью указанной процедуры Зиммель анализировал функции подчинения, посредничества, третейского суда, благодарности, лояльности, чести, принципа аристократизма и других

свойств, выраженных в формах социации. Он квалифицировал их как изменчивые antecedentes и консеквенты других **свойств и** атрибутов отношений.

Групповые свойства как формы социации

Отношения обладают характерными свойствами, которые детерминируют поведение человека. Открытие этого факта — большая заслуга Зиммеля в социологической теории. Ее можно дополнить открытием Дюркгейма: коллективные свойства есть социологические детерминанты. Они значительно увеличивают число операциональных факторов социологического анализа. Зиммель включил коллективные свойства в понятие форм социации. Он понимал эти свойства как социологические характеристики отношений. Они возникают в ходе взаимодействия, обретают идентичность, повторяются и функционируют в качестве переменных в общих утверждениях.

Зиммель детально проанализировал коллективные свойства социальных групп: устойчивость, количество, пространственная обусловленность структуры, экспансия. При анализе данных свойств он применял тот же метод изучения, которым пользовался при анализе отношений. Зиммель стремился обнаружить закономерные связи конкретных коллективных свойств с другими аспектами организации группы,

Такой подход наиболее очевиден в очерке Зиммеля на тему постоянства (устойчивости) группы. Это свойство есть переменная, измеряемая в единицах времени. Цель Зиммеля — объяснить изменчивость степени постоянства группы. Он фиксирует ряд детерминант группового самосохранения: показатель устойчивости меняется вместе с изменением степени единства членов группы; он обусловлен положительной оценкой пространственного расположения группы. Ценности единства и пространственного расположения объединяют группу. Место в пространстве не сводится к территории, которую занимает группа. Оно есть постоянное и нерушимое основание ее единства и потому становится источником особых чувств (например, патриотизма). Отсюда Зиммель выводит социологический закон: чем сильнее чувство в отношении занятого пространства, тем больше вероятность самосохранения группы.

Зиммель отмечает еще ряд фактов, влияющих на устойчивость группы: групповая символика, которая выражает коллективную репрезентацию единства, чувства чести, интернализированной общей установки, усиливающей целостность и идентичность группы (например, знамя); организация ролей и разделение функций, которые относительно независимы от положения конкретных индивидов; лояльность, которая обладает особым значением для группового самосохранения. Зиммель утверждает, что лояльность есть чувство, возникающее под влиянием постоянной принадлежности к группе. Оно проявляется как стремление сохранить данные отношения ради них самих, независимо от пользы или вреда. Лояльность — это априорное условие возможности бытия общества. Причем этот фактор является социологическим, поскольку чувство лояльности непосредственно направлено на социальный объект¹⁷.

Устойчивость группы детерминируется разными социологическими факторами. В то же время сама группа действует как детерминанта. Зиммель подробно анализирует условия, при которых забота о самосохранении группы влияет на другие ее характеристики — стабильность, эластичность, степень либерализма или консерватизма и т. д. Например, чем больше общество дифференцировано и чем меньше интеграция групп, из которого оно состоит, тем сильнее консервативная тенденция общества¹⁸. Чем более противоположны интересы членов группы, тем сильнее тенденция самосохранения проявляется как тяга к стабильности социальных институтов. Наконец, в каждом обществе существуют группы меньшинств, к которым относятся с разной степенью толерантности и репрессивности. Независимо от этой степени данные группы отличаются большей эластичностью организации. Она необходима в целях группового самосохранения.

Связь психологии с социологией

Зиммель полагал формы социации фундаментальным понятием социологического анализа. Но к этому не сводится вклад германского социолога в создание основ социологической теории. Он предложил также оригинальное объяснение методологической проблемы, связанной с психологическим характером большинства социологических данных. Дюркгейм обошел этот вопрос, предлагая взамен неопределенные понятия «социального разума» и «коллективного сознания». Тогда как Зиммель поставил проблему ясно и

открыто: социальные процессы начинаются в умах индивидов и потому процесс социации есть психический феномен.

Люди взаимно влияют друг на друга; индивид нечто делает или познает по причине существования других индивидов; они тоже выражают себя, действуют и чувствуют. Все эти явления принадлежат к психике. Единственный путь понимания исторического генезиса каждого из данных явлений — психологическое отражение, конструирование цепи психических вероятностей, интерпретация того, что поддается внешнему наблюдению посредством психологических категорий¹⁹. Зиммель считал, что любое историческое и социологическое описание есть «тренировка в области знания психологии»²⁰. Мотивы, чувства, идеи и потребности — основные аспекты человеческих действий. Если их не учитывать, то поведение человека «не более понятно и обладает смыслом, нежели клубящиеся облака или переплетение веток на дереве»²¹.

Итак, социологические данные обладают психологическим характером. Но отсюда не вытекает, что социологический анализ сводится к тренировке в области психологии. Для доказательства этого положения Зиммель проводит различие между психическими процессами и их содержанием. Процессы и законы психики — предмет психологии. Тогда как содержание психических процессов и отношения между ними изучаются всеми остальными науками. В конечном счете все данные, включая физические, есть элементы сознания или «способы реакции», если использовать бихевиористскую терминологию.

Причем «сознательный» аспект данных может быть вынесен за скобки. Надо сосредоточиться на поиске, анализе и связывании содержания, которое отражается в разуме человека. Этот общий тезис Зиммель разъясняет комментарием следующих фактов: «Как хорошо известно, наиболее жестокая вражда существует там, где прежде существовали связи родства и солидарности, которые везде полностью не разорваны. По этой причине ненависть к родственникам называют наиболее жгучей. Это явление может быть детально описано с помощью психологических категорий. Если же оно рассматривается с социологической точки зрения, то процессы индивидуальной психики не представляют интереса. Мы концентрируемся на возможности включения их в категории «ассоциации» и «диссоциации». В этом случае возникает ряд вопросов: в какой степени отношение двух индивидов и групп содержит в себе элементы вражды и солидарности до того момента, пока оно

полностью не потеряло характер солидарности и превратилось во вражду? какой тип солидарности — основанный на памяти или инстинкте — обеспечивает нас средствами нанесения самых болезненных и жестоких ран близким родственникам, которые не могут быть нанесены тогда, когда отношения сдержанны? Иначе говоря, можно ли описать наблюдение как реализацию форм социации людей и какую специфическую комбинацию социологических категорий оно представляет?»²².

Таким образом, формы социации — это содержание психических процессов. Они имеют место в независимом, объективном и непространственном мире. Психические процессы как таковые не влияют на функции, конфигурации и изменения форм социации. Они важны сами по себе, как теорема Пифагора. Ее важность не зависит от того, что она есть продукт разума отдельного индивида.

Различие формы и содержания

Развивая тезис о формах социации, Зиммель проводит различие формы и содержания общества. Он придает ему уникальный смысл, не связанный с обыденным пониманием формы и содержания. Речь не идет о различии абстрактного и конкретного, формы и содержания, структуры и материала, формального и фактического. Такие конотации не имеют отношения к Зиммелевскому смыслу различия и ведут к ошибкам и недоразумениям.

Устанавливая различие формы и содержания общества, Зиммель обращает внимание на два аспекта взаимодействия:

1. Способ взаимодействия индивидов проявляется в их обоюдных действиях, позициях и оценках.
2. Глобальная ситуация, в которой реализуется данный способ взаимодействия. Она содержит все факты для ответа на вопрос: между какими индивидами, почему, когда и в каких условиях происходит взаимодействие?

Оба аспекта в равной степени существенны и конкретны и могут быть признаны «содержанием» в обычном смысле слова. Однако термином «содержание» Зиммель обозначает второй аспект взаимодействия в целях фиксации его изменчивости. Она зависит от специфики взаимодействия и описывается в категориях комбинации, интересов, культурно-исторических обстоятельств жизни индивидов. Первый аспект взаимодействия обозначается терминами «форма» для подчеркивания его постоянства и повторяемости.

Форма и содержание могут быть разделены только в абстракции. Это мысленные конструкты, состоящие из элементов-частей глобальной ситуации. Отбор и связь элементов осуществляется в понятиях, необходимых для достижения целей социологического анализа. Форма и содержание — идеальные конструкты, необходимые для сравнения событий с социологической точки зрения. Они позволяют Зиммелю дать ответ на фундаментальные вопросы социологического анализа: какие социологические факторы действуют в данной ситуации? какова степень их относительности? в какой мере они объясняют происходящее?

Продуктивность различия формы и содержания зависит от понимания его смысла. Критика такого различия не отрицает его значение для социологической теории, а может быть направлена только на импликацию Зиммеля: различие социологии и других социальных наук состоит в том, что социология изучает формы социации, а остальные социальные науки исследуют содержание. Это положение толковалось в том смысле, что у социологии нет содержания и потому она является чисто формальной наукой, тогда как другие науки не занимаются изучением форм общества. Неправомыслие такого толкования была опровергнута Сорокиным с кавалерийской фантазией". Другие социальные науки (особенно правоведение и политическая экономия) изучают формы социации в контексте своих специфических проблем. А их содержание не является только сферой социальных наук, поскольку оно представляет объект социологического интереса. Не исключено, что Зиммель предложил указанную импликацию по причинам, совершенно не связанным с его основным тезисом. В период его деятельности большинство представителей социальных наук в Германии отвергали социологию как науку излишнюю. Поэтому строгое определение предмета социологического исследования было ответом Зиммеля на несправедливую критику коллег. Впоследствии оно потеряло актуальность. Зато мастерский анализ ранее не изученных аспектов социальной жизни сохраняет свое значение до сих пор. Именно он послужил главным аргументом в пользу признания социологии академической наукой (первым высказался в ее пользу В. Дильтей). Значит, Зиммелевское определение предмета социологического исследования можно проигнорировать.

ГЛАВА 5

Сравнения и выводы

В предыдущих главах были рассмотрены достижения творцов социологической теории. Теперь надо описать их отношение путем выявления общих характеристик. В какой степени вклады творцов социологии могут считаться совпадающими и взаимодополняющими? Нельзя ли сформулировать общие выводы в форме взаимосвязанных утверждений?

Первый вопрос важен, поскольку почти во всех учебниках социологии ее творцы рассматриваются как представители разных социологических школ. Например, Д. Мартиндаль считает Дюркгейма представителем школы позитивистского органицизма, Зиммеля — формальной социологии, Вебера — науки о социальном поведении. Н. Тимашевф причисляет соответственно Дюркгейма, Зиммеля и Вебера к школам социологического реализма, аналитической и психологической. Только Сорокин зафиксировал общую идею в творчестве указанных ученых. Он относит их к одной «социологической школе», но не считает, что она создала единый подход. Сорокин квалифицирует социологическую школу как результат множества конкурирующих и различных основных элементов. Общий мотив школы — трактовка общества (социальной общности) как реальной действительности, каузальный анализ которой направлен на корреляцию анализа частных явлений с социальными условиями, в которых они имеют место¹. Таким образом, даже Сорокин не анализирует взаимоотношение вкладов каждого из членов данной школы. Он трактует их концепции как заслуги выдающихся индивидов, избравших разные пути — социального реализма (Дюркгейм), формализма (Зиммель), психологизма (Вебер).

Однако причисление Дюркгейма, Зиммеля и Вебера к соперничающим школам привело к негативным последствиям. В том числе — к запоздалому признанию этих фигур классиками

социологической теории. Как известно, каждая из школ претендовала на исключительное толкование социологии в целом. Классификация крупных социологов по школам извращает представление о социологических идеях и не является продуктивной и поучительной. Главный недостаток такой классификации — неверное описание преемственности социологической мысли. Различные точки зрения выглядят как противоположные концепции, а не как ряд взаимодополнительных идей, существенных для развития науки. При таком подходе разные методы социологического анализа рассматриваются как реализация принципа «или — или» и причисляются к разным школам — функционалистской, систематической, феноменологической, бихевиористской и т. д. На самом деле каждый из указанных методов есть особый тип экспериментирования с социологическими данными. Все социологи обязаны изучить данные эксперименты, поскольку без этого невозможно совершенствование методов социологического исследования. Некоторые сторонники классификации социологии «по школам» не осознают дискуссионности такого деления, полагая его единственно правильным. Это вполне понятно, но научного значения не имеет. По крайней мере, не может считаться причиной для сохранения принципиального деления социологии².

В отличие от мнений, преобладающих в учебниках, я убежден, что концепции Дюркгейма, Вебера и Зиммеля не являются особыми и противоположными основаниями социологической теории. Они взаимно дополняют и укрепляют друг друга. Образуют единый и солидный фундамент социологической теории. Для доказательства этого вывода я сделаю только первый шаг: попытаюсь сравнить концепции трех ученых, которые кажутся противоположными. Начну с Дюркгейма и Вебера.

Дюркгейм и Вебер

Сущность человеческих общностей. Веберовская и Дюркгеймовская концепции человеческих общностей кажутся абсолютной противоположностью. Вебера обычно причисляют к номиналистам. Дюркгейма — к нореалистам. К тому же в работах того и другого нередко встречаются формулировки, подталкивающие к выводу: методологические установки обоих ученых были полярно противоположными.

«Действием» мы называем действие человека, — пишет Вебер, — если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него³. Социальные отношения и группы не существуют как объекты. Они представляют определенный способ социального действия.

И даже если этот способ не реализован, то это имеет место только тогда, когда его реализация вероятна: «Утверждение, что «дружба» или «государство» существует, означает, таким образом, только одно: мы (наблюдающие) предполагаем наличие в настоящем или прошлом возможности, которая заключается в том, что на основании определенного рода установки определенных людей поведение их обычно проходит в рамках усредненно предполагаемого смысла⁴. Отсюда вытекает: «Государство», например, перестает «существовать» в социологическом смысле, как только исчезает возможность функционирования определенных типов осмысленно ориентированного социального действия⁵. Этот вывод относится к любым формам социальной организации.

Теперь рассмотрим утверждения Дюркгейма, в которых он сжато формулирует собственную методологическую установку холизма. Дюркгейм считает, что социология не должна опираться на психическую конституцию индивида. Нет социологии без общества и нет общества без образующих его людей. Разве определение конкретных форм социальной жизни может быть существенным вопросом, если данные формы не живут своей жизнью? Над индивидом господствует коллективная реальность: «Коллективные наклонности имеют свое особенное бытие; это силы настолько же реальные, насколько реальны силы космические, хотя они и различной природы; они влияют на индивида также извне, хотя это совершается иными путями. Позволительно утверждать, что реальность первых не ниже реальности вторых; это доказывается тем же путем, а именно ознакомлением с постоянством их результатов. Когда мы констатируем, что число смертей лишь очень мало изменяется из года в год, то мы объясняем эту закономерность зависимостью от климата, температуры, состава почвы — словом, известным числом материальных причин, которые, будучи независимыми от индивида, не изменяются и тогда, когда меняются поколения. Следовательно, раз такие моральные акты,

как самоубийство, воспроизводятся с единообразием не только не меньшим, но и с большим, мы должны допустить, что они зависят от сил, лежащих вне индивидов; и так как эти силы могут быть только моральными, а вне индивида нет другого морального существа, кроме общества, то неизбежно приходится признать, что силы эти социальны. Но каким бы именем их ни называть, важно только признать за ними реальность и считать их совокупностью энергий, которые извне направляют наши поступки точно так же, как физико-химические энергии, действию которых мы подвергаемся... Если социология действительно существует, то предметом ее изучения может быть только неизведанный еще мир, не похожий на те миры, которые исследуются другими науками; но этот новый мир будет ничто, если он не будет представлять собою целой системы реальностей»⁶.

Приведенные цитаты могут подтолкнуть к выводу: по вопросу сути социологических фактов Вебер и Дюркгейм занимают противоположные позиции. Однако их можно согласовать. Труды обоих авторов дают материал для модификации тезиса-антитезиса в синтез «высшего уровня», как сказал бы Маркс.

Дюркгейма критиковали за то, что его концепция есть возврат к схоластике, поскольку он приписывал социальным явлениям основание, вытекающее из неких витальных источников. Дюркгейм не соглашался с тем, что его социальный реализм направлен против индивида. Он полагал основанием социальных явлений взаимосвязь всех индивидуальных сознаний. Это основание не является субстанциальным и онтологическим, а целым, состоящим из частей: «Таким образом, — пишет Дюркгейм, — нет ничего странного в нашем положении, которое некоторым кажется прямо скандальным: социальные верования или акты способны существовать независимо от их индивидуальных выражений. Этим, очевидно, мы не хотели сказать, что общество возможно без индивидов, — заподозривание в провозглашении столь явной нелепости нас могло бы и пощадить. Мы разумеем: 1) что группа, образованная из ассоциированных индивидов, есть реальность совершенно иного рода, чем каждый индивид, взятый отдельно; 2) что коллективные состояния существуют в группе, природе которой они обязаны своим происхождением раньше, чем коснутся индивида как такового и сложатся в нем в новую форму чисто внутреннего психического состояния»⁷.

Собственно говоря, обе интерпретации группы могут быть согласованы с методологическим индивидуализмом Вебера. Второй тип групповой действительности фиксирует такие свойства коллектива и организации, как гибкость, стабильность и интеграцию. Это — групповые, а не дистрибутивные индивидуальные свойства. Но они не выражают сущность группы, а являются суммарными следствиями и воплощаются в таких показателях или «социальных фактах», как уровень самоубийств. Холистический характер групповых свойств относится к области чистых понятий. Тогда как конструкты типа уровня самоубийств или групповой интеграции являются статистическими. Если воспользоваться терминологией Рейхенбаха, это абстрактное, состоящее из конкретного, но не образующее нового конкретного.

Можно согласиться и с другим утверждением Дюркгейма: характер взаимодействия и направление развития группы ведут к «коллективному состоянию», которое влияет на установки и действия отдельных индивидов. Это совершенно очевидно в поведении толпы и реакции на представителей других рас.

Итак, Дюркгейм не выдвигал постулат о безличном основании социальных фактов. Базис социальных фактов — сознание индивидов, а выражение — индивидуальные действия. Однако Дюркгейм вполне обоснованно защищал концепцию: социальные факты есть внешний фактор по отношению к ощущениям отдельных индивидов, поскольку он является принудительным. Иначе говоря, социальные факты не могут сводиться к физиологическим и психическим явлениям. Речь идет о таких феноменах, которые нуждаются в особом исследовании, поскольку они не входят в традиционное понимание фактов.

В трудах Вебера тоже нетрудно обнаружить идеи, совпадающие с утверждением Дюркгейма: социальные факты являются фактами по происхождению. Вебер пишет: «Неверно считать основой понимающей социологии какую бы то ни было «психологию»⁸. Вебер прекрасно понимал, что субъективный смысл или рациональное размышление как свойства социального действия обладают интеллектуальным характером. Однако они не могут быть изучены по образцу анализа психических свойств и психофизических состояний. Социология изучает любую ситуацию в категориях средств, целей, намерений и оценок, которые относятся к специфическим материальным и культурным условиям, существующим в конкретных исторических обстоятельствах. Отсюда вытекает, что Вебер тоже был противником редукционизма.

Подобно Дюркгейму и Знанецкому, Вебер признавал действительность «морального порядка» или «ценностно-нормативную» действительность. Этот порядок включает в себя ценности, нормы и верования, определенным образом подтвержденные и санкционированные. Он является внешним по отношению к индивидам и существует независимо от их одобрения или порицания. Индивиды обязаны с ним считаться и потому данный порядок является обязательным и принудительным. Каждый член группы (даже индивид с отклоняющимся поведением) осознает, что большинство людей, с которыми он взаимодействует, соблюдает нормы, относится к ним определенным образом и надеется, что другие люди будут поступать так же. Вебер не отрицает личные мотивы соблюдения норм — соображения социального престижа, стремление избежать забот и неприятностей, собственная польза и т. д. Несмотря на это он полагал «порядок правильного поведения» фундаментальным фактом всех социальных отношений. Индивиды осознают его и соотносят с ним свои действия. Таким образом, номинализм Вебера в отношении бытия форм социальной организации смягчается его признанием действительности социального порядка. А реализм Дюркгейма тоже ослабляется признанием того факта, что индивидуальное сознание в процессах взаимодействия есть единственное основание социальных фактов.

Даже проблема действительности группы дает основание для сближения позиций Дюркгейма и Вебера. Например, Вебер подчеркивает: «При толковании поведения необходимо принимать во внимание тот основополагающий факт, что коллективные образования, заимствуемые социологией из повседневного, юридического (или любого другого специального по своему характеру) мышления, являют собой определенные представления в умах конкретных людей ... о том, что отчасти реально существует, отчасти должно было бы обладать значимостью; на эти представления люди ориентируют свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее каузальное значение для поведения людей»⁹. Коротко говоря, группа обладает действительностью при условии существования людей, которые считают ее влиятельной силой, сообщая с нею собственные действия. То же самое имел в виду Дюркгейм, требуя понимать группу как образование, обладающее собственной действительностью.

Наконец, аксиома Вебера: социальное отношение существует как родовое понятие, полностью и исключительно состоящее в

возможности того, что социальное поведение будет носить доступный определению характер, — предполагает упорство в поиске постоянства. На каком же основании можно надеяться на повторение данного образца социального действия в условиях данного места и времени? Только на основании бытия более или менее постоянных общепринятых обязательств, обязанностей и потребностей, которые нуждаются в удовлетворении. Для достижения этих целей устанавливается организация деятельности. В сознании агентов социальных отношений тоже существуют образцы организации, которые регулируют и направляют поведение индивидов. Я не утверждаю, что на основе моего анализа различие Вебера и Дюркгейма в трактовке социальных фактов целиком элиминируется. Однако оно сводится к такому пункту, в котором теряет смысл философской проблемы. Мне стало ясно, что Дюркгейм и Вебер вполне могли бы трудиться сообща, обретая при этом обоюдную пользу.

И все же некоторое различие акцентов, а не сути дела, останется навсегда. Дело в том, что термины «социальная группа» и «социальная система» могут трактоваться двояко: как множество индивидов, действующих сообща на пользу или во вред другим индивидам; как совокупность прав и практик, на основе которых объединенные индивиды обеспечивают постоянство своего бытия как общности. Первое определение относится к членам общности и может быть названо аспектом взаимодействия. Тогда как комплекс прав, практик и образцов их организации есть системный аспект общности. Оба аспекта действительны и обладают фундаментальным значением. Однако при анализе системного аспекта члены общности рассматриваются иначе, нежели при изучении аспекта взаимодействия. Этот аспект связан с изучением индивида как личности, которая вызывает определенные оценки, чувства и действия со стороны других людей. При анализе системного аспекта индивиды трактуются как посредники, способствующие действию системы путем выполнения в ней определенных функций и ролей. Каждый аспект есть предмет особого исследования. Спенсер и Дюркгейм занимались системными аспектами общества и социальными институтами, применяя при этом структурно-функциональный подход. Зиммель и Вебер изучали аспект взаимодействия и потому главное внимание уделяли индивидам, объединенными в общности. Указанные два аспекта не следует понимать в контексте противоположности реализма и номинализма или двух разных

типов социологии, Они взаимодополнительны и образуют составные части одной социологии. А наиболее важные социологические исследования были посвящены анализу взаимоотношения между системным аспектом и аспектом взаимодействия. Изучение данной проблемы — наиболее продуктивная задача социологического анализа.

Социальные факты как вещи и понимающее описание. Дюркгейм провозгласил: главный принцип социологического анализа состоит в трактовке социальных фактов как вещей. Вебер решительно занял другую позицию: главный принцип социологического анализа заключается в толковании социальных действий в категориях субъективных смыслов, которые приписывают им действующие индивиды. На первый взгляд, эти положения исключают друг друга. Однако при детальном анализе они дополняют друг друга, поскольку фиксируют разные аспекты социологического исследования: методологический, связанный с объективностью исследования; онтологический, связанный с толкованием смыслов как основного элемента человеческих действий.

Принцип Дюркгейма — социальные факты надо рассматривать как вещи — был первым шагом на пути разрыва социологии с популярными концепциями и конструированием понятий для анализа социальных фактов. Речь идет о разрыве с обыденным социальным знанием. Дюркгейм понимал, что оно выражается в неопределенных понятиях, беспорядочной рефлексии и идеях. Люди оперируют аппаратом псевдонаучных понятий без предварительного наблюдения, описания и сравнения вещей, которые обозначаются данными понятиями. В итоге возникает то, что Дюркгейм называл «идеологическим анализом» общества: анализируются и сравниваются одни понятия, а конкретные факты подгоняются под них в качестве примеров, вместо того, чтобы сами факты сделать предметом анализа. Большинство людей до сих пор полагает, что обыденное знание содержит в себе все необходимое для ориентировки и понимания социальной действительности. Однако это убеждение ошибочно, поскольку базируется на предвзвешенности: социальные факты — это конструкты отдельного человека, который вправе ограничиться интроспекцией для установления их смысла и происхождения.

На этой основе невозможно построить социологическую теорию. Социальные факты надо трактовать так, будто они совершенно неизвестны индивидам. И отделять факты от понятий,

которыми люди пользуются для их объяснения. Только такая методологическая процедура ведет к созданию прочной основы для открытия социологических законов. Дюркгейм приводит множество примеров из социологической литературы, в которой этот принцип игнорируется. Значит, он пока еще не стал трюизмом¹⁰. Действительно, Вебер посчитал его банальностью. Из его сочинений вытекает, что германский социолог тоже стремился к освобождению от идеологии и максимальной объективности социологических утверждений. Вебер сделал упор на нейтральность оценок при познании социальных явлений. Этот момент можно истолковать как парафразу суждения Дюркгейма о толковании социальных фактов как вещей. Вебер тоже не был сторонником идеологического анализа. Он требовал, чтобы социология тщательно фиксировала смыслы, которые действующие индивиды приписывают своим действиям. Так что Вебер согласился бы с принципом Дюркгейма со всей его аргументацией. Но согласился ли бы Дюркгейм с Вебером?

На этот вопрос можно ответить положительно. Согласно Веберу, смыслы — это факты, которые нуждаются в признании и изучении. Со своей стороны Дюркгейм постоянно пользовался понимающим описанием для объяснения закономерностей поведения индивидов. Этот вывод можно извлечь из объяснения Дюркгеймом статистики самоубийств. Некоторые из статистических данных кажутся противоречивыми и сомнительными, поскольку они противоречат повседневному убеждению. Например, Дюркгейм утверждает, что показатель самоубийств разведенных мужчин выше по сравнению с разведенными женщинами. Эту мнимую аномалию он объясняет тем, что для мужа брак имеет более положительное значение, чем для жены. Поэтому распад брака вызывает разную реакцию. Мужчина положительно оценивает регулирующее влияние брака. Брак сдерживает инстинкты и приносит мужчине моральное удовлетворение. Развод понижает мужскую сопротивляемость и сдержанность. Разведенный уподобляется холостяку: «Неверность будущего вместе со своей собственной половинчатостью лишают его навсегда покоя. Из всего этого вытекает беспокойство, возбужденное состояние и недовольство, неминуемо несущее с собою большую степень склонности к самоубийству»¹¹. Тогда как для женщин брак менее полезен, поскольку сдерживает женские желания, по природе вещей неограниченные. Брак причает женщину довольствоваться своей судьбой. Она больше

страдает в несчастливом браке, чем черпает из него пользу даже в том случае, если брак соответствует ее интересам. У женщин меньше потребность в браке, нежели у мужчин. Мужчина получает пользу, а женщина жертвует собой ради брака. На нее налагаются суровые обязанности. Всякое освобождение от них улучшает положение женщины. Именно развод освобождает ее от семейной обузы. Поэтому женщина меньше страдает от развода, нежели мужчина, и менее склонна к самоубийству.

Второе различие показателей относится к самоубийствам в результате вдовства и развода. Разведенные индивиды обоих полов чаще совершают самоубийства по сравнению с вдовами и вдовцами. Согласно Дюркгейму, «...когда брачный союз расстраивается вследствие смерти одного из супругов, влияние брака часто еще продолжает сказываться на оставшемся в живых супруге»¹². Для объяснения причин низкого показателя самоубийств овдовевших индивидов следует предположить, «...что супруги, хотя и разведенные, продолжают чувствовать на себе известное влияние условий своего бывшего брака»¹³. Но этот вывод не относится к большинству случаев развода, при которых брак потерял значение задолго перед его фактическим распадом. В отличие от вдовства при разводе не остается ничего от того, что возникло в период супружества. Этим объясняется более высокий показатель самоубийств разведенных по сравнению с овдовевшими индивидами.

Теперь о другом аспекте проблемы истолкования статистических закономерностей, открытых Дюркгеймом. Я приведу два примера. Первый связан с удивительным фактом: хозяйственные успехи и катастрофы одинаково влияют на показатель самоубийств — в обоих случаях наблюдается рост. Дюркгейм объясняет это явление идентичностью человеческих переживаний. В обоих случаях доминирует чувство беспомощности, связанное с радикальными изменениями образа жизни и норм поведения. В итоге ликвидируются все барьеры человеческих желаний. Страдания от любых резких изменений дополняются отсутствием социального контроля. Это ведет к тому, что сама перспектива приспособления к новым обстоятельствам становится невыносимой и ослабляет волю к жизни. Существует аналогия человеческих переживаний, связанных с неожиданной бедой и неожиданным счастьем. И потому Дюркгейм заключает: смысл беды и счастья идентичен. Это объясняет равенство уровней самоубийств при хозяйственных успехах и катастрофах.

Второй пример связан со статистической загадкой: уровень самоубийств образованных индивидов значительно выше по сравнению с необразованными, однако евреи редко лишают себя жизни, хотя число образованных евреев (со средним и высшим образованием) в пропорциональном исчислении выше, чем у лиц других конфессий. В остальных религиозных группах повышение образования связано с ростом уровня самоубийств. Дюркгейм объясняет отклонение евреев от нормы тем, что они придают особый смысл образованию. Приводимая ниже цитата из Дюркгейма — блестящий пример понимающего описания в веберовском смысле слова: «Но если евреи очень восприимчивы к образованию и чрезвычайно мало склонны к самоубийству, то происхождение этого любопытного факта имеет специальное объяснение. Можно считать общим законом, что вероисповедное меньшинство, для того чтобы иметь опору против окружающей его всеобщей ненависти, или движимое простым чувством соревнования, стремится превзойти по образованию окружающее его население... Следовательно, евреи стремятся к образованию не потому, что они хотели бы заменить критическим мышлением свои укоренившиеся коллективные предрассудки, а только с целью быть лучше вооруженными в борьбе за существование... Сама по себе наука бессильна повлиять на традиционное мышление, пока оно не утратило своей силы, и поэтому еврей к своей обычной энергии присоединяет интеллектуальную культуру, причем первая ничуть не затрагивается второй... В своем лице эта нация соединяет все преимущества сильной дисциплины, характеризующей маленькие коллективы прежнего времени, с благами интенсивной культуры, которые являются привилегией современных больших стран. Еврей усваивает себе всю интеллигентность нашего века, не зная его усталости и разочарования»¹⁴.

О применении идеальных типов. Наряду с понятием понимающего описания Дюркгейм пользовался понятием идеального типа. В книге «О разделении общественного труда» описаны два идеальных типа общества, одно из которых базируется на механической, другое — на органической солидарности. При анализе самоубийства понятие идеального типа применяется для уточнения типичных индивидуальных случаев самоубийства. «Конечно, — пишет Дюркгейм, — мы не в состоянии сделать методического описания всех ежедневно совершаемых самоубийств или всех случаев, имевших место на всем протяжении истории. Мы можем установить

только самые общие значительные типы, не имея к тому же вполне объективного критерия, который дал бы нам возможность сделать этот выбор»¹⁵. Дюркгейм выделяет три типа самоубийств:

1. В состоянии томительной меланхолии, парализующей всякую деятельность человека. Его идеальным типом является Рафаэль Ламартина.

2. Активное самоубийство — «порыв веры и энтузиазма, бросающий человека в объятия смерти»¹⁶. Смерть Катона — исторический образец этого типа.

3. В состоянии гнева и разочарования. Представителем такого типа является Рене у Шатобриана.

Дюркгейм подчеркивает, что эти типы «...не всегда наблюдаются в опыте в чистом виде»¹⁷.

Дюркгейм фиксирует идеальные типы самоубийства для обоснования собственного анализа социальных причин уровня самоубийств. Идеальные типы наполняют реальным содержанием статистические данные и совпадают с тремя категориями самоубийства — эгоистической, альтруистической и анемической: «Они должны совпадать в их существенных чертах с типами, установленными нами выше, согласно природе тех социальных причин, от которых они зависят; они являются как бы продолжением этих социальных фактов во внутреннем мире индивида»¹⁸.

Наконец, в труде «Элементарные формы религиозной жизни» идеальные типы применяются для объяснения связи социологических факторов с генезисом религиозной деятельности. Дюркгейм конструирует модель основных элементов религии. Они выражают типичные социальные чувства членов гомогенной дописьменной общности: чувство абсолютной зависимости от группы и торжественное чувство на коллективных собраниях. Источник этих чувств коренится в сознании, которое воплощает группа. Затем Дюркгейм конструирует модель основных элементов развитой религии, в которой доминируют понятия сакрального, ужаса, культа и почести. После этого описывается логически значимая связь указанных моделей. Она проявляется в вере в то, что групповое сознание выражает идею сакрального. Эта вера — первичный источник религии.

Приведенный пример использования Дюркгеймом идеальных типов позволяет заключить: он согласился бы с Вебером в том, что идеальные типы должны применяться как переменные в социологических утверждениях. Согласно Дюркгейму, существует связь

типичных социальных чувств с генезисом религиозного культа. Она тождественна связи аскетического протестантизма с духом капитализма, зафиксированной Вебером.

Дюркгейм и Зиммель

Фоном для сопоставления взглядов Дюркгейма и Зиммеля может послужить статья Дюркгейма, опубликованная в «Итальянском социологическом журнале» в 1900 г. В этой статье Дюркгейм критикует раннюю версию социологии Зиммеля, которая была опубликована в «Журнале метафизики и морали».

Дюркгейм прежде всего возражает против использования термина «форма» для определения общих типов социальных отношений. По его мнению, данный термин может применяться только в области социальной морфологии, изучающей величину и другие внешние аспекты общества. В этом случае термин «форма» не является метафорой, как полагал Зиммель, а конкретным понятием. Ведь морфологические аспекты общества можно изобразить графически.

Затем Дюркгейм упрекает Зиммеля в бессистемности: «Невозможно обнаружить какую-либо связь проблем, на которые Зиммель обращает внимание социологов. Эти темы его размышлений никак не связаны с целостной научной системой. Доказательства Зиммеля сводятся к объяснениям на основе примеров. Факты заимствуются из самых разных областей. Критический анализ фактов отсутствует. Поэтому невозможно понять ценность приводимых фактов»¹⁹.

Дюркгейм был прав, критикуя Зиммеля за неортодоксальный способ использования термина «форма». Критика банальной, хотя и успешной методологии Зиммеля тоже справедлива. Но эта критика не затрагивает суть концепции Зиммеля. Наоборот, Дюркгейм по существу соглашается с Зиммелем, когда критикует его предложение отделить форму от содержания. Такой тип абстрагирования не дает возможности выделить «форму» в соответствии с ее естественными свойствами. Поэтому данная абстракция не соответствует принципам трактовки любой научной абстракции. «На каком основании, — вопрошает Дюркгейм. — Зиммель радикально разделяет форму и содержание?»²⁰.

Дюркгейм отвергает тезис Зиммеля: форма социальна по природе, а содержание лишь опосредуется обществом.

Этот вопрос специально обсуждался в четвертой главе. Дюркгейм не понял идею Зиммеля о разделении формы и содержания. Во-первых, формы социации не являются пустыми. Они суть разновидности конкретных действий и процессов, цель которых — установление связей с другими людьми. Науки об обществе и культуре изучают специфические процессы и направлены на экономические, религиозные или эстетические цели. Если социологи изучают ассоциативные и диссоциативные процессы формы социации, то они имеют дело со специфическим содержанием, а не с пустой формой. Во-вторых, Зиммель не отрицал социальный характер содержания. В этом он согласился бы с Дюркгеймом. Содержание социально в том смысле, что оно существует в обществе и развивается посредством общества. В то же время Зиммель был первым социологом, который провел резкую границу между процессами творчества, сохранения и изменения среды общества. Эти процессы являются *социологическими* по существу, а не просто потому, что они протекают в обществе и опосредуются обществом. Они социальны в том смысле, что образуют неотъемлемые элементы социального бытия и социальных изменений.

Все явления в мире человека обладают социокультурным характером. Поэтому Зиммелевское различие формы и содержания не связано с фиксацией двух типов действительности, один из которых конкретен, а другой абстрактен. Конкретность и абстрактность — характерные свойства обоих типов. Разделение формы и содержания не значит, что форма исследуется вне связи с другими социокультурными явлениями. Социология не изучает социальную действительность как таковую. Она познает отношение действительности к формам социации и их влияние на форму и протекающие события. Например, Дюркгейм указал следующие характерные свойства социокультурных фактов: обязательность; влияние на сознание индивидов; выражение коллективной деятельности; укорененность в социальной среде. Понятие формы у Зиммеля фиксирует те же самые свойства как социологические аспекты социокультурных явлений. Таким образом, задача социологии состоит в изучении: обязывающего характера социальных фактов; их влияния на сознание; коллективного характера человеческой деятельности в процессах взаимодействия; способа укорененности всех перечисленных аспектов в социальной среде. Социолог не обязан изучать социокультурные факты как таковые.

Дюркгейм определял содержание как продукт общества, который не вытекает из разных источников для того, чтобы воплотиться в общих рамках общества. Коллективные традиции, виды религиозной практики, право, этика, социальная культура в целом своим происхождением связаны с обществом и сохраняются в обществе. Зиммель согласился бы с таким подходом. Он полагал, что функция культуры возможна только в процессах взаимодействия. Но исходить из бытия самоочевидности этих процессов нельзя. Они должны стать предметом особого исследования, которое определит сферу их влияния.

Я думаю, Дюркгейм не стал бы отрицать значимость «форм социации» как социологических факторов, если бы он вдумался в смысл концепции Зиммеля. Этот вывод подтверждается некоторыми собственными высказываниями Дюркгейма. Они почти идентичны утверждениям Зиммеля. Например, Дюркгейм считал, что «социология не могла возникнуть до тех пор, пока идея детерминизма не охватила социальный порядок»²¹. Такой детерминизм связан с применением особого класса факторов: «Социология не могла стать формальной наукой до тех пор, пока не отказалась от глобальных претензий на истолкование всей социальной действительности. Она начала пользоваться анализом и тщательным различением частей, элементов и аспектов для формулировки специфических проблем»²².

Дюркгейм считал аксиомой следующее положение: «Строго говоря, чтобы социология могла существовать, в каждом обществе должны иметь место явления, которые бы отсутствовали, если бы данное общество не существовало и которые приобрели свой специфический вид единственно по причине специфического устройства данного общества»²³. Это утверждение дополняет тезис Зиммеля, поскольку оно определяет причины социальных явлений и принципы описания структуры общества. Зиммель связывал эту задачу с формами социации, которые должны стать предметом социологического исследования. Дюркгейм писал также, что «социальная жизнь есть не что иное, как окружающая индивида моральная среда, точнее, совокупность моральных требований, окружающих индивида»²⁴. Но разве «моральная среда» не является той областью, в которой существуют и проявляются взаимные влияния и ориентации индивидов? Понятие «моральной среды» у Дюркгейма практически неотличимо от понятия «формы социации» у Зиммеля. Правда, Дюркгейм применял термин «среда» для

описания поля действия сил. Но и в этом случае он не отличается от «формы социации». Отношения — это миниполя, свойствами которых выступают формы социации. А «внутренние факты общества» есть свойства среды, окружающей формы социации. Согласно Дюркгейму, такой средой является общество в целом.

Вебер и Зиммель

Они были близкими друзьями, связанными общими идейно-философскими традициями. Однако строго зафиксировать этот факт крайне сложно. Зиммель ни в одной работе не упоминает Вебера. Вебер хранит молчание о «Социологии» Зиммеля, хотя нередко ссылается на работы других социологов. И все же подобие Вебера и Зиммеля очевидно при сравнении их взглядов на фундаментальные проблемы социологической теории.

Я уже изложил Веберовую концепцию характера и роли понимающего описания. Независимо от Вебера Зиммель высказывал аналогичные взгляды в философии истории при объяснении роли понимающего описания в историческом анализе. Согласно Зиммелю, психические события являются переменными, вмешательство которых в два внешних события способствует пониманию связи между ними: «Даже при детально документированных событиях, «обычный факт» не ведет к тому, что принимается вывод, вытекающий из доказательства. Прежде всего мы вводим определенные психологические предпосылки (максимы поведения), из которых можно дедуцировать «обычный факт». И лишь после этого можем признать данное событие возможным и понятным»²⁵.

Подобно Веберу, Зиммель проводил различие между объективным и мотивационным пониманием события. Он признавал также продуктивность идеальных типов, хотя не пользовался таким выражением. Это видно из его комментария работ Маколея. Тот утверждал, что создал образ религиозных и политических партий не на основе отдельного исследования, а на базе реконструкции тысячи забытых источников, проповедей и сатирических сочинений. И таким образом установил десять причин поддержки партией вигов определенного закона. Зиммель резко критиковал Маколея, показывая, что в данном случае термин «партия» есть умозрительная конструкция, фикция, возникшая в разуме историка. Однако он признавал необходимость понятий, связывающих воедино отдельные конкретные элементы ситуации.

Без них невозможно упорядочить и понять исторические данные. Поэтому такие понятия есть неотъемлемое методологическое средство. В частности, Зиммель пользовался идеальными типами при конструировании «чистых форм». Он прекрасно осознавал, что в действительности формы социации не могут быть полностью идентичными. В зависимости от материальных условий они могут значительно различаться. Только по методологическим соображениям можно допустить полную идентичность «чистых форм». Эти конструкты создаются из множества элементов, прошедших предварительный отбор. В них выражается то, что является специфическим и основным в разных конкретных проявлениях особых форм социации.

Наконец, подобие позиций Зиммеля и Вебера вытекает из понимания предмета социологического анализа. Правда, они пользовались разной терминологией. Вебер определял социологию как изучение социальных действий, Зиммель — как исследование форм социации. Значит, социальные действия и формы социации можно считать понятиями одного порядка. Первое направлено на изучение структур, второе — процессов. Но детальный анализ данных понятий приводит к совершенно определенному выводу: формы социации состоят из социальных действий, а социальные действия выступают в формах социации. Короче говоря, обе дефиниции относятся к одному и тому же предмету. Следует подчеркнуть, что Зиммель говорил о «действиях для других, вместе с другими и против других» как элементах человеческих отношений. С другой стороны, Вебер настаивал, что «ориентация на других» характерна для социальных действий. Она имплицитно подразумевает взаимность и потому всегда есть проявление определенной формы отношения.

Итак, налицо фундаментальное подобие и взаимодополнительность теоретических идей Зиммеля и Вебера. Представление о противоположности их концепций, распространенное в большинстве учебников, лишено оснований. Это представление обычно обосновывается ссылкой на «формальную» социологию Зиммеля в отличие от «ориентированной на действие» социологии Вебера. Как было показано, на самом деле Вебер и Зиммель развивают одну и ту же концепцию и подход. Наиболее удачно выразил это сходство Ф. Тенбрук: «С точки зрения принципа и систематики область применения чистых понятий идентична в формальной социологии Зиммеля и понимающей социологии Вебера»²⁶.

Краеугольный камень социологической теории

Анализ вкладов Дюркгейма, Вебера и Зиммеля в социологию показывает принципиальное сходство их концепций и подходов. Я полагаю, что указанная общность идей образует основание социологической теории. Его можно сжато выразить в следующих положениях:

Постулат 1. Социологическая теория базируется на факте: жизнь объединенных и взаимодействующих индивидов порождает класс социологических факторов, которые функционируют как детерминанты поведения человека. Социологические факторы: конструируются и используются как аналитические понятия, позволяющие разделять на элементы сложное целое, которые можно сравнивать с элементами другого сложного целого; детерминируют сущность состояний, в которых выступают явления, а также изменения данных явлений, которые (изменения) можно зафиксировать; функционируют как причины (независимые переменные) и являются существенными при объяснении условий и явлений; детерминированы определенными состояниями и изменениями явлений.

Постулат 2. К основным элементам класса социологических факторов относятся: свойства группы, которые Дюркгейм называл «внутренними фактами общества»; свойства отношений, которые Зиммель называл «формами социации», а Вебер — «социальными действиями».

Постулат 3. Формула «А при взаимодействии с В в условиях С дает результат Е» есть модель любого научного утверждения. Утверждение является максимально социологическим, если А, В и С являются социологическими факторами, а Е представляет их модификацию. Социологический фактор — это аналитическое ядро любого социологического утверждения. Оно состоит из посылки, объясняющей конкретное событие, и следствия определенного изменения условий.

Постулат 4. Социологические утверждения должны удовлетворять двум условиям: быть каузально адекватными — совпадать с обобщенным знанием возможностей, вытекающем из опыта, наблюдения и эксперимента; быть адекватными с точки зрения смысла — показывать, что связь, о которой нечто утверждается, достаточно мотивирована.

Постулат 5. Социологические факторы — это количественные или качественные переменные. В первом случае они конструируются

как элементы, интенсивность которых меняется по нумерической или упорядочивающей шкале. Во втором случае они конструируются как образцы (первичные идеальные типы), которые изменяются в зависимости от состава элементов.

Переменные концептуализируются как меры или образцы, между которыми нет противоречия. Оба вида конструкторов выражаются в операциональных понятиях и используются в любой науке. В классической физике понятие образца (модели) применяется в отношении к любому виду электрического поля, а математическая кристаллография вообще опирается на понятие образца.

Постулат 6. Социологические факторы относятся к любой разновидности данных при условии их связи с социологическими факторами как посылками или следствиями. По этой причине не существует особого класса фактов как исключительной области социологических исследований. В социологии данные нейтральны, как и в остальных социальных науках. Если они приобретают социологический смысл, то это не значит, что данные по природе вещей обладают «социологическими» свойствами. Речь может идти лишь об определенном способе понимания данных. У социологического анализа нет своего особого предмета. Социология — это особый и специфический способ подхода к данным.

Постулат 7. К основным элементам социологической теории принадлежат: социологические факторы, которые служат для объяснения широкой области явлений; социологические утверждения, в которых идет речь о функциях социологических факторов в виде норм и законов; теории, объясняющие данные нормы и законы.

Семь приведенных постулатов обладают теоретическим характером но они не образуют теорию ни в целом, ни в частностях. Они не объясняют социальных явлений и не позволяют дедуцировать ни одной гипотезы. Это совокупность теоретических директив, полезных для социологического исследования на пути к созданию социологической теории.

Постулаты 1–2 предписывают социологу при изучении любой проблемы заниматься поиском детерминирующих факторов в массе характерных свойств и особенностей человеческих отношений.

Постулаты 3–4 требуют от социолога искать закономерности взаимодействия социологических факторов с другими аспектами ситуации при данных условиях. Утверждения, фиксирующие конкретные

закономерности, должны подвергаться эмпирической проверке на основе наблюдения и понимания мотивов.

Постулат 5 предписывает не ограничивать сферу применения аналитических понятий количественными факторами, а использовать, также при анализе качественные образцы аспектов человеческих отношений. Эти образцы должны конструироваться как идеальные типы.

Постулат 6 требует рассматривать все социокультурные явления как потенциальные предметы социологического анализа. Специфика социологии как науки не определяется границами ее предмета. Решающим значением обладает специфический способ подхода к анализу любого явления, в котором можно обнаружить влияние социологических факторов.

Постулат 7 указывает на возможность создания социологической теории как определенной разновидности знания. Она должна строиться на основе взаимосвязи понятий и утверждений (норм, законов, теорий), существенных для всех сфер социологического исследования или же для тех областей, которые обладают общим значением для социологии.

Приведенные постулаты реализуют главную задачу книги. Моя цель состоит в указании направления развития социологической теории, если она стремится к специфическому и существенному знанию. Труды Дюркгейма, Вебера и Зиммеля определяют путь, по которому надо двигаться. Они первыми строго сформулировали и систематически применяли указанный тип аналитического подхода, который обеспечил возможность развития социологической теории.

Приведенные постулаты реализуют главную задачу книги. Моя цель состоит в указании направления развития социологической теории, если она стремится к специфическому и существенному знанию. Труды Дюркгейма, Вебера и Зиммеля определяют путь, по которому надо двигаться. Они первыми строго сформулировали и систематически применяли указанный тип аналитического подхода, который обеспечил возможность развития социологической теории.

ЧАСТЬ 2

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Ретроспектива аналитического подхода

Я рассмотрел три социологических подхода — синтетический, диагностический и аналитический. Как было показано, признак выдающегося социолога — вклад новых идей во все три подхода. Это относится к Дюркгейму, Веберу и Зиммелю. Главная заслуга указанных мыслителей — развитие аналитического подхода как необходимой предпосылки социологической теории. В то же время они изучали историческое развитие жизни общества в целом и значение социокультурных форм. Каждый из них живо реагировал на социальные проблемы своего времени¹.

В пятой главе сформулированы главные постулаты аналитического подхода. Они дают возможность вычленить его элементы даже в трудах тех социологов, которые развивали синтетический и диагностический подход. Я здесь не буду заниматься детальным описанием всех случаев применения аналитического подхода в социологической литературе. Чтобы показать практическую сторону проблемы, ограничусь лишь некоторыми примерами.

Конт

Труды Конта делятся на две группы: посвященные проблеме социального прогресса (эта тема излагается в «Курсе позитивной философии», опубликованной в 1842 г.) и проблеме реорганизации человеческого общества (она образует предмет «Системы позитивной политики», опубликованной в 1854 г.). Конт известен как отец социологии. Он дал название этой дисциплине. Показал ее логическое, необходимое и высшее место в иерархии наук. А также продемонстрировал возможность применения научного метода (под названием «позитивизм») к изучению социальных явлений.

Согласно Конту, в основании социальной динамики лежит закон трех стадий человеческого развития — магически-геологической, метафизической и позитивной. Если даже это положение назвать «законом», то оно относится к истории, а не к социологии. В нем подчеркивается значение идейных, а не социальных аспектов человеческой жизни. Кроме того, эта концепция не была оригинальной. Конт списал ее у Тюрго и Сен-Симона. Оригинальной можно признать лишь попытку Конта ввести это положение в социологический анализ. В этом смысле «закон» Конта был вкладом в развитие социологической теории.

Упомянутый закон можно признать социологическим, если отбросить философский жаргон, описывающий «стадии духовного развития». Конт писал о «теологической», «метафизической» и «позитивной» стадии, но не имел в виду философские системы. И не занимался философским анализом идей, связанных с данными терминами. В каждом конкретном случае он стремился описать характерные представления и убеждения людей о природе и человеке. Эти представления и убеждения он считал групповыми мнениями, а не утверждениями, содержащимися в трудах философов. Философский смысл таких мнений Конта не интересовал. Его занимала роль мнений в социальной жизни и их влияние на поведение человека. Коротко говоря, главный предмет интереса Конта — этос группы как социологический фактор и его функция как переменная в социальной жизни.

Конт называл этос группы «рациональным порядком», который образует основание всех остальных форм социального порядка. Общая сумма групповых представлений есть ядро единомыслия, которое обеспечивает саму возможность социальной организации. Существует корреляция степени групповой интеграции (солидарности) со степенью единомыслия или совпадения мнений: **«Надо осознать тот факт, что появление любого общества связано с наличием системы общих представлений, которая ограничивает оригинальность индивидов. Никакая общность интересов и чувств не может обеспечить устойчивость даже крохотного общества, если отсутствует единство мнений. Оно необходимо для предотвращения и корректировки неизбежных разногласий»². Отсюда вытекает максима Конта: «Социальная механика соответствует мнениям».**

При таком толковании закон трех стадий можно считать социологическим утверждением. Он фиксирует корреляцию группового

этоса с социальными институтами, включая распределение статусов и власти в обществе. Этос — детерминирующий фактор, а институты, статус и власть есть зависимые переменные. Если «социальный организм опирается на определенную систему основных представлений»³, то ее изменение вызывает изменения в социальной организации и в характере основных социальных отношений.

Отношение этоса и социальной структуры Конт понимал динамически. Покажем это на двух примерах из его социологии. Прежде всего рассмотрим связь политеизма, (религиозной веры группы) с рабством как социальным институтом. Согласно Конту, фетишизм и монотеизм — другие главные формы религиозной веры — противостоят рабству. Фетишизм слишком индивидуален и локален для того, чтобы обеспечить хотя бы минимальную связь победителей с побежденными. Монотеизм настолько универсален, что исключает неравенство верующих в одного бога. Фетишизм влечет убийство пленников, монотеизм способствует эмансипации рабов. Только политеизм как средняя форма теологической стадии благоприятствует рабству как социальному институту. Политеизм обладает необходимой всеобщностью и специфичностью для обеспечения социальной связи и социальной дистанции: «Победители и побежденные сохраняли своих богов, поскольку в религии обеих групп был общий элемент взаимопонимания. Тем самым политеизм исключал как убийство, так и эмансипацию пленников. Это консолидировало и санкционировало связь господина и раба»⁴.

Второй пример связан с Контовской интерпретацией Французской революции. Она тоже базируется на доказательстве взаимосвязи верований и социальных процессов. Революция 1789 г. привела к социальному хаосу и беспорядку. Но такое состояние общества было следствием изменения групповых ценностей — «позитивистская» ориентация начала вытеснять «метафизическую»: «Старый порядок был осужден на неизбежную смерть. Начался процесс формирования новых элементов. Но потребовалось немало времени для того, чтобы политические тенденции и социальные Ценности стали основанием новой социальной организации. Заменить старое новым невозможно моментально, если даже целиком исключить влияние чувств и интересов, связанных с прошлым. Современное общество вынуждено пережить процесс, в котором мы находимся до сих пор. Речь идет о совершенно уникальном переходном периоде, в котором главная политическая тенденция

является деструктивной, поскольку она направлена на разрушение старого порядка»⁵.

Несмотря на деструктивность, Конт считал Французскую революцию положительной фазой в развитии общества. По его мнению, революция не является воплощением низменных инстинктов человека. Она не деформирует общество и не меняет направление развития человечества. Совсем напротив: «Доктрина революции есть главный фактор изменений. Она выполняет свою задачу, обнажая недостатки прежней социальной организации и сохраняя прогрессивные элементы от пережитков. Если человечество лишит импульса критической энергии, оно закоснеет в стагнации и не сможет выполнить свои задачи. Поэтому критика существующего общества должна быть направлена против его оснований и выражаться в самых крайних формах. Такая подготовка есть негативное, но необходимое условие революции. Поэтому следует отвергнуть любую негативную оценку революционного уничтожения и разрушения»⁶.

Однако в сочинениях Конта крайне редко встречаются аналогичные примеры социологического анализа. Это объясняется его непоследовательностью и несистематичностью в применении и соблюдении методологических требований аналитического подхода. А теоретический смысл данных требований, позволяющих придать социологии ранг науки, вообще не учитывался Контом. Он пытался достичь этой цели, обсуждая вечные проблемы философии истории по шаблонам позитивизма.

Спенсер

Труды Спенсера надо прочесть заново в свете ранее сформулированных постулатов. Тогда нетрудно убедиться, что по сравнению с Контом он был более последователен в применении аналитического подхода. Но для осознания заслуг Спенсера в сфере социологической теории полезно обсудить другой аспект, который не всегда учитывается при оценке его трудов.

Большинство комментаторов считают Спенсера социальным философом и радикальным сторонником свободной конкуренции как политики правительства. Но в настоящее время позитивистско-утилитаристская традиция мертва. Взгляды Спенсера отбрасываются на том основании, что они не выдержали проверки временем. Например, Парсонс пишет: «Социологические взгляды Спенсера

абсолютно устарели»⁷. Однако я хотел бы заметить, что «Принципы социологии» Спенсера (1876-1896 гг.) лишь опосредованно связаны с его социальной философией. Спенсер вполне осознавал постулат нейтральности при анализе социальных фактов. Он предлагал анализировать индивидуальные и социальные действия двояко: «Как группу явлений, подлежащих дифференциации, и познавать законы их взаимозависимости; как причины удовольствия и неудовольствия, связывая с ними одобрение и порицание»⁸. В «Основаниях социологии» (1873 г.) описано деформирующее влияние классовой, политической и религиозной принадлежности индивидов на их суждения о публичных делах. В «Автобиографии» (1904 г.) Спенсер утверждает, что его понимание социологических проблем в «Социальной статике» (1850 г.) было еще этико-политическим: «В 1848 г. я начал работать над «Социальной статикой» и стремился сформулировать в ней определенные этические принципы, из которых вытекают практические выводы относительно границы правительственной деятельности»⁹. А в «Принципах социологии» он уже занимает взвешенную позицию нейтральной оценки: «Я хотел бы подчеркнуть, что в этом социологическом исследовании я попытаюсь свести к минимуму все чувства по поводу фактов и ограничиться их объяснением»¹⁰. За исключением одного случая он так и поступал.

Если подходить к социальной философии и социальному анализу Спенсера с общих позиций, то в них можно обнаружить сходство. Вслед за Кольриджем Спенсер верил, что склонность к индивидуализму есть закон жизни. Мера прогресса — «развитие прав человека и отбрасывание всех преград на этом пути»¹¹. Спенсер сформулировал закон справедливых социальных отношений в виде максимы: «Каждый человек может делать все, что хочет, при условии, что он не нарушает прав другого человека»¹². Закон одинаковой свободы действия есть идеальное воплощение индивидуализма. В то же время Спенсер делал примечательную оговорку: «Наивысшая степень индивидуализма должна быть связана с не менее высокой взаимозависимостью. Люди живут в социальных ячейках и потому не должны нарушать принципы социальной жизни. В противном случае возникают катастрофические последствия, которые обращаются против самих людей»¹³.

Безусловно, указанные этические идеи повлияли на выбор Спенсера: главным социальным фактом он считал *сотрудничество*, а *добровольное* сотрудничество полагал идеальным основанием

социальной жизни. Но анализ, содержащийся в «Принципах социологии», не направлен на защиту и поддержку этического индивидуализма. Главная цель Спенсера — открытие закономерностей социального сосуществования и порядка вещей в структуре и функциях социальных институтов. К этой цели он стремился во всей возможной последовательностью.

Спенсеровский анализ социальных институтов лишь в некоторых выводах связан с этико-политическими аспектами его мировоззрения. В этом смысле существует значительное различие выводов «Социальной статики» и «Принципов социологии». В ходе изучения социальных процессов Спенсер пришел к некоторым выводам, которые позволили сформулировать принципиально новое представление. Он анализировал процессы развития сотрудничества, наблюдая все то, что соединяет и разделяет людей. На этом основании он пытался указать тенденции, ведущие к идеальному состоянию общества в соответствии с его представлениями. Такое отступление от объективизма связано с вечной проблемой социологии: «Ничего подобного в социальной науке не могло бы возникнуть, если бы ее обобщения прошлого никак не были бы связаны с идеями относительно будущего и руководством практической деятельностью человека. Если бы я даже хотел избежать всякого предвидения будущего, никакой реальной альтернативы у меня нет»¹⁴. Один из прогнозов Спенсера звучит так: «По мере прекращения военных действий и упадка военного типа социальной организации улучшится деятельность политических и других учреждений. Без этого невозможно никакое постоянное развитие общества. Если свобода признается только на словах и формально, то на деле люди ее постоянно и незаметно лишаются»¹⁵. Другое предвидение связано с тем, что, упадок военной формы организации незначительно повлияет на изменение политики: «Человеческая природа должна значительно улучшиться по сравнению с ее нынешним состоянием, прежде чем наступит более высокая цивилизация»¹⁶. По этой причине Спенсер сомневался в эффективности социологических исследований: «Они могут лишь незначительно укрепить действие сил прогресса; но лишь предотвращая нежелательное направление, можно действительно нечто совершить»¹⁷.

Главная цель «Принципов социологии» состоит не в выработке политических рекомендаций, а в подготовке высшего достижения

социологии: «Понять разнообразное гетерогенное целое таким образом, чтобы знать, как детерминирован характер любой группы в любом ее состоянии. Речь идет о частичной детерминации ее собственными antecedентами, как и о частичной детерминации прошлой и настоящей деятельностью всех остальных частей этого целого»¹⁸.

Спенсер понимал социальные институты и изменения как выражение универсального закона эволюции, которому подчиняются физические, биологические, психологические и культурные феномены действительности. Такой подход служит обычно объектом критики. В частности, Спенсер включил «Принципы социологии» в десяти томный всеохватывающий труд под названием «Синтетическая философия» (1867—1896 гг.). Отсюда извлекают вывод: Спенсер не учитывал специфику и неповторимость общества и культуры. Однако острота критики следует направить на форму, а не на содержание его социологии.

Замысел Спенсера выражен в «Основоположениях» — первом томе «Синтетической философии». Однако закон эволюции не является принципом его социологического анализа, хотя этим фактом обычно пренебрегают. Главный принцип социологического анализа Спенсера — структурно-функциональная дихотомия «военного» и «промышленного» типов социальной организации. Иначе говоря, Спенсер отказался от закона эволюции в пользу дихотомической схемы социальных структур. Отход обусловлен центральным открытием Спенсера: существует тенденция к установлению приоритета «промышленного» типа общества над «военным». Но эта тенденция одновременно образует главную социальную проблему. Влияние промышленности на развитие общества превосходит влияние любых универсальных сил. Она является источником социального развития и детерминирует характер социальных институтов. Спенсер представлял процесс эволюции как переход от гомогенного, хаотического и неопределенного состояния в гетерогенное, упорядоченное и определенное состояние. Однако это представление не соответствует описанию указанной тенденции. В прошлом «военный» тип организации был господствующим. Но оба типа в равной степени являются дифференцированными, гетерогенными и определенными с точки зрения структуры. Спенсер учитывал этот факт: «У простейших типов нет никакой дифференциации. Но если даже оставить их в стороне, практически не существует исключений из

общего правила: каждое общество обладает структурами, которые входят в конфликт с другими обществами, и структурами, которые поддерживают существование данного общества. Строгой пропорции между данными структурами не существует. Отсюда вытекает *невозможность классификации* обществ на основе относительного развития обоих указанных структур»¹⁹. Следовательно, все социологические обобщения Спенсера базируются на контрасте структур «военного» и «промышленного» типа, а не на законе эволюции. И крайне примечательно, что при обсуждении этого вопроса Спенсер почти не упоминает общие характеристики универсальной эволюции — интеграцию и дифференциацию, связанные с объединением индивидов и накоплением культуры.

Правда, Спенсер так и не смог решительно отказаться от собственного намерения доказать, что закон эволюции может быть применен к человеческому обществу. Он ступил на путь поиска различных закономерностей, главным образом, структурно-функциональных, но недостаточно это осознал. По крайней мере, он иногда обнаруживал беспокойство относительно правильности первоначальной интенции. Это видно из первого предложения главы, в которой суммированы результаты исследования политических институтов: «В предшествующих главах мало говорилось об отражении общего закона эволюции в политической эволюции, хотя внимательный читатель смог заметить, каким образом ранее описанные преобразования согласуются с общим законом эволюции»²⁰. Как раз внимательный читатель этого и не смог бы заметить, при всем усердии. В упомянутых главах речь идет о новом специфическом подходе, в котором выражено стремление Спенсера к объяснению социальных процессов в категориях социологических факторов.

Исходный социологический фактор — сотрудничество. Спенсер понимал его как вид взаимодействия: «Оно невозможно без общества и ради него существует общество. Сотрудничество является одновременно причиной и следствием существования общества. Оно есть соединение усилий разных людей с целью совершить нечто такое, что не под силу одному человеку. Сотрудничество состоит также в разделении действий людей, которые затем принимают участие в совместной деятельности»²¹. Таким образом, Спенсер считал сотрудничество ядром объединения людей в общество. И потому категория сотрудничества использовалась как переменная при анализе типов социальных структур и отношений. Изменения измеряются

степенью, в которой каждый конкретный случай сотрудничества подлежит саморегуляции посредством добровольности или принудительности. Дихотомия добровольности и принуждения — ключ дифференциации социальных структур: «Социальные отношения меняются в зависимости от большей или меньшей степени социальной власти и большей или меньшей степени независимости и подчиненности индивидов. Относительная власть социальных установлений и институтов — определяющее свойство социальной структуры»²². Человек неизбежно принадлежит к нормативной системе, регулирующей социальные отношения. Поэтому степень приспособления индивидов к нормам социальной жизни есть мера дифференциации социальных структур.

Социологический анализ Спенсера двигался в этом направлении. Все исторически известные общества располагались на одной шкале. Главной единицей измерения служили отношения между добровольным и принудительным сотрудничеством. Структурные различия политических институтов определяются функциональным соответствием данным отношениям. Изменения социальной организации определяются движением сотрудничества в направлении добровольного или принудительного типа.

Итак, Спенсер применял аналитический подход к изучению социальных институтов, включая метод идеальных типов. У него не было строгой меры количественного определения места индивидов в обществе. Поэтому Спенсер пользовался идеальными конструктами для сравнения их с реальными ситуациями, чтобы таким образом выявить степень добровольности и принуждения. С одной стороны, данные конструкты выражают утопический образ общества, целиком основанного на принудительном сотрудничестве, с другой стороны, они дают образ общества, полностью базирующегося на добровольном сотрудничестве. Ни одно конкретное общество не является воплощением чистой формы указанных типов: «На протяжении социальной эволюции оба типа выступали в смешанных формах. Однако теоретически и практически можно установить совершенно противоположные свойства каждого из данных типов. Следует просто учитывать, какие свойства неизбежно порождаются воинственностью и насколько они проявлялись в прошлом и настоящем воинственных народов. Есть общества, идеально организованные для ведения войны. Сравнивая с ним другие общества, можно и в них обнаружить свойства, вырабатываемые войной»²³. «Теперь рассмотрим

свойства социальной организации, которая абсолютно неприспособлена для защиты от внешнего врага, зато прекрасно приспособлена для выживания общества путем удовлетворения жизненных потребностей каждого индивида. Речь идет об идеальной форме промышленного типа общества»²⁴.

Спенсер предвосхитил не только Вебера, но и Дюркгейма. Он показал, что движение к особому типу социальной структуры коренится во внутренних условиях общества. Преобладание принудительного или добровольного сотрудничества не связано с различием характеров людей, размерами и географическими условиями страны: «Обычно военный тип организации связан с определенными свойствами социальной структуры, независимо от количества, характера и положения населения»²⁵. Доминирование военного или промышленного типа общества не связано с развитием техники и накоплением культуры. Наоборот, техника и культура могут способствовать развитию любого типа, поскольку «они не только облегчают промышленную деятельность посредством развития коммуникаций, но и способствуют централизации»²⁶. Существуют факторы, детерминирующие положение и флуктуации данного общества. К ним относятся цели и организация общества, а также преобладающие эмоции. Эти факторы являются существенными и взаимозависимыми. Иначе говоря, социальная организация тоже адаптируется к деятельности: «Если обстоятельства требуют фундаментального изменения способа деятельности, происходит кардинальное изменение формы структуры. В зависимости от военного или промышленного типа деятельности происходит развитие или упадок военного или промышленного типа структуры вместе с присущими им системами регуляции. Например, возрождение военных традиций влечет за собой новое развитие структур военного типа»²⁷. Кроме того, организационные изменения способствуют изменению функций. Особые структуры связаны с особыми обязанностями. Функциональные контрасты порождаются принципиальными различиями структуры. Наконец, структурно-функциональные различия связаны с изменениями доминирующих эмоций и наоборот. В итоге Спенсер пришел к выводу: «Свойства общества не являются свойствами особого типа людей, а зависят от обстоятельств. Существует необходимая связь натуры индивида с природой социальной общности. Каждая из них формируется постоянно и приобретает определенную форму под влиянием другой»²⁸.

Описание аналитических аспектов трудов Спенсера показывает, что во многих сферах он предвидел социологический прорыв, осуществление которого стало делом его последователей. Разумеется, метод идеальных типов и концепция факторов, связанных с социальными изменениями, не были исходным пунктом структурно-функционального анализа Спенсера. Если бы это было так, он стал бы самым выдающимся творцом социологической теории. Спенсер применял аналитический подход бессознательно и несистематически. Наиболее важные идеи Спенсера возникли в результате применения социологического анализа. Но они не были поняты адекватно. Некоторые последователи Спенсера зашли в тупик органицизма, поскольку увидели в его трудах мнимое подобие общества и органицизма. Другие (например, Самнер) попали в закоул социального дарвинизма, подхватив спенсеровскую идею о борьбе за существование путем естественного отбора. А.Л. Уорд и Ф. Гиддингс вообще попали в болото системосозидания, сделав акцент на синтетически-эволюционных аспектах концепции Спенсера.

Теннис

При описании социальных структур Спенсер использовал одну из дихотомий, популярных к XIX—XX вв. Г. Мейн ввел различие «статусного» и «договорного» общества. Теннис разделил «общину» и «общество». Дюркгейм писал о противоположности «механической» и «органической» солидарности. Ученики Кули установили различие «первичных» и «вторичных» групп. М. Вебер различал «традиционный» и «рациональный» тип социальной организации. А. Вебер и Мак-Ивер противопоставили «культуру» и «цивилизацию». Р. Редфилд ввел понятия «народного» и «городского» общества, а Г. Беккер писал о различии «религиозного» и «светского» общества.

Но из всех перечисленных только дихотомия Тенниса пользуется признанием и широко применяется. Почему так произошло? По крайней мере, указанное различие не вытекает из работы Тенниса «Община и общество» (1887 г.), в которой оно впервые появилось. Подобно «Принципам социологии» Спенсера, в указанной работе Теннис решительно защищает идею эволюции и связанную с ней оценку ценностей. Он рассматривает экономические, правовые и политические аспекты жизни общества в исторической перспективе.

Кроме того, Теннис исходит из метафизического противопоставления «естественной» и «рациональной» воли. Первая воплощается в общине, вторая — в обществе. Тем не менее, под столь тяжеловесными правовыми и философскими различиями скрывается социологическое ядро непреходящей ценности.

Суть различия общины и общества — фиксация разных ориентации взаимодействующих индивидов. Индивиды вступают в контакт. Другой человек при этом воспринимается как *личность* или действующий *фактор*. Обе ориентации сосуществуют в человеческих отношениях, но одна из них преобладает. Отсюда вытекают понятия общины и общества: «Они означают идеальные свойства индивидов в их взаимопереплетении. Оба термина лишены коннотаций, определяющих для социальных индивидов, групп, коллективных и искусственных образований. Суть «общины» и «общества» переплетена во всех типах сообществ»²⁹. Теоретический смысл концепций Тенниса сводится к тому, что она определяет типичные свойства человеческих отношений и коллективов. Это социологические факторы и аналитические понятия, которые применяются при исследовании социальных организаций и процессов. Теннис стремился использовать их именно в таком смысле. Специфика обеих ориентаций связана с особыми образцами поведения, социальными установками и формами социальной организации. В общине индивиды воспринимаются как личности, обладающие особыми свойствами. В обществе люди воспринимаются как действующие факторы с учетом их труда и оказываемых услуг. Следовательно, Теннис полагал, что социологические факторы есть детерминанты социальных различий.

Множество данных различий фиксируется другими авторами. Но все они могут быть выведены из дихотомии Тенниса, поскольку выражают свойства, присущие общине или обществу. Община — это первичная группа, которая базируется на традициях, обычаях и механической солидарности, вырабатывая соответствующую ориентацию. Определенные формы социальной жизни (семья, племя, деревня, религиозная группа) возможны при преобладании указанной ориентации. Общество — это вторичная группа, которая базируется на светских институтах, договоре, органической солидарности и городской жизни, вырабатывая иную ориентацию. Влияние обоих типов ориентации выражается и в других дихотомиях — «авторитет — власть», «статус — класс» и т. п.

Конечно, социологический анализ — маргинальная часть трудов Тенниса. Его главный интерес — эволюция от общины к обществу. Поэтому его занимали результаты философско-исторической рефлексии. В частности, он полагал: «Вся культура преобразовалась в цивилизацию государства и общества. Это изменение связано с закатом культуры. Существует опасность того, что погибнут все ее посеянные зерна. И тогда она уже не породит суть и идею общины, без которых невозможно появление новой культуры на развалинах старой»³⁰. Вслед за Контом и Спенсером Теннис был слишком озабочен вопросами философии истории.

Гиддингс

Важнейшие труды Гиддингса относятся к синтетическому подходу. Он тоже вдохновлялся примером Спенсера и интересовался социальной эволюцией. Пытался развить понятийный аппарат для анализа общества в целом, включая все проявления человеческой жизни. «Сознание рода» — ключевое понятие Гиддингса. В контексте его исторических исследований оно функционирует как универсальный принцип и скрытая причина общественной жизни. Мне уже приходилось писать о том, что функция данного понятия не снискала позитивной оценки в социологии из-за связанных с ним социально-философских коннотаций³¹. Правда, Гиддингс придавал «сознанию рода» как аналитическому понятию особый смысл: это принципы отбора таких социальных отношений, которые являются целью сами по себе, но одновременно выполняют функцию взаимности. Речь идет о социальных отношениях, основанных на чувствах сердечности, взаимной привязанности и симпатии. Поэтому их можно назвать «чувственными отношениями». Условия для них возникают лишь тогда, когда члены общества руководствуются единомыслием. Оно гарантирует образование сходных образцов поведения. Такие отношения рушатся при появлении антагонизмов, других видов групповой лояльности и статуса. Указанные феномены ведут к тому, что желание взаимности удовлетворяется только частично. Поэтому наш выбор другого человека для общения связан с учетом его личных качеств, групповой принадлежности и статуса, наиболее близких нам. Только таким образом эмоциональные отношения детерминирует «сознание рода» — единый тип социальных качеств многих людей:

«Сознание рода» — это принцип отбора членов в замкнутые группы, которые дискриминируют потенциальных кандидатов путем выдвижения жестких условий и требований. Предполагается, что они должны соблюдаться всеми членами группы. Причем использование качественных критериев группового отбора далеко не случайно. Оно нередко превосходит любой индивидуальный отбор, который люди практикуют в отношении своих близких. Замкнутая группа располагает определенными критериями отбора. Они выполняют роль пограничной стражи, действующей в тех местах, где происходят контакты с индивидами вне группы. Эта стража закрывает доступ в группу тем индивидам, которые не подходят для выполнения ее функций и не удовлетворяют отношениям, господствующим в группе. Критерии отбора — это образец организации и функций группы. В его состав входят цель, идеалы, нормы и разделение ролей в группе. Образец есть главный критерий групповой идентичности, а его сохранение есть главное условие воспроизводства целостности группы. Члены группы отбираются в соответствии с образцом. Поэтому критерии отбора есть дистиллированная форма образца или азбука группы.

Группа осознает свои особые качества в принципах отбора членов. Поэтому она обладает сознанием рода лишь в той степени, в которой располагает строгими критериями отбора членов. Сознание рода — это мера осознания каждым членом группы общности, связей и отличий данной группы от других групп.

В 1924 г. Гиддингс выпустил свой последний известный труд «Научный анализ человеческого общества». В нем детально описано главное понятие его социологии и развивается концепция факторного анализа группы. Сознание определяется как один из факторов человеческого общества, иначе говоря, Гиддингс осознавал продуктивность данного понятия для социологического анализа, но не смог описать его систематически как аналитическое понятие. «Сознание рода» сводилось к организующему принципу его взглядов на человеческое общество.

Кули

Кули писал свои труды в то же время, когда Дюркгейм и Зиммель создавали основы социологии. Но в отличие от них он не интересовался проблемами определения социологии как науки и

специфики социологической теории. Этот факт объясняется его позицией в вопросе о сущности социальных явлений. Она базируется на фундаментальном различии пространственного (материального) и социального знания: «Пространственное знание возникает на основе чувств и развивается в знание о вещах, которое предполагает его кристаллизацию в виде количественных измерений»³². Тогда как социальное знание «возникает путем коммуникации с чувствами других людей. Коммуникация приводит в движение процессы мышления и ощущения индивидов. Эти процессы у большинства людей аналогичны. Поэтому коммуникация позволяет нам понимать других людей, поскольку духовное состояние у нас одно и то же»³³. Социальное знание — это понимание и одновременно «драматическое знание, поскольку оно состоит из чувствования в поведении, с которым связано представление об определенных психических процессах»³⁴. Короче говоря, специфика пространственного знания состоит в измеряемости, а социально-го — в драматизме.

Кули не отрицал возможность накопления объективного знания о социальных явлениях по образцу процедур естествознания: «Я стремлюсь описать и интерпретировать жизнь человека аналогично жизни животных и растений»³⁵. Однако научная точность, возможность верификации и каузальность присущи только пространственному знанию. Социальное знание базируется на интуитивных и драматических восприятиях: «Оно настолько индивидуально и субъективно, что здесь нет оснований надеяться на взаимопонимание людей и создание развивающейся структуры констатирующей истины»³⁶.

Стало быть, Кули был представителем диагностической, а не аналитической ориентации в понимании социальной жизни. Его интересовало влияние развития техники и усложнения цивилизации на человеческие отношения. При этом он подчеркивал негативные стороны данных процессов, особенно в сфере морали, и был склонен к формулировке интуитивных положений в целях интерпретации и оценки социальных процессов. Центральная проблема творчества Кули — попытка решить вечную дилемму отношения между индивидом и обществом.

Взгляды Кули на эту тему повлияли на все его частные концепции. А суть позиции сводилась к убеждению: личность и общество находятся в отношениях параллелизма как фазы одного целого:

«Общественное сознание неотделимо от самосознания. Невозможно мыслить о себе иначе, нежели в соотношении с определенной социальной группой. А о группе невозможно мыслить, не соотнося ее с индивидом. Эти два процесса протекают параллельно»³⁷. «Общество» и «индивид» — это не особые феномены, а коллективные и дистрибутивные аспекты одного предмета. Нет общества и группы без суммарного образа индивидов. Нет индивидов, которые не являются особыми образами социальных групп. Никакого особого существования у индивида нет»³⁸.

Вместе с Д. Мидом Кули заложил основы современной социальной психологии. Они внесли значительный вклад в понимание того, как социальное взаимодействие влияет на развитие и концепцию личности. В понятиях «отражающей личности» и «первичной группы» воплощены интуиции Кули на эту тему.

Понятие первичной группы — важный вклад в социологическую теорию. Оно является также значимым аналитическим средством изучения социальной организации. Однако этот аспект данного понятия был развит не Кули, а социологами более поздней эпохи. Они изучали функционирование и динамику первичных и малых групп в формальных организациях³⁹. На основе трудов Кули сформулировано понятие «вторичной группы» как структурного эквивалента первичной группы. Первичная группа связана с относительной изоляцией и анонимностью индивидов. Вторичная группа предполагает их относительное дружелюбие и взаимосвязь.

Кули ограничивал понятие первичной группы социализацией молодежи в семье, группе ровесников (связанных общей игрой) и соседей (старших по возрасту). Эти группы формируют социальную природу и идеалы индивидов. Однако последующие исследования показали, что процесс социализации охватывает всю жизнь человека. Другие группы тоже играют важную роль в этом процессе.

При разработке социальной философии Кули тоже применял понятие первичной группы. Ее значение не сводится к социализации. Первичная группа выражает сущность человеческой природы: «Речь идет о взаимопонимании и других категориях (любовь, обида, паразитизм, культ героев, добро и зло), с которыми оно связано»⁴⁰. Человеческая природа — продукт жизни в рамках первичной группы. Такие группы существуют всегда и везде и являются относительно устойчивым элементом любого общества: «Все человечество признает доброту главным отношением между членами

социальной группы. Золотой принцип середины вытекает непосредственно из человеческой природы»⁴¹. «Свободное сотрудничество — наиболее естественное и достойное человека дело»⁴². «Закон или принцип человеческой природы — это сокровенный принцип демократии»⁴³.

Социальная философия Кули была идеалистической, а убеждение в эффективности первичных групп — безоговорочным. Из этого вытекал оптимистический взгляд на прогресс человечества. Главный факт истории — экспансия общественного сознания и рационального сотрудничества: «Человеческая природа одарена идеалами, сформированными в семье и общине. Она ведет вечную борьбу, хотя и вслепую, с трудностями коммуникации и организации, которые затрудняют реализацию данных идеалов в широких масштабах»⁴⁴. И все же современные достижения в сфере коммуникации увеличивают возможности человеческой природы. Средства организации тоже помогают реализовать стремления человека: «Конечно, человеческие чувства и сознание отягчены организационными трудностями. Но кроме них нет арбитров в сфере улучшения социальных институтов. Значит, не надо терять надежды. Облегчение человеческих коммуникаций станет исходным пунктом эры морального прогресса»⁴⁵. Кули в этом не сомневался: «В каждой сфере жизни возникает разнообразное социальное знание. Оно вступает в связь с высшими устремлениями человеческой природы и создает систему идеалов разума. С помощью управления и конкуренции они постепенно воплощаются в практику»⁴⁶.

ГЛАВА 7

**Современная социологическая теория
(часть I)***Социология и социологическая теория*

Ранее уже отмечалось, что социологическая теория базируется на выводах конкретных социологических исследований, а не является спекуляцией и грудой рафинированных абстракций. Дюркгейм, Вебер и Зиммель заложили основы социологического анализа. Поэтому при описании аналитической традиции надо прежде всего учитывать опыт конкретных социологических исследований.

Они проводятся социологами во множестве специальных дисциплин. После 1920 г. область исследования значительно расширилась. Это обусловлено признанием постулата б: предмет социологического анализа — социокультурные явления (религия, наука, промышленность, политика, свободное время, искусство и т. д.).

В соответствии с постулатом 1, социологический анализ сводится к объяснению конкретных проблем в категориях социологических факторов. На этой основе открываются закономерности, в которых устанавливаются связи между социологическими и другими факторами как элементами взаимодействия людей. Применяется ли такой анализ при изучении конкретных сфер? Для ответа на вопрос вкратце рассмотрим некоторые из них.

Социология знания — это конкретная социологическая дисциплина. Она изучает социальные факторы, детерминирующие сознание и мышление человека. Каково влияние социальных обстоятельств на генезис идей? Для ответа на этот вопрос социологи знания занимаются поиском социологических факторов, повлиявших на становление философских систем и научных теорий. Изучается также связь человеческих отношений с доминирующими представлениями данного общества. Эта связь определяет его идентичность и специфику. В. Старк написал одну из лучших работ

в сфере социологии знания. Он доказал наличие «социального априоризма»¹. Он обладает не менее принципиальным значением для функционирования социального знания по сравнению с априоризмом Канта для функционирования физического и формального знания. Социальный априоризм воплощен в системе ценностей данного общества. Социальная жизнь есть процесс, в котором ценности выполняют регулятивную роль. Они занимают господствующее положение в индивидуальных и групповых действиях. Следовательно, социология знания изучает логическую связь социальных идей с системами ценностей. В процессе изучения накоплен значительный материал для доказательства связи идей с образцами группового поведения — системами ценностей. Причем функциональные отношения между ними являются взаимными, а не односторонними. Системы ценностей служат в качестве опор и образцов. Они не создают тот или иной образ мысли, зато определяют его выбор и детерминируются социальными факторами. Идеи влияют на способ действий с того момента, едва они превращаются в коллективные представления.

Главное открытие социологии знания выражено Старком в виде общего положения: «Содержание человеческого мышления в решающей степени зависит от культурной идентичности, которая образуется в результате влияния общества. По крайней мере, это влияние значительно превышает влияние физической среды, орудий труда, инстинктов, интересов, профессии и некой мистической «души». Процесс социального взаимодействия есть действительная основа социальной обусловленности человеческого мышления»².

Р. Мертон провел историко-критический анализ предмета социологии знания, разработал парадигму для конкретных исследований отношения социокультурных факторов к продуктам и социальной функции сознания. Не исключено, что данная парадигма приведет к формулировке законов и зрелой теории, объясняющей эти законы³.

Социология религии изучает взаимодействие социологических факторов с религиозными идеями и институтами. В состав исследования входят конкретные сферы: отношение и реакция религиозных сект на социальное окружение; связь социальных классов и религиозных сект; влияние религиозных идей и обрядов на групповую интеграцию и этические нормы поведения индивидов.

Социология знания и социология религии берут начало в классическом труде Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни». В нем сформулировано общее положение о социальном происхождении фундаментальных категорий человеческого мышления (прежде всего пространства и времени). Высказаны также соображения о функциях религиозных обрядов в обществе: они образуют генетическую причину приоритета социальной морали над индивидуальной этикой. Основанные на социологическом подходе, эмпирические исследования проводятся и в других сферах.

В книге «Управление и рабочий» Ф. Ретлисбергер и У. Диксон установили: «Группа рабочих обследуемого предприятия спонтанно вырабатывает сложную социальную организацию, ядром которой являются коллективные представления и чувства»⁴. Поведение отдельных рабочих определяется их групповой принадлежностью. Эту принадлежность авторы назвали «неформальной» организацией по контрасту с «формальной», которая является частью глобальной системы трудовых отношений данного предприятия. Неформальная организация направлена прежде всего на защиту рабочих от руководства предприятия. Обычно группа сопротивляется любым изменениям условий труда и личных отношений.

Авторы были озадачены тем, что данный факт невозможно объяснить безработицей, экономической пользой, скрытой и открытой взаимной враждой начальства и рабочих. Кроме того, действие группы не базируется на логической оценке ситуации по месту работы и не вытекает из специфических условий труда. В результате тщательного обследования был сформулирован вывод: «Формальная организация рабочих определяется положением, которое данная группа занимает в глобальной структуре предприятия и вытекающих из него отношений с другими группами внутри предприятия»⁵. Рабочие не считают свой труд продиктованным исключительно техническими соображениями, а склонны подчеркивать его социальную полезность. Поэтому всякое техническое изменение возмущает рабочих. Оно лишает смысла их рутинный труд и влияет на социальное положение.

Выводы Ретлисбергера и Диксона можно выразить в социологическом утверждении: образец функции неформальной группы среди множества групп организации есть следствие социального положения группы внутри организации. Эти и другие исследования стали началом индустриальной социологии. Она изучает социальную

организацию промышленных предприятий, трудовые отношения и социологические факторы, влияющие на них.

Пионерские работы К. Шоу и Г. Мак-Кея стали началом социологического анализа детской и профессиональной преступности. Они открыли тот факт, что преступность в анклав Чикаго является неравномерной. Для объяснения была использована территориальная гипотеза Э. Берджесса: города естественно организуются в пять концентрических районов. Действительно, в каждом из таких районов Чикаго показатель преступности был иным. Сравнительный анализ районов был дополнен изучением личных дел множества преступников. В итоге сформулирован вывод: «Существует взаимосвязь преступности с конфликтом культур, в который обычно вовлечены семьи иммигрантов. Этот конфликт развивается в больших американских городах, запущенных и дезорганизованных с медицинской и социальной точки зрения»⁶. В этом выводе содержится общее утверждение, позволившее сформулировать гипотезу: уровень преступности зависит от интенсивности конфликтов и степени дезорганизации общества. Гипотеза Шоу — частный случай общего утверждения с учетом особых условий в специфической ситуации.

В других работах (например, в книге «Братство среди преступников», опубликованной в 1938 г.) Шоу и Мак-Кей изучали личные дела и брали интервью у преступников. Они установили типичный процесс: подростки обычно совершают проступки, а затем некоторые из них становятся профессиональными преступниками. Решающий элемент этого процесса — отношения в семье, группе ровесников и соседей. Они толкают на путь преступления. Работа Трэшера «Гангстерские группы» (1927 г.) дополняет объяснение данного процесса. Следует учитывать и открытие Сатерленда: уроки преступных действий приобретаются в прямых и опосредованных контактах с профессиональными уголовниками при одновременном разрыве контактов с законопослушными гражданами. Сатерленд назвал это явление «теорией дифференциации связей». Она подчеркивает социальный характер фона преступного поведения. Мертон дополнил этот вывод, зафиксировав связь трех явлений: показателя преступности, групповых ценностей и средств их достижения.

• Я указал четыре сферы конкретных социологических исследований. К ним надо добавить социологию искусства, социологию

города и социологию семьи. В каждой из них сознательно применяется социологический подход, примерами которого являются конкретные исследования. Однако социология есть многоцелевая дисциплина. Кроме собственно социологического анализа она занимается и другими проблемами. Важнейшая из них — получение надежной научной информации об обстоятельствах и условиях тех сфер социальной жизни, которые порождают множество социальных проблем. Для этого нужен анализ, накопление и кодификация социологической статистики. Не менее важен диагноз социальных ситуаций, который обычно реализуется в солидных монографических исследованиях. Синтетический подход тоже привлекает некоторых социологов. Они стремятся создать коллекцию наиболее важных открытий во всех социальных науках, которые имеют существенное значение для решения теоретических и практических проблем.

Однако только эмпирический анализ связей социологических факторов с другими аспектами проблемных ситуаций может служить материалом для создания универсальных теоретических конструкций. Развитие социологической теории связано исключительно с обобщением таких конструкций.

Теория социальных систем

Применение аналитического подхода в разных сферах социологии способствовала формулировке ряда дискуссионных теоретических конструкций. В этой и следующей главе я опишу только те, которые могут служить примерами непрерывности аналитической традиции. Напомню, что социологическая теория есть особый класс теоретических конструкций, которые применяются во всех сферах социологии. В свою очередь каждая сфера содержит частные генерализации и теоретические конструкции. Но не все они являются элементами социологической теории. Речь может идти только об универсальных конструктах, которые относятся ко всем социальным явлениям и ситуациям и социальной жизни в целом. Например, любое взаимодействие включает определенные модели поведения и организации. Поэтому при интерпретации любой ситуации надо исходить из положения: образцы социальных действий подвержены общему закону рождения, сохранения, изменения и гибели. Кроме того, отношения и организованные группы являются

элементами образцов взаимодействия. Поэтому существует класс универсальных утверждений, в котором фиксируются общие свойства и элементы всех отношений и групп. Некоторые из них будут рассмотрены в восьмой главе.

Однако при обсуждении вопроса о применении социологической теории я не имею в виду общую теорию как предмет социологического анализа. Термин «общая теория» был введен Парсонсом для описания той разновидности теоретического анализа, которую он развивает. Действительно, все труды Парсонса являются «общими» в том смысле, что в них обсуждаются общие аспекты социальной жизни. Но социологическая теория обладает общностью по определению. Поэтому каждый, кто ее развивает, может претендовать на ранг «общего теоретика». В этом случае термин «общая теория» тавтологичен. Тогда как Парсонс имеет в виду особую теоретическую схему, которая выходит за рамки социологии и охватывает все социальные науки: «Я убежден, что общая теория человеческих действий станет междисциплинарной теорией независимо от ее укорененности в одной дисциплине»⁷. Однако схема Парсонса не является общей ни в междисциплинарном, ни в теоретическом смысле: она не есть основа и исходный пункт психологии, экономики и антропологии и не может считаться теорией, поскольку не объясняет социальных действий, Парсонс был вынужден согласиться с таким выводом, высказанным одним из критиков его концепции: «Мой подход не является логико-дедуктивной системой, а серией введений в целях ее создания»⁸.

В этой главе я опишу развитие понятия «социальная система» как теоретического конструкта. Хотя заслуги Парсонса здесь неоспоримы, основания были заложены В. Парето и Ф. Знанецким⁹. Поэтому их взгляды на социальную систему надо рассмотреть в первую очередь.

Концепция социальной системы Парето. Парето первым использовал термин «социальная система» для определения человеческого общества. Оно состоит из физических условий (климат, флора и фауна), внешних (влияние других обществ) и внутренних элементов. Среди последних важнейшими являются чувства, которые проявляются в «остатках». Это — универсальные и постоянные инстинкты, образующие основу всех нелогических действий и систем мышления. Физические, внешние и внутренние элементы взаимозависимы и определяют особую форму общества, в том числе его

способ организации. Общество воздействует на элементы, поскольку некоторые из них предотвращают распад общества. Независимость элементов и влияние на них организованного целого — общие свойства механических, органических и культурных систем. Любому обществу можно приписать указанные атрибуты, и потому оно тоже является системой. Главная задача общей социологии — изучение характера, свойств и преобразований социальных систем.

Сам Парето ограничился изучением состояния равновесия общества. Для этого состояния наиболее характерной является связь остатков комбинаций с остатками постоянства агрегатов. Данная связь поддерживает и сохраняет равновесие.

Концепция социальной системы Знанецкого. Парето считал социальной системой общество в целом. Знанецкий расширил это понятие, включив в него всех индивидов без исключения. Общество как социальная система состоит из бесконечного числа различных относительно замкнутых систем: «Каждая из них состоит из ограниченного числа взаимосвязанных элементов. Их внутренняя связь сильнее связи с другими объектами, которые не принадлежат к системе. Взаимосвязанные элементы обладают особой внутренней структурой, которая изолирует данную систему от внешнего влияния»¹⁰. Знанецкий выделяет четыре класса социальных систем: действия, отношения, личности и группы. В них представлены разные сферы социологии. Поэтому все социологические данные надо рассматривать как систему или элемент системы в соответствии с одной из указанных категорий. Если данные рассматривать как систему, то они становятся понятными только по отношению к элементам, из которых она состоит и которые связаны в ее структуре, если данные рассматриваются как элементы, то их можно понять только в соотношении с другими элементами системы и структурой системы в целом. Поэтому для развития социологического знания требуется подробное описание и классификация социальных систем с точки зрения главных и второстепенных элементов. После осуществления этой процедуры возможна формулировка «статистических законов», в которых фиксируются связи элементов в системе. Затем появляется возможность изучения структурных изменений социальных систем, изменения есть результат действия внутренних сил или внешних влияний, деформирующих действие внутренних сил. Итоги такого исследования резюмируются в виде «динамических законов». Тем самым социологический анализ сродни химическому анализу.

У концепций социальной системы Парето и Знанецкого есть два общих свойства: 1. Сама концепция социальной системы применяется как разновидность аналогии, описывающей элементарный факт: индивиды рассматриваются как элементы, связанные особыми отношениями. Специфику данных отношений Парето усматривал в равновесии. Знанецкий — во взаимообусловленности и взаимозависимости элементов. 2. Термин «социальная система» используется для описания конкретных обществ в целом, а не для описания их системных аспектов. Индивиды как конкретные личности рассматриваются как элементы социальных систем. Например, Парето пишет: «О социальных системах следует мыслить, как о продуктах молекул-индивидов. А индивиды были и останутся скопищем остатков, дериваций, интересов и склонностей. Они совершают логические и нелогические действия в зависимости от множества связей, в которых находятся»¹¹. Тогда как согласно Знанецкому, индивиды входят в состав социальных систем в качестве «социальных ценностей» или эмпирических субъектов деятельности: «В качестве социальной системы группа состоит из отдельных членов. Каждый из них образует социальную ценность, объект взаимопомощи и контроля группы в целом»¹².

Понятие социальной системы у Парсонса. Парсонс разработал новую концепцию социальной системы. Он заимствовал у Парето идею равновесия и вслед за Знанецким распространил объем термина «социальная система» на всех индивидов. Однако Парсонс изменил смысл общих свойств социальной системы, характерный для концепций Парето и Знанецкого. Аналогия у него стала средством анализа. Социальная система не есть целое, состоящее из индивидов и взаимодействий, а совокупность социальных действий, в которых индивиды играют роли, предписанные статусом. Согласно Парсонсу, социальная система есть теоретический конструкт, а не эмпирически данный объект. Необходимое условие конструирования социальной системы — взаимодействие групп отдельных индивидов: «Оно происходит в ситуациях, обладающих физическим аспектом (или аспектом среды) и действующими индивидами, которые стремятся оптимизировать собственные предпочтения. Отношение индивидов к собственному положению, а также их отношение к другим индивидам, определяется в категориях системы культурно структурированных и общих символов»¹³. Эти элементы не входят в социальную систему. Она конструируется путем

абстрагирования от процессов взаимодействия индивидов. Взаимодействие обладает определенной структурой отношений, которая и есть структура социальной системы. Система есть сеть таких отношений. Вычленение данной сети — главный и первый шаг на пути социологического анализа человеческих обществ.

В этом пункте Парсонс тоже не оригинален. Вслед за Зиммелем он описывает формы социации, которые абстрагируются из конкретных случаев взаимодействия, а не содержание, которое они представляют. Но Парсонс пытается уйти дальше Зиммеля. Он обращает внимание не на отдельные формы социации, а на их образцы, включая интеграцию данных форм в определенную систему. Парсонс — сторонник аналитического подхода к изучению отношений и обществ. Он дает такую трактовку социальных явлений, которая связана с приписыванием им системных характеристик: «Аналитический подход предполагает категоризацию структур социальных систем, способов структурной дифференциации в рамках данных систем и сферы изменчивости в отношении любой структурной межсистемной категории»¹⁴.

С учетом этой задачи следующий логический шаг социологического анализа — конструирование идеального типа социальной системы. Он служит аналитическим средством для сравнительных исследований и интерпретаций отдельных социальных систем. В этом и заключается главная цель работы Парсонса «Социальная система» (1951 г.).

При конструировании идеального типа социальной системы Парсонс исходит из факта: социальные системы отличаются определенным порядком и в процессе развития подвергаются упорядоченным изменениям. Этот факт определяет выбор форм социации как особых и главных элементов социальных систем. Формы социации создают идеальный, оптимальный и возможный порядок. Тем самым обеспечиваются изменения. Какие аспекты взаимодействия способствуют стабильности системы и какие функции они выполняют для поддержки ее действия? Значительная заслуга Парсонса в развитии социологической теории сводится к детальному ответу на этот вопрос.

Оказывается, что основными единицами социальных систем являются не живые индивиды, а их статусы и роли. Да и то в той степени, в которой статусы-роли соответствуют образцам взаимодействия. В терминологии Д. Дьюи и А. Бентли статусы-роли

принадлежат к «трансактивным явлениям». Статус — это пассивный аспект места данного отношения. В нем выражена ориентация других лиц на действующего индивида. Роль — активный аспект индивида, поскольку в ней выражены его действия. Распределение статусов сопряжено с оценкой. Операциональный эффект и стабильность распределения статусов невозможны без общего согласия с нормами оценки. Парсонс называет такие нормы «институционализацией нормативных компонентов культурных систем в качестве конститутивных структур социальных систем»¹⁵. Институционализация норм зависит от степени связи каждого индивида с контекстом взаимодействия. А согласие с ними является способом удовлетворения ожиданий, потребностей и оптимальной реакции других людей на действия индивида. Таким же образом происходит институционализация ролей. Они основаны на том, что от индивида ожидают определенного поведения, а он учитывает реакцию других людей на это поведение. В стабильной социальной системе свойства ролей выражены в нормах «ожидание роли» и «санкция», которые наполняются конкретным содержанием.

Из статуса вытекают права, а из роли — обязанности. Признание прав и обязанностей — главное условие стабильности социальной системы. Солидарность связана с социальным признанием общих образцов ценностей и норм. Общество берет на себя моральную ответственность за гарантирование прав и выполнение обязанностей. Моральная ответственность имплицитно включает эмоции, необходимые для поддержки общих ценностей. В то же время эмоции выражают диспозицию индивидуальных потребностей. После этого происходит интернализация норм и ценностей. Индивидуальная интернализация есть эквивалент социальной институционализации. Это положение соединяет Парсонса с Д. Мидом и Г. Кули: «Интеграция множества общих образцов ценностей с интернализованной структурой диспозиций индивидуальных потребностей — ядро динамики социальных систем. Динамическая теорема социологии состоит в следующем: стабильность любой социальной системы зависит от степени данной интеграции, наряду с незамеченным процессом взаимодействия»¹⁶.

Этот вывод Парсонс назвал теоремой институциональной интеграции мотивов: «Цели исполняющих роли лиц должны обладать смыслом *вклада* в функционирование социальной системы»¹⁷. Чем больше степень интеграции мотивов с институционализированными

образцами ценностей и чем меньше противоположных потребностей, тем больше интеграция социальной системы. Идеальный тип социальной системы означает полную интеграцию.

Институционализация образцов ценностей есть основание социальной системы. Она включает также постоянное функционирование в целях преемственности системы. В структуре социальных систем существует три типа (образца) институционализации, каждый из которых выполняет особую функцию:

1. Установление образцов отношений социальной системы связано с определением статусов и ролей: «Это структурный стержень социальной системы, тогда как институционализация образцов ориентации на ценности есть важнейший механизм ее стабильности»¹⁸.

2. Нормативное регулирование реализации индивидуальных и групповых интересов в рамках данных отношений. Это обеспечивает ориентацию на цели и ограничивает выбор средств их достижения.

3. Организация верований, символов и образцов ориентации на социальные ценности.

При конструировании идеального типа социальной системы Парсонс применяет четыре основных категории социологических факторов: статус-роль, группа, норма и ценность. Ценность — наиболее общая категория. Она проявляется в образцах ориентации на ценность, формирует и контролирует другие переменные. Образцы детерминируют нормы, которые регулируют поведение и определяют права и обязанности. Таким образом возникает тождество, между идеальным типом и оптимальной формой социальной системы: ценности и нормы целиком институционализированы и интернализированы; согласие с ними преобразует массу индивидов в общество, между членами общества существует полная солидарность; они одинаково определяют действия, необходимые для интеграции системы; соглашаются с санкциями для предотвращения действий, которые не соответствуют нормальному функционированию системы; в соответствии с ценностями и нормами система определяет статусы-роли, благодаря которым она может функционировать; статусы-роли взаимно дополняют друг друга.

Факторы, которые Парсонс полагает важнейшими свойствами социальных систем, уже давно вошли в социологический словарь. Но он создал новую понятийную схему, предлагая особую интеграцию данных факторов в виде элементов идеального типа. Эту схему можно

считать оригинальным вкладом в социологическую теорию, который выходит за рамки описания функций указанных элементов.

Парсонс открыл также новые свойства социальных действий. Они должны учитываться при понимании процесса функционирования социальных систем. Эти свойства он назвал «переменными образца» и включил их в собственную версию идеального типа. В этом случае Парсонс руководствовался идеями Тенниса о различии «общины» и «общества». Вслед за Теннисом Парсонс пишет о несовпадении ориентации на других и оценки других индивидов. Несовпадение воплощается в разных формах, которые выражают возможности альтернативного выбора ценностных ориентаций.

В любых отношениях индивид стоит перед ситуацией выбора образца взаимодействия. Вебер писал о взаимной ориентации индивидов, которая связана с ориентацией на самого себя. Однако суть социальных действий Вебер усматривал в ориентации на других. Парсонс подхватил эту мысль и сделал ее исходным пунктом анализа процесса ориентации на других. По его мнению, данный процесс включает статусную, модальную и утилитарную ориентации. Первая из них связана с ориентацией на господствующее положение в любых отношениях между индивидами. Вторая включает способ характеристики других индивидов. Третья имеет в виду пользу от обращения к другим индивидам. Согласно Парсонсу, существует альтернативная возможность выбора каждой из указанных ориентаций. Если выбор дихотомичен, осуществляется по принципу «или — или», то он является количественно неизменным. Если выбор обладает качественным характером, он связан с определенным укладом явлений и называется «переменной образца».

Статусная ориентация включает две пары переменных:

1. Аспектность — целостность. В этой дихотомии выражается противоречие между ориентацией на других лиц в отношениях, которые направлены на достижение специфических и ограниченных целей (отношение между экспертом и клиентом), и ориентацией на других лиц в целостных отношениях (между супругами).

2. Аффективная ангажированность — аффективная нейтральность. Эта переменная связана с выбором свободного выражения или контроля чувства в отношениях с другими индивидами.

Модальная ориентация связана с характеристикой свойств и включает два образца:

1. Приписывание — достижение. Речь идет о суждениях и оценках других людей в соответствии с их природными и социальными свойствами (возраст и принадлежность к определенному социальному классу) или в соответствии с их достижениями (профессиональный успех).

2. Универсализм — партикуляризм. Эта переменная лежит в основании оценки роли других индивидов. Индивид осуществляет выбор между оценкой на основании универсальных норм (например, моральных) или партикулярных требований, неотъемлемых от ситуации и конкретного индивида (например, выполнение роли друга).

Утилитарная ориентация тоже содержит две переменных:

1. На себя — на группу. Индивид в любых отношениях всегда должен осуществлять выбор между собственной пользой (и выполнять роль купца) и бескорыстным действием (и выполнять роль врача).

2. Инструментализм — потребительство. Речь идет об индивидуальном и групповом выборе принципа пользы или удовольствия¹⁹.

Первые четыре пары переменных обладают принципиальным значением. Они являются свойствами социальных действий в той степени, в которой данные действия *имплицитно* предполагают ориентацию на других индивидов и на их модальности. Главный смысл указанных переменных — определение свойств основных элементов социальных систем. Комбинация переменных из разных пар служит для характеристики отдельных элементов. Например, роль может обладать свойствами универсализма, достижения, аспектности и аффективной нейтральности. Ценность — целостностью, аффективной ангажированностью, приписыванием и партикуляризмом. Норму можно характеризовать в категориях универсализма, приписывания, целостности и аффективной нейтральности и т. д.

Остальные две пары переменных вторичны и производны. Они описывают дальнейшую дифференциацию свойств элементов в соответствии с категоризацией индивидуальных и групповых действий как инструментальных средств и потребительских целей. Парсонс считает данные переменные осью дифференциации. Каждая возможная комбинация соответствует специфическому набору основных переменных. Индивидуальная инструментальность связана

с достижением, аффективной нейтральностью, универсализмом и аспектностью. Индивидуальное потребительство — с партикуляризмом, аспектностью, достижением и аффективной ангажированностью. Групповая инструментальность есть связь универсализма, целостности, приписывания и достижения. Групповое потребительство соединяет приписывание, аффективную ангажированность, партикуляризм и целостность.

Для конструирования идеального типа социальной системы Парсонс избрал только такие комбинации переменных, которые связаны с внутренней стабильностью и порядком. Главный фактор интеграции социальной системы — нормы (образцы ориентации на объекты), которые в оптимальной форме целиком институциализированы и интернализированы. К важнейшим переменным принадлежат только те, которые определяют категорию норм. Нормы управляют взаимодействием индивидов, связанных разными отношениями, и определяют рост. Согласно Парсонсу, для сохранения порядка и стабильности каждая социальная система обязана решить две внешние и две внутренние проблемы. К первой группе принадлежит проблема адаптации системы к среде и проблема достижения целей в данной среде. Во вторую группу входят проблемы культивирования индивидуальных образцов и групповой солидарности (интеграции). Иначе говоря, идеальный тип социальной системы — это условия сохранения в ней порядка и стабильности: Условия внутренней стабильности и порядка можно описать следующим образом:

1. Главной проблемой функционирования системы является адаптация. Стабильность зависит от универсалистской категоризации существенных объектов независимо от их партикуляризма, а также от обеспечения аспектности интересов данных объектов для исключения ориентации на целое.

2. Если цель становится главной функциональной проблемой, то стабильность зависит от возможностей, аффективной ангажированности и потребительского отношения действующих индивидов в отношении к объектам целеполагания.

3. Если главной проблемой является интеграция, то стабильность системы зависит от партикуляристской категоризации и воспроизводства целостного основания интересов, связанных с существенными объектами.

4. Если главной проблемой становится культивирование индивидуальных образцов, то стабильность зависит от приписывания и аффективной нейтральности, независимо от специфических и ситуационных достижений и поощрений индивидов»²⁰.

Приведенная цитата содержит характеристику основных элементов идеального типа в толковании Парсонса. В ней дан ответ на ранее поставленный вопрос: какие аспекты взаимодействия способствуют стабильности системы и какие функции они выполняют для поддержки ее действия? Содержание данной цитаты может рассматриваться как пример идеального типа социальной системы, сконструированный Парсонсом.

Критика критиков Парсонса. Большинство критиков Парсонса не заметили, что его схема анализа системных аспектов социальных отношений есть конструкт идеального типа, а не описание организации обществ и групп для определения их «средних показателей». Например, Сорокин характеризует взгляды Парсонса следующим образом: «Это одна из множества схем, составленных по принципу смеси выдуманных моделей социальных систем (лишенных эмпирического содержания) с механистическими аналогиями (типа равновесия, инерции) и спекулятивными требованиями (типа самозащиты системы). Ячейки Парсонской сети абстракций настолько велики, что практически все эмпирические рыбы беспрепятственно проходят сквозь них. Если бы рыбак-исследователь взялся за ловлю с этой сетью, то Парсонс оставил бы его на берегу в дураках»²¹.

Эта характеристика не лишена оснований. Однако Парсонс не собирался плести понятийную схему, которая должна обеспечить исследователя совокупностью категорий для ловли «эмпирических рыб» — конкретных организованных групп. Парсонс просто попытался создать аналитическое средство для сравнительного исследования организованных групп с точки зрения порядка и стабильности. Поэтому абстрактность схемы Парсонса надо записать в его актив, а не пассив. Правда, Сорокин не заметил, что схема Парсонса не совсем абстрактна и не лишена эмпирического содержания. Все положения Парсонса обладают эмпирическим базисом, хотя кажутся «несуществующими» в форме идеального типа. Сорокин недалеко ушел от Парсонса, поскольку пользуется теми же элементами при анализе организованных групп. Его определение социальной группы почти не отличается

от определения Парсонса. Вслед за Парсонсом Сорокин считает нормы (хотя называет их «нормы-права») конституирующими элементами: все свойства организации группы определяются наличием в ней норм-прав и неразрывно связаны с последними. Сорокин пишет и о «нормативной мотивации», которая вытекает из интернализации норм и объясняет приспособление к ним независимо от возможных, гедонистических или утилитарных соображений. Сорокин признает также определение ролей и разделение прав и обязанностей взаимодействующих индивидов одной из главных функций норм.

Итак, Сорокин не признает понятийную схему Парсонса примером применения Веберовского принципа идеально-типического конструирования. Этот факт объясняется тем, что сам Сорокин не смог провести строгое различие между группой как системой и группой как объединением индивидов. Сорокин полагает, что группа в целом образует социальную систему. Одновременно группа есть конкретная ячейка общества, состоящая из объединенных индивидов. Поэтому социальная система тоже является конкретной. Однако группы как целое не тождественны социальным системам. Социальная система — это понятийный конструкт, а не нечто конкретное. Единицами социальных систем являются социальные действия индивидов, а не индивиды как таковые. Здесь Парсонс прав.

Сорокин признает, что в других вопросах его позиция совпадает с позицией Парсонса. Но под «другими вопросами» он имеет в виду все то, что Парсонс списал у Сорокина. И список таких заимствований он приводит на нескольких страницах одной из своих книг²². Хотя этот список еще не является полным доказательством интеллектуального воровства, но нетрудно заметить эпигонство Парсонса: он повторяет понятия и интерпретации Сорокина. Но такое сопоставление доказывает лишь подобие взглядов двух ученых, которые пользовались одними источниками информации. Сорокин полагает, что это подобие объясняется просто: Парсонс крал идеи у Сорокина. Однако трудно доказать, что сам Сорокин был творцом этих идей и первым ввел в оборот термины «норма», «ценности», «смысл», «ориентация человека на цель» и т. д. Так что подобие Сорокина и Парсонса объясняется тем, что оба пользовались одними источниками социологической традиции, развивая идеи Дюркгейма, Вебера и Зиммеля.

Есть и другой пример критики структурно-функционального анализа Парсонса. Так, Р. Дарендорф тоже не заметил идеальный тип в понятии социальной системы Парсонса и обвиняет последнего в «заразе утопии»²³. Дарендорф подчеркивает, что концепция социальной системы Парсонса подобна утопиям Мора, Хаксли, Оуэна и Оруэлла. Все они не вытекают из реальной действительности и не имеют никакого отношения к действительному развитию общества. В частности, утопия Парсонса предполагает всеобщее согласие с доминирующими ценностями и социальными институтами. Речь идет о такой социальной гармонии, которая на деле оказывается гармонией факторов, способствующих утопической стабильности. Социальная система Парсонса отличается свойствами утопического общества. Кроме того, Парсонс занят крохоборческим учетом условий функционирования утопической социальной системы — общества, в котором господствует всеобщее единомыслие и нет конфликтов. Но такого общества никогда и нигде не существовало. Поэтому Дарендорф приходит к выводу: концепция Парсонса не описывает, не объясняет и не является основанием объяснения действительного мира.

Дарендорф прав во всех случаях, когда Парсонс использует понятие системы для описания глобального общества с точки зрения этического идеала. Такое общество является интегрированным целым с абсолютным равновесием. Однако Парсонс мало интересуется этическими императивами. Его цель — абстрагирование определенного числа социологических переменных и установление их связи с социальной интеграцией. Эти переменные и отношения между ними могут быть представлены в крайней и оптимальной формах. Из обоих вытекает недействительный или идеальный характер социальной системы. В этом смысле она является «утопической». Однако этот факт был давно признан Вебером: «По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определенных элементов действительности... В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; ... Прежде всего следует подчеркнуть, что надо полностью отказаться от мысли, будто эти «идеальные» в чисто логическом смысле мысленные образования ... в какой бы то ни было мере носят характер долженствования, «образца». Речь идет о конструировании связей, которые представляются нашей фантазии

достаточно мотивированными, следовательно, «объективно возможными», а нашему номологическому знанию — адекватными»²⁴.

Аналитическая конструкция не является описанием действительности. Ее цель — обеспечить исследователя средствами выражения для такого описания: «По своему значению это чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания»²⁵.

Парсонс создал лишь один из многих аналитических конструктов, необходимых для изучения конкретных социальных ситуаций. В частности, с помощью одного идеального типа можно повысить ценность сравнительных исследований. Для этого по отношению к одному и тем же данным по принципу противоположности надо сконструировать другой идеальный тип. В итоге критики Парсонса Дарендорф выработал «конфликтную модель общества». В этой утопической конструкции общество существует вследствие принуждения, а не единомыслия. Социологическим фактором динамики данного общества является конфликт, а его основным процессом оказывается изменение. Признание одного из таких конструктов единственно истинным или ложным ничего не дает. Но при сопоставлении они могут служить для взаимного уточнения как средство социологического анализа. Дарендорф это понимает и делает примирительный жест Парсонсу: «Для объяснения социологических проблем одинаково необходимы равновесные и конфликтные модели общества. Вполне возможно, что в философском смысле общество есть двуликий Янус, лица которого одинаково действительны. Одно лицо выражает стабильность, гармонию и единомыслие, другое изменение, конфликт и насилие»²⁶. Как показал Д. Локвуд, указанный дуализм отражает общеизвестный факт: в любой социальной ситуации выступают ненормативные (например, своекорыстные) и нормативные интересы. Первые являются источником конфликтов и нестабильности, реализация вторых обеспечивает социальную стабильность»²⁷.

Ненормативные интересы образуют субстрат любого общества, который меняет свои размеры и интенсивность. Я думаю, что главная функция конструкта идеального типа у Парсонса состоит в сравнении субстрата социальной жизни с идеальным типом в каждой конкретной ситуации.

Структурный функционализм. Системный анализ Парсонса — конкретный пример структурно-функционального анализа как

особого подхода к изучению социальных явлений. Структурный функционализм не является теорией, поскольку ничего не объясняет. Зато он указывает направление поиска для объяснения закономерностей общественной жизни и потому является теоретическим подходом. В его основании лежит принцип: структура организации общества подвергается позитивному и негативному влиянию социологических факторов — элементов данного общества. Вывод Дюркгейма может служить примером реализации данного принципа: коллективные религиозные представления укрепляют эмоции, обладающие существенным значением для институциональной интеграции общества. Этот вывод подтверждается связью религиозной практики и веры с фактом устойчивости группы. Но эта связь не является каузальной. Религия не есть причина, а только фактор поддержки социальной интеграции. Она поддерживает и укрепляет эмоции (ценности и нормы), которые обеспечивают и поддерживают социальную интеграцию. Поэтому влияние религии на социальную интеграцию опосредовано. Оно есть следствие *непосредственного* влияния религии на социальные эмоции.

Опосредованные следствия влияния социологических факторов на поддержку и сохранение социальных систем можно наблюдать везде. Но его надо описывать в структурно-функциональном смысле, а не в терминах каузальных связей. В этом контексте «функция» означает «надлежащее функционирование» данной системы. Именно так понимает функцию Мертон: «функция — это наблюдаемое следствие, которое способствует адаптации или приспособлению данной системы»²⁸. Так понятой функции он противопоставляет дисфункцию, которая наносит вред системе. Главная проблема структурно-функционального подхода — поиск саморегулирующихся элементов сохранения социальных систем: «Функциональные утверждения обладают истинностью по отношению к системам, которые располагают механизмами поддержки определенных свойств. Но такие утверждения являются бессмысленными и ложными, если они используются по отношению к системам, у которых нет механизмов саморегуляции»²⁹.

Мертон значительно продвинул вперед решение данной проблема. Он дополнил структурный анализ проблемой интенциональности, обнаружив различие явных и скрытых (латентных) функций. Явные функции — это следствия интенциональных или рационально установленных практик с целью учета данных следствий. Скрытые

функции — следствия ненамеренных и непредвидимых практик. Например, в Дюркгеймовской концепции опосредующее влияние религии на социальную интеграцию есть скрытая функция. Напротив, Марксова концепция полагает, что религия сознательно используется правящим классом для удержания угнетенных классов в абсолютном подчинении существующему порядку. Указанные две версии социальной роли религии не настолько противоположны, как кажется, поскольку фиксируют разные аспекты социальной системы. Статус-кво, т. е. сохранение определенной формы социальной организации, существующей в данный момент, не идентично социальной интеграции. На деле она обеспечивается путем реадaptации к меняющимся условиям. Поэтому одна и та же функция может быть скрытой и явной с разных точек зрения.

Мертон ввел понятие скрытой функции и тем самым поставил перед социологией новую и перспективную задачу. Анализ мотивов целенаправленных социальных действий должен быть связан с поиском их последствий: «Наиболее глубокие и определенные заслуги специалистов-социологов, — подчеркивает Мертон, — связаны с тем, что они переключились от изучения явных функций на исследование скрытых функций»³⁰. Понятие скрытой функции обеспечило развитие теоретической социологии новым показателем. Оно широко применяется в социологическом анализе, например, при исследовании социальной дифференциации, пропаганды и расовых проблем.

Структурный функционализм совпадает с требованиями постулата 1. Этот подход есть описание специфической обусловленности социальной системы социологическими факторами, особенно их влияния на ее сохранение. Этим и ограничивается сфера применения структурного функционализма. Однако Сорокин подверг резкой критике структурный функционализм, особенно достижения Мертона в данной области: «Мертону не удалось доказать существование «функциональной социологии» как особой системы социологической мысли»³¹. Но критика Сорокина направлена не по адресу, поскольку Мертон и не собирался это делать. Наряду с другими исследователями социальных систем (М. Леви и У. Муром) Мертон имплицитно полагает структурный функционализм теоретическим подходом в сфере исследования социальных явлений, а не всеохватывающей доктриной, устанавливающей особую социологическую школу.

К. Девис тоже не понял специфики структурно-функционального анализа. Он не обратил внимания на различие между функциональным и структурно-функциональным анализом, отождествляя последний с социологическим анализом. Действительно, функциональный анализ (т. е. исследование взаимозависимости явлений) образует главный предмет социологического анализа. По сути дела, такой подход является аналитическим, а его применение в социологии зафиксировано в постулате 1. Структурно-функциональный анализ — особый случай функционального подхода, поэтому его нельзя отождествлять с социологическим анализом. Это — лишь одна из целей социологического анализа. У социологического анализа цели другие — открытие каузальных законов, интерпретация социологических констелляций, мотивационное понимание социальных действий, типология социальных отношений и групп. Проблемы, понятийный аппарат и исследовательская техника структурно-функционального анализа не совпадают с указанными целями.

Таким образом, критика оправданности и истинности структурно-функционального анализа не затрагивает социологический анализ в целом. Нет оснований бросить заниматься структурно-функциональным анализом, как предлагает Девис. Лучше «элиминировать понятие функционализма как особого метода, вместе с его путаной терминологией»³². Но совет Девиса невозможно применить к структурно-функциональному анализу. Это не метод, а только одна из частных целей социологических исследований.

ГЛАВА 8

Современная социологическая теория (часть II)

Согласно постулату 2, свойства социальных общностей и отношений являются социологическими факторами. Поэтому изучение данных социальных форм — главная задача теоретической социологии. Наиболее важные исследования общностей сконцентрированы на анализе социальных групп. Рассмотрим некоторые результаты этого анализа, а затем обсудим подходы к анализу социальных отношений.

Теория социальных групп

Общая характеристика социальных групп. В социологии термин «социальная группа» означает особый тип человеческих общностей в отличие от всех остальных множеств человеческих индивидов. От других типов человеческих общностей социальная группа отличается четырьмя свойствами:

1. Социальная группа — устойчивое объединение людей. Это свойство отличает ее от эфемерных и временных объединений типа толпы, группы собеседников и публики.

2. Социальная группа обладает организацией и структурой. Этим она отличается от неструктурированных человеческих общностей типа публики.

3. Социальная группа предполагает взаимодействия и отношения ее членов. Этим она отличается от статистических групп, когда индивиды классифицируются на основании свойств возраста, пола, расы, образования, дохода и языка. Указанные свойства могут стать основанием формирования групп, но сами по себе они не являются живыми и активными клетками, состоящими из людей.

4. Социальная группа — это избранное и ограниченное число членов. Они обладают общими правами на блага, связанные с их

объединением. Это свойство отличает социальную группу от других социальных образований типа фабрик, банков, учреждений, бюро и других юридических лиц. Эти единицы тоже обладают свойствами постоянства, структуры и взаимодействия. Но у них нет членства. Занятые в корпорациях и промышленных предприятиях, являясь работниками и персоналом организаций.

Некоторые авторы включают в состав социальных групп целые общества (общины и нации), а также группы, состоящие из двух и большего числа людей. Эта процедура неправомерна.

В отличие от социальной группы общество не предполагает добровольного членства. Оно опирается на население определенной территории, на которой размещены промышленные предприятия, институты распределения и службы услуг для жителей данной территории. Общество обеспечивает управление общими делами населения с помощью определенных институтов (например, судопроизводства и транспорта). Но прежде всего общество есть носитель аксионормативного порядка, Он определяет образ жизни людей и включает в себя общеобязательные ценности и установления (юридические права, моральные нормы и т. д.). Тогда как социальная группа навязывает своим членам особые оценки и права, которые являются уточнением и дополнением общих норм общества. А этические нормы группы есть комплекс общеобязательных императивов, образующих, аксионормативный порядок. Социальные группы и отношения — главный элемент общества. Они поддерживают сеть взаимного согласия, без которой невозможна упорядоченная социальная жизнь.

Два человека тоже не обладают свойствами группы. Зиммель показал что группы нет до тех пор, пока три индивида не создадут социальную единицу — ячейку общества. Развитие отношений двух людей целиком зависит от них, Если один из них прекращает отношения, союз распадается. Тогда как триада есть надиндивидуальное образование. Индивида, порвавшего с ним отношения, можно заменить другим. Появление нового индивида не влечет за собой изменение образца союза. Поэтому триада — элементарное объединение людей, которое базируется на безличном отношении, независимом от отдельных лиц. Это — фундаментальное свойство социальных групп.

Членство и субъективное чувство принадлежности — основные свойства социальной группы. Большинство других свойств опирается на них или происходит от них.

СМЫСЛ членства не требует объяснения. Он известен каждому, кто обрел опыт социализации. Для понимания смысла членства достаточно сослаться на собственный опыт объединения с другими людьми — в семье, клике, круге друзей и других группах, к которым принадлежит большинство людей. Члену группы известно, что у него есть доступ к групповым благам, которые образуют привилегию членов группы и недоступны посторонним. Членство связано с правом на определенные блага и в то же время связано с выполнением определенных обязанностей. Эти обязанности определяются общим интересом в сохранении группы как функционирующего механизма.

Три элемента группы являются ключевыми. Они обладают фундаментальным смыслом, объясняют сущность и содержание групповых связей.

Групповое благо — первый элемент. Это объект или ситуации, которые возникли на основе совместной деятельности большинства группы. К таким благам относятся: поле для игры в гольф, созданное совместными стараниями членов клуба; способы и средства создания общества; смысл и влияние профсоюза; дом, построенный семьей; патронаж политической партии; сакральный характер церкви и т. д.

В любом случае групповое благо удовлетворяет индивидуальные интересы, которые достигаются путем согласованных и объединенных действий. Групповое благо — результат сотрудничества. И потому оно есть социальное благо. Оно не принадлежит никому на правах индивидуальной «собственности». Это общая ценность всех, кто имеет на нее право. А право имеет тот, кто способствует сохранению группы.

В основе группового блага лежит социальная польза и общие ценности. Его создание, сохранение и использование выражают цель и принцип существования группы. Групповой интерес превышает индивидуальные интересы. Если группа способствует достижению индивидуальных интересов, то групповое благо образует существенную связь, удерживающую индивидов в группе.

Образ группы. Групповое благо занимает центральное положение среди элементов группы, но не обладает значением главного эмоционального фактора. Речь идет о *чувстве принадлежности* к группе, о котором уже шла речь. Это чувство базируется на осознании сути группы каждым ее членом, а не на личных отношениях

каждого члена группы к другим. Здесь нужны разъяснения. Например, Ф. Оллпорт пишет: «Семья как таковая в сознании ребенка не существует. Она не есть нечто такое, что ребенок может попробовать на вкус, схватить рукой и поломать, как игрушку. Семья не есть нечто такое, на что ребенок может реагировать и приспособливаться. Родители, братья, сестры и другие конкретные индивиды — вот объекты реакции и адаптации ребенка»¹. Это замечание верно по отношению к маленькому ребенку, но не исчерпывает суть проблемы. Оллпорт ничего не говорит о смысле родителей, кузенов, кузин и т. д. Между тем эти индивиды определяются выполняемой ролью, а не личными свойствами. Если другие люди признаются родителями, братьями и т. д., то это значит, что семья служит точкой отсчета — особым пунктом соотношения. Поэтому указанные индивиды прежде всего *члены семьи*, а не носители названий. Они мои родственники на основании моей принадлежности к семье и выполнении в ней особой роли. Таким образом, семья есть действительность воображения и идеи, а не чувства. Невозможно обладать чувством принадлежности к группе и ощущать себя ее членом, если у индивида нет собственного образа группы. Ты можешь быть родственником матери и сестры, но *принадлежишь* к семье.

Группа как представление в сознании ее членов есть точка отсчета действия и подвергается изменению по аналогии с любыми материальными объектами.

Образ группы возникает так же, как и все остальные представления. Воображение организует ощущения-стимулы в духовные объекты — понятия, представления, символы, идеи и т. п. Представление о группе обычно возникает на основе опыта. Он обладает рядом общих характеристик: вытекает из совместного участия в реализации общей цели; определяется действительной и безличной трактовкой прав и функций, связанных с общим делом; устанавливает принципы распределения групповых благ и т. д. Дюркгейм называл такой опыт «овнешнением». Речь идет об общих вопросах человеческих отношений, независимых от чувств и согласия отдельных индивидов.

Нормы — третий основной элемент структуры группы. Они устанавливают обязательные правила, благодаря которым возможно эффективное функционирование группы. Социальные права и нормы — это императивы, независимые от их эмпирического

существования и связанных с ними индивидуальных оценок. Обязательность норм самоочевидна. В ее основании лежит единомыслие как общее признание определенной необходимости. Оно вытекает из образа жизни двух или большего количества людей, находящихся в одинаковых условиях, когда сохранение отношений признается как необходимость. Тем самым способ деятельности, убеждения и позиции индивидов несут в себе *знак* чувства долга и становятся квазиобъективными. На основе общей характеристики социальных групп рассмотрим отдельные работы теоретического значения. Они проливают дополнительный свет на сущность и функции социальных групп.

Вклад Сорокина в анализ групп. Сорокин определяет группу как множество взаимодействующих индивидов. Это множество может считаться организованным, если его центральная система смыслов и символов образует предпосылку взаимодействия индивидов, является внутренне единой и принимает форму норм-прав. Нормы-права детально определяют все существенные действия и реакции взаимодействующих индивидов во взаимоотношениях, в отношениях к чужим и ко всему остальному миру. Данные нормы являются эффективными и обязательными, а при необходимости навязываются поведению индивидов в процессах взаимодействия².

В приведенной дефиниции ключевым термином выступают «нормы-права», которые являются социологическим фактором, определяющим организацию группы. По мнению Сорокина, все свойства организации вытекают из факта существования групповых норм-прав, неразрывно связанных со свойствами группы. Нормы-права — это принципы поведения, устанавливающие права и обязанности каждого члена группы. Они распределяют функции, роли и статусы членов группы. Нормы-права воспроизводятся в процессах взаимодействия. Их понимание возникает интуитивно, а затем формализуется. После установления нормы-права уже не являются рациональными образцами определенных форм поведения. Они становятся «живыми убеждениями и наполняются всей эмоциональной, действующей и волевой силой, которой располагает данная личность»³. За нормами-правами скрывается определенная мотивация, которую Сорокин называет «нормативной». В отличие от мотивации на целое нормативная мотивация ведет к поведению, которое мотивируется исключительно верой в закон, без всяких мыслей о будущих целях, пользе и счастье.

Сорокин выделяет следующие разновидности норм-прав: нормы морали рекомендуют, но не требуют неукоснительного исполнения определенной формы поведения; нормы техники определяют процедуру деятельности, но не являются атрибутивными и императивными; нормы этикета и мода не являются атрибутивными и императивными; религиозные нормы, народные традиции, обычаи и привычки есть пестрая смесь правовых, моральных, технических и традиционных норм.

Сорокин выделил нормы-права как особый класс социологических детерминант и детально их проанализировал. Тем самым он внес значительный вклад в анализ групп. Он разработал также схему для кодификации и критической оценки эмпирических данных о групповой жизнедеятельности. Эта схема включает следующие параметры: антагонизм и солидарность; социальная дифференциация и повторяющиеся социальные процессы (к ним относятся генезис, сохранение идентичности и устойчивости групп); вертикальная и горизонтальная динамика групп. В итоге Сорокин сформулировал ряд социологических законов, которые совпадают с дефиницией Вебера, подтверждаются эмпирически и выражаются в максимах поведения. Например, преобладание солидарности и антагонизма объясняется следующим образом: «Чем больше разрыв между официальными правами группы и неофициальными правами ее членов, нормами-правами и желаниями и стремлениями членов группы, тем больше антагонизм внутри организованных групп. Чем меньше такой разрыв, тем больше солидарность группы. Отсюда вытекает: чем больше антагонизм внутри организованных групп, тем больше объект и строгость санкций (насилие, наказание), которые применяются для защиты официальных прав и порядка»⁴. Кроме того, «чем больше количественное и качественное значение цен — по причине и во имя которых люди взаимодействуют, тем больше проявляются солидарность или антагонизм»⁵. Наиболее резкие антагонизмы возникают тогда, когда нет общей системы ценностей и норм, а индивидуальные ценности и нормы противостоят друг другу как в позитивном, так и в негативном смысле. Важнейшим условием устойчивости группы является сохранение идентичности центральной системы смыслов-норм-ценностей.

Наконец, Сорокин дал новую классификацию групп. Главными критериями интенсивности группы являются: причинно-функциональная

взаимозависимость между членами и другими элементами группы; характер знакового (смыслового) элемента. Последний критерий позволяет описать существенные различия групп с одной и множеством связей, а также групп с одной и множеством систем смыслов-норм-ценностей. Известно, что семья есть элементарная ячейка общества. Но с учетом данного критерия она оказывается наиболее сложной социальной единицей, поскольку обладает структурой со множеством связей: пола, возраста, родства, места жительства, хозяйства, образования и отдыха.

Вклад Хоманса в анализ групп. Книга Хоманса «Человеческая группа» (1950 г.) — классический пример аналитического подхода. Вслед за Парсонсом Хоманс считает группу социальной системой — взаимосвязью действий объединенных индивидов, а не множеством людей. Однако теоретические цели Парсонса и Хоманса различны. Хоманс не интересовался идеально-типическими конструктами социальных систем, а занимался эмпирическим наблюдением поведения конкретных групп. Его цель — анализ данного поведения в категориях элементов и отношений между ними, а также определение способов сохранения и развития группы. Для выполнения этой задачи требуется: определить элементы группового поведения; провести серию исследований конкретных социальных групп в категориях элементов.

Согласно Хомансу, к основным элементам всех социальных систем принадлежат: действия, взаимодействия, чувства, нормы и позиция. Первые три элемента существуют с момента появления группы. Два последних появляются позже, но тоже обладают большим значением для устойчивости группы. Все элементы являются первичными и исходными. Первичность определяется тем, что термины, обозначающие указанные элементы социальных систем, широко используются в повседневной жизни и потому обладают множеством оттенков смыслов. А исходными и древними данные элементы являются потому, что они уже давно зафиксированы исследователями общества. Кроме того, каждый индивид, рефлектирующий о собственном опыте групповой жизни, тоже признает существование данных элементов. Однако для их использования в качестве средств социологического анализа не требуется никакое специальное обоснование. Ведь проблема состоит не в обсуждении обыденного содержания фактов, а в том, как социолог обращается с фактами. Фиксация основных элементов группового поведения как

аналитических понятий при исследовании социальных групп — важное достижение Хоманса. Для этого он придал строгий и единообразный смысл каждому элементу и квалифицировал все элементы в совокупности как переменные, которые проявляются в виде различных величин. Например, действие как расход энергии можно измерять в категориях производительности, эффективности и степени подобия одного действия другому. Взаимодействие как факт не зависит от его содержания. Оно просто фиксирует вступление индивидов в вербальную и невербальную связь. Поэтому взаимодействие можно измерять в категориях частоты и продолжительности. Чувства измеряются в категориях силы и интенсивности убеждений, которые в них выражаются. Нетрудно понять, что Хоманс заимствовал у Зиммеля трактовку форм социации при рассмотрении действий, взаимодействий и чувств. Речь идет об общих свойствах социального поведения. При этом не учитывается специфическое содержание, которое за ними скрывается.

После строгого описания элементов Хоманс приступил к анализу отношений взаимозависимости между ними. Для определения отношений Хоманс проанализировал результаты исследований пяти социальных групп, описывая эти группы в ранее указанных категориях. Анализом были охвачены: рабочие фабрики электроприборов, занятые изготовлением телефонного оборудования для банков; группа молодых гангстеров в Бостоне; семья из бесписьменного племени на острове Тикопия; община маленького американского городка Хиллтаун; рабочие фабрики электрооборудования. В этих группах были представлены совершенно противоположные интересы, формы организации и членства, а само существование групп зависело от разных условий. Но если рассматривать их как социальную систему, то любая группа состоит из одной и той же совокупности элементов и связей между ними. Конкретные социологические данные по каждой из пяти групп описывают неповторимые случаи коллективной жизни. Но анализ тех же данных в контексте социальной системы ведет к генерализациям, которые имплицитно содержатся в них. Причем, эмпирические наблюдения отдельных случаев подтверждают генерализации.

Во всех группах изучались следующие виды отношений: между взаимодействием и чувствами; между действием и взаимодействием; между статусом и нормами; между статусом и взаимодействием;

между действием и чувствами; между нормами и взаимодействиями и действиями. Применение аналитического подхода позволило Хомансу сформулировать ряд генерализаций, которые он назвал «аналитическими гипотезами». Перечислим их в той же последовательности, в которой указаны виды отношений: взаимная симпатия и антипатия людей зависит от частоты взаимодействий; частота взаимодействий влияет на идентичность индивидуальных действий; чем выше статус индивида в группе, тем больше его действия соответствуют групповым нормам; чем выше социальный статус индивида, тем больше число взаимодействующих (прямо или опосредованно) с ним людей; эмоциональные связи людей есть функция их совместных действий и способа организации данных действий; падение частоты взаимодействия и числа совместных действий влечет за собой падение степени общности и менее строгую формулировку групповых норм⁶.

Приведенный список выводов книги Хоманса «Человеческая группа» может служить основанием оценки его аналитических гипотез, Они напоминают, но не являются гипотетическими законами, поскольку отношение элементов строго не определяется. Например, неясно, какова корреляция частоты взаимодействия с силой чувств, показателя роста статуса со степенью соответствия групповым нормам и т. д. С одной стороны, эти положения напоминают социологические законы в смысле Вебера. С другой стороны, они базируются на незначительном опыте и потому не удовлетворяют требованию Вебера: социологические законы должны опираться на исчерпывающие сравнительные исследования и подтверждаться адекватными статистическими данными. В то же время приведенные положения удовлетворяют требованию понимающего описания. Хоманс пренебрег анализом максим поведения, которые вытекают из его аналитических гипотез. Правда, в последующих работах он сформулировал положения, которые обладают свойствами максим поведения. Например: «Чем более высоко оценивает данный индивид единицу действия, предоставляемую ему другим индивидом, тем чаще он совершает действия (включая чувства), находящие отклик у другого индивида»⁷. Если это положение применить к двум первым аналитическим гипотезам Хоманса, станет ясно: хотя они не выводимы из максим поведения, аналитические гипотезы все же имплицитно содержат данные максимы; с помощью максим поведения можно понять эмпирическое поведение индивидов.

Выводы Хоманса обладают важным значением для понимания неформального контроля в группах. В каждом обществе внешний (формальный) контроль осуществляется юридическим и полицейским аппаратом. Неформальный контроль осуществляется опосредованно и не нуждается в особом аппарате, действующем на основании законов и силы. Групповой контроль переплетен с повседневными отношениями членов группы. Кары и награды распределяются по принципу взаимности. Взаимность означает доминирование личных чувств в отношениях между людьми. Чувства симпатии и антипатии в группе рассматриваются как награда и кара. Хоманс доказал, что элементы группового поведения и связи между ними объясняют функционирование неформального группового контроля. Важно подчеркнуть, что социальный контроль в группах не является особым действием, а содержится имплицитно во взаимосвязях элементов поведения. Проблема в том, что распад социальных групп влечет за собой падение неформального контроля. Следовательно, социальная интеграция и дезинтеграция могут изучаться с помощью одних и тех же аналитических средств. Иначе говоря, дезинтеграция есть разрыв связей между взаимозависимыми элементами социальной системы. Однако Хоманс не изучал причины такого разрыва. Одну из них указал А. Роуз: «Социальная дезинтеграция проявляется в форме одной или множества социальных проблем. Она наступает тогда, когда распадается большая часть интернализированных смыслов и ценностей. И они не могут руководить поведением большинства индивидов, остающихся во взаимных физических контактах»⁸.

Вклад Мертона в анализ групп. Труд Мертона «Социальная теория и социальная структура» (1957 г.) — образец блестящего теоретического анализа социологических проблем, особенно референтных групп. Эта работа может считаться образцом с нескольких точек зрения: аналитической, поскольку в ней развиваются идеи Зиммеля, Кули и Самнера; теоретической, так как она базируется на множестве эмпирических исследований; логической, ибо в ней сформулированы новые теоретические проблемы и аналитические гипотезы.

С. Стауффер ввел новое теоретическое понятие *относительной депривации*. Оно означает чувство недовольства индивида от сравнения собственного положения с положением других индивидов

и групп. Впервые это понятие было использовано при исследовании поведения американских солдат во время Второй мировой войны, а затем развито Мертоном и Китт и включено в теорию референтных групп⁹. Существенные положения этой теории базируются на статистических данных о чувствах и переживаниях солдат на службе, включая их отношение к призыву в армию, служебному продвижению, участию в военных действиях и т. д. Реакция на эти явления различна и меняется в зависимости от статуса респондента на военной службе и в гражданской жизни. Например, было доказано, что чем более образован солдат, тем пессимистичнее он относится к шансам своего служебного продвижения; а чем больше возможностей продвижения дает конкретная военная часть, тем отрицательнее солдаты оценивают эти возможности. Понятие относительной депривации сконструировано для объяснения указанного явления. Прежде всего оно учитывает мотивировку поведения. Например, каждому ясно, почему по сравнению с неженатыми парнями женатые мужчины не хотят служить в армии. При объяснении этого явления с помощью понятия относительной депривации образцовой может считаться формулировка Мертона и А. Китт:

«Женатый мужчина (независимая переменная) чаще отрицательно относится к призыву на службу (зависимая переменная), поскольку оценивает собственное положение в системе референций (интерпретационная переменная). Эта система образуется путем сравнения с другими женатыми мужчинами, остающимися «на гражданке» и сумевшими увильнуть от призыва в армию, или же на основе сравнения собственного положения с положением холостых парней на военной службе. Их потери не идут ни в какое сравнение с потерями женатых мужчин»¹⁰.

Итак, понятие относительной депривации связано с субъективным определением положения респондента по сравнению с положением других людей. Это понятие служит опосредующей переменной между статусом (социальным положением) и реакцией индивида на этот статус.

Мертон и Китт установили всеобщий характер относительной депривации. Это положение стало исходным пунктом анализа поведения индивида в отношении референтных групп. Объем понятия референтной группы шире объема понятия

относительной депривации. Второе есть частный случай первого по двум причинам:

1. Понятие референтной группы связано с самоотнесением и самооценкой данного индивида по отношению к людям и группам, с которыми он находится в непосредственном и опосредованном контакте и которые определяют его реакции на собственное положение.

2. Понятие референтной группы не ограничивается чувством депривации, а содержит положительные и производные состояния (например, стремление стать членом группы, ценности которой индивид оценивает высоко).

Ориентация индивидов на группы, членами которых они не являются, придает новый смысл положению: поведение индивидов частично детерминировано группой. Это положение есть основа социологического подхода. При этом знание о влиянии группы на поведение членов дополняется знанием о влиянии группы на посторонних индивидов. Мертон подчеркивает, что при изучении референтных групп главный теоретический интерес представляет проблема непринадлежности к данным группам. В то же время теория референтных групп должна объяснять феномен ориентации на членство в них.

Хотя такой теории еще нет, Мертон подготовил почву для ее развития. В частности, понятие «нечленства» не является однородной категорией. С точки зрения структуры оно различно и зависит от следующих факторов: наличие или отсутствие строгих критериев отбора в группу; отношение к членству. «Существуют также важные различия в отношении к референтным группам у тех индивидов, классовое положение которых обнаруживает подвижность по вертикали или остается неизменным»¹¹. Ориентация индивидов в отношении референтных групп может быть позитивной и негативной. Поэтому они не должны считаться группами «чужаков» в смысле Самнера, когда вражда и агрессия по отношению к ним являются естественными реакциями. Референтная группа — это потенциальная группа «своих», членство в которой есть предмет стремлений. Но и «свои» нередко бывают отрицательной референтной группой. Так, молодежь обычно отбрасывает нормы группы, к которой она принадлежит по факту рождения, и становится сторонником совершенно иных норм. Существуют также условия выбора референтных групп. Одно из них Мертон называет «приписыванием статуса»: под влия-

нием доминирующих образцов референтным группам приписывается социальный статус, престиж и авторитет. Другая гипотеза Мертона формулируется так: социальная система с высоким показателем динамики способствует культивированию ориентации индивидов на группы, членами которых они не являются.

Следующая проблема изучения референтных групп — дифференциация типов групп и установление специфики влияния любой группы на членов и аутсайдеров. Мертон убежден, что типология групп должна соответствовать логическому правилу выведения характерных групповых свойств из их комплекса. Для этого он составил список групповых свойств. Каждое из них связано с эмпирическими правилами поведения и потому обладает теоретическим смыслом. На основе множества случайных и систематических исследований конкретных групп Мертон предлагает реестр из 26 свойств. По тщательному обобщению всего доступного знания основных атрибутов групп с ним не может сравниться ни одна компиляция. Согласно постулату 1, групповые свойства являются социологическими детерминантами. Поэтому список Мертона имеет теоретическое значение и приводится здесь в сокращенном виде:

1. Строгость или нестрогость социальных определений групповой принадлежности.
2. Степень ангажированности членов.
3. Действительный период принадлежности.
4. Ожидаемый период принадлежности.
5. Действительный период существования.
6. Ожидаемый период существования.
7. Абсолютная величина группы или ее элементов.
8. Относительная величина группы или ее элементов.
9. Открытость или закрытость группы.
10. «Укомплектованность» — отношение действительных членов к потенциальным.
11. Степень социальной дифференциации.
12. Форма и диапазон стратификации.
13. Типы и степени социальной интеграции.
14. Потенциал деления или подгруппы.
15. Размеры социального взаимодействия внутри группы.
16. Характер социальных отношений, господствующих в группе.

17. Степень ожидаемого соответствия групповым нормам: терпимость и институционализация поведения, отклоняющегося от строгого соблюдения групповых норм.

18. Система нормативного контроля.

19. Степень внутригрупповой явности и прозрачности.

20. Экологическая структура группы.

21. Автономия или зависимость.

22. Степень стабильности группы.

23. Степень стабильности структурного контекста группы.

24. Способы сохранения групповой стабильности и структурного контекста.

25. Относительное положение.

26. Относительная власть.

Если учесть современное состояние развития социологической теории, приведенный список групповых свойств является предварительным. Но и в таком виде он образует важный шаг вперед. Как отмечает Мертон, «данный описок — исходный пункт для экспериментирования с другими классификациями, а не согласия с классификациями на основании самого факта их существования, к тому же созданными для скоропреходящих целей»¹². Кроме того, приведенный реестр может служить как система показателей при изучении отдельных групп.

Обзор списка Мертона показывает, что некоторые свойства группы являются переменными: степень социальной интеграции, размеры социального взаимодействия внутри группы и степень стабильности. Для этих свойств уже созданы показатели, которые дают возможность единообразного измерения изменчивости групп. Другие групповые свойства обладают характером образцов: система нормативного контроля, экологическая структура и способы сохранения групповой стабильности. Данные свойства предполагают конструирование идеальных типов, на основе которых можно осуществить сравнительное исследование и оценку разных форм одного и того же образца. Не исключено, что в будущем функция любого свойства группы будет детально изучена. Ведь она существенно влияет на различия реакций и ориентации взаимодействующих индивидов. Взаимоотношение групповых свойств может быть полностью описано в форме утверждений, обладающих характеристиками законов. Тем самым все существенное знание о группах будет кодифицировано в монографических

разработках. В труде Нортонa содержатся два примера анализа, который нуждается в дальнейшей разработке. Первым из них является анализ степени явности внутри группы. Мертон детально описывает это свойство, поскольку оно важно при анализе референтных групп. В этом контексте явность означает доступность информации о групповых ценностях и нормах. Изменения в доступности и объеме информации зависят от структуры группы: «Эффективное управление различными социальными структурами связано с различной степенью явности, а различие социальных структур выражается в культивировании механизмов секретности»¹³. Мертон анализирует социальные и структурные механизмы и групповые процессы, обеспечивающие засекречивание информации. «Пока не существует полного знания способов, с помощью которых эти механизмы регулируют поток информации о нормах и действиях членов группы и аутсайдеров. Мертон ограничивается описанием функциональных механизмов явности, связанных с социальным контролем: «Существует два таких механизма: расположение власти на стратегических позициях системы коммуникаций; структурно обусловленные мотивации, способствующие тому, что власть считает себя ответственной за успехи и неудачи организации при информации о групповых нормах и действиях. С учетом этого мы изучили структурные и процессуальные ограничения явности, которые обычно устанавливает власть. Для преодоления таких барьеров требуются другие структурные механизмы. В том числе надо изменить тип требований к личности для того, чтобы власть могла приобретать пользу от структурно оформленных механизмов явности»¹⁴.

Второй пример связан с анализом степени ожидаемого соответствия с групповыми нормами. Мертон обратил внимание на особый тип неконформизма в отношении групповых норм. Этот тип возникает в результате положительной ориентации на ценности референтной группы, членом которой не является индивид. Другой тип неконформизма Мертон установил при исследовании аномии. Этот тип связан с решительным отбрасыванием всех культурных и групповых целей и институтов. С понятийной точки зрения первый тип неконформизма отличается от других форм отклоняющегося поведения, прежде всего от преступности. Мертон описал эти различия. Неконформист сомневается в групповых нормах и апеллирует к высшей морали для оправдания собственного

отклонения от них. Преступник обычно ссылается на смягчающие обстоятельства при оправдании собственных преступлений. Это различие позволяет обосновать строгое разделение неконформистского и отклоняющегося поведения при социологическом анализе: «Неконформист в историческом смысле слова — это особый тип социального девианта в контексте социальной структуры, культуры и личности. В социальном контексте этот тип неконформизма связан с публичным отбрасыванием установленных ценностей и видов социальной практики. За этот акт неконформист расплачивается практически неизбежным осуждением со стороны других людей. Однако с функциональной точки зрения такой неконформизм необходим для внедрения социальных и культурных инноваций. При определенных условиях публичный неконформизм выполняет явные и латентные функции изменения норм поведения и ценностей, которые стали дисфункциональными для группы»¹⁵.

Вклад Мертона в исследование поведения референтных групп и в структурно-функциональный анализ в целом обладает двумя особенностями: формулировка собственных выводов и рефлексии в контексте прежней и современной социологической мысли, что позволяет понять ее преемственность; постоянное использование результатов эмпирических исследований для иллюстрации и подтверждения собственных выводов. Эти особенности Мертоновского анализа могут быть рекомендованы всем, кто пытается создавать и развивать социологическую теорию. Мертон показывает непрерывность социологической мысли. Однако это свойство Мертона Сорокин совершенно несправедливо квалифицирует как отсутствие оригинальности, и упрекает Мертона за то, что тот занимается проблемой социальных групп со столетней бородой. Правда, Сорокин признает поучительное и воспитательное значение анализа референтных групп. Но в целом он оценивает работы Мертона, как «поверхностный обзор значительно более адекватных действительности социальных теорий, которые разрабатываются социологами прошлого и нынешнего поколений. Большинство работ Мертона — только вариации на темы прежних мастеров социологического анализа»¹⁶. Сорокин не заметил, что мнимый недостаток есть реальное достоинство Мертона. Оно повышает ценность социологического анализа, нисколько не подрывая его оригинальности.

Теория социальных отношений

В социологии понятие *социальное отношение* применяется в широком и узком смысле: фиксирует общий факт связи лиц, вступающих во взаимодействие, которое понимается как непрерывный процесс притяжения и отталкивания; означает межличностные отношения, которые связаны с взаимодополняемостью ролей.

Концепция социальных отношений в широком смысле слова наиболее полно воплощена в трудах Леопольда фон Визе.

Вклад Визе в анализ социальных отношений. Визе рассматривал свою деятельность, как продолжение стремления Зиммеля придать социологии статус науки. Он исходил из главной идеи Зиммеля: формы социации — базис социологического анализа. Однако Визе критически относился к методам исследования Зиммеля, поскольку они не привели к разработке систематической и единой концепции многообразных форм социации. Поэтому Визе поставил перед собой задачу создать основы для классификации и единый метод анализа форм социации.

Согласно Визе, социальная жизнь есть непрерывный поток человеческих действий. Они имеют место в крайне сложной для постижения сети линий, определяющих связи людей. Социальные отношения — это ряды соединений, а вся их сеть есть система отношений. Социальные отношения состоят из социальных процессов. Социальный процесс — основное событие в сфере человеческих отношений. Оно образует предмет анализа всех социальных наук. Социальный процесс как аналитическое понятие — это эквивалент «социального действия» Вебера и «форм социации» Зиммеля.

Взаимное притяжение и отталкивание индивидов — наиболее общая форма социальных явлений: «Не существует такого отношения людей, которое было бы свободно от определенной дистанции между ними.

Любое взаимодействие связано с изменением этой дистанции»¹⁷. Социальные процессы есть множество актов создания и разрыва связей. Поэтому данные акты можно определить как явления взаимного притяжения и отталкивания индивидов.

Таким образом, с аналитической точки зрения социальные процессы выражают дистанцию. Это понятие есть организующий принцип систематизации социальных отношений. Она осуществляется путем классификации социальных отношений и процессов в

соответствии с направлением и расстоянием дистанции между ними. Направление и степень дистанции отдельных социальных процессов (или социальных действий) определяют свойства отношений. Ассоциация и диссоциация — общая характеристика отношений, которая проявляется в специфических свойствах. Ассоциация разделяется на атрибуты сближения, приспособления, уравнивания и единообразия. Диссоциация распадается на атрибуты конкуренции, оппозиции и конфликта. Социальные отношения протекают в рамках социальной организации. Они обладают атрибутами, определяющими направление и степень дистанции социальных процессов, с которыми связаны отношения. Интеграция и дифференциация — общая характеристика социальных процессов. Интеграция включает свойства стандартизации, аффилиации и социализации. Дифференциация распадается на господство-подчинение, расслоение, отбор и индивидуализацию.

Для определения направления и степени дистанции требуется детальный анализ всех социальных процессов. Он должен осуществляться по образцу, разработанному Визе. Образец определяет факторы, детерминирующие социальные процессы в условиях данного места и времени. При этом надо учитывать индивидуальные и групповые свойства действующих индивидов, материальные обстоятельства, доминирующие позиции и склонности людей, включенных в конкретный социальный процесс¹⁸.

Согласно Визе, анализ ритма и смысла социальных процессов — главный предмет социологической теории. Правда, можно изучать и другие аспекты социальных отношений. Например, цели, которые в них воплощены. Но такие исследования нарушают единство и последовательность общей социологии или социологической теории. Я думаю, совсем необязательно соглашаться с Визе в его определении границ социологической теории. Вполне ясно, что вклад Визе в ее развитие состоит в логическом продолжении идей Зиммеля.

Социальные отношения и социальные роли. В узком смысле слова социальные отношения — это соответствующие образцам постоянные взаимодействия двух индивидов или групп. Появление социального отношения зависит от осознания факта взаимного существования, обоюдной оценки, реакций и взаимности сторон. Эти свойства — неотъемлемые условия возникновения образца поведения, определяющего способ бытия социального отношения.

Некоторые отношения базируются на взаимном соглашении сторон относительно принципов поведения и их соблюдения. Однако в большинстве социальных отношений образцы поведения детерминируются нормами, в отношении которых существует общее согласие группы, и обеспечиваются социальными институтами.

Дьюи и Бентли описали специфику взаимодействия в социальных процессах и предложили назвать его «транзакцией». Это понятие фиксирует прежде всего отличие от общего смысла взаимодействия, которое сводится к взаимодействию предметов, но не меняется и не зависит от контакта индивидов (например, при столкновении двух бильярдных шаров). При транзакции столкновение предметов в специфических ситуациях есть следствие их отношений. Например, в бейсболе нет атаки без защитника и наоборот. Эта транзакция типична, поскольку в ней никто не может «существовать» и «появляться» без другой стороны. Кроме того, функции удара по мячу и броска мяча не являются врожденными свойствами индивидов, а свойствами социального отношения, при котором взаимодействуют индивиды.

Поэтому социальные отношения-транзакции обуславливают усложнение ролей, а не индивидов. Особенно, если отношения регулируются нормами и институтами. Индивиды принимают участие в них не в качестве особых лиц, а в качестве исполнителей и соискателей ролей. Перефразируя известный афоризм А. Кожибского «Карта — не территория», можно сказать: «Роль — не личность»: Она детерминирована ситуационным контекстом и существует лишь на основании транзакции. Поэтому роль — социологическое, а не психологическое понятие.

Социология заимствовала термин «роль» из языка театра. Как показал Знанецкий, такое заимствование справедливо лишь частично, поскольку оно ведет к поверхностным аналогиям и выводам¹⁹. Только всеобъемлющий анализ различных способов структурирования ролей в социальных отношениях может объяснить существенные социологические аспекты роли. С некоторых пор главным предметом интереса социологов-теоретиков стали сложные проблемы анализа роли. Их труды тоже служат примером преемственности социологической теории.

Зиммель впервые использовал термин «социальная роль», как аналитическое понятие. Примером может служить его исследование «чужаков» и «бедняков» как социологических типов. На основе

сравнительного анализа законодательств о бедных в Англии, Франции и Германии Зиммель пришел к выводу: «Бедняк как социологическая категория не определяется размерами нужды, а фактом получения помощи в соответствии с установленными нормами. Бедность — это не состояние, которое можно определить количественно. Она определяется только реакцией общества. Функция бедняка как члена общества не есть следствие факта его бедности. Бедняк играет особую социальную роль лишь в той степени, в которой общество-община и отдельные индивиды реагируют на его бедность уделением помощи»²⁰.

Д. Г. Мид — пионер в области анализа роли. Он открыл, что в процессе трансакции коммуникация сторон выполняет свое назначение лишь тогда, когда каждая сторона ставит себя на место другой: «Благодаря взятию на себя роли другого личность может быть идентичной самой себе и управлять собственным процессом коммуникации с другими людьми»²¹. Мид полагает, что способность к выполнению роли другого человека, с которым взаимодействует индивид, есть «один из аспектов проявления интеллигентности (интеллигентного поведения) и выражает суть характера индивида. Интеллигентное отношение к своему собственному содержанию есть социальный феномен»²². Примерно в то же время Я. Морено отметил роль импровизации, облегчающей исполнение роли. Импровизация — это подготовка к адекватному исполнению социальной роли. Кроме того, проигрывание социальных ролей обладает социализирующим и аккультурирующим смыслом и выполняет терапевтическую функцию.

Значительный шаг вперед был сделан после того, как Р. Линтон зафиксировал связь социальной роли с социальным статусом. Статус определяет положение, права и обязанности индивида в группе, а также его положение в социальной иерархии. Статус — это аспект социальной структуры, а роли — динамичный аспект статуса. Линтон пишет: «Исполнение роли есть достижение равновесия между индивидуальным поведением и социальной структурой»²³. После этого были проведены широкие исследования поведения индивидов в различных социальных структурах — системе просвещения, семье и корпорациях. При этом роль использовалась как аналитическое понятие. Эти исследования привели к ряду выводов относительно общих аспектов исполнения роли. Выводы обладают теоретическим значением. Некоторые из них я проиллюстрирую.

Исполнение социальной роли не всегда соответствует нормам ожидаемого поведения. В. Гуд ввел понятие *ролевого напряжения* для описания проблем, с которыми сталкиваются люди при исполнении ролей. Он построил также типологию источников ролевой напряженности. Одним из них является конфликт ролей в тех случаях, когда их исполнение связано с противоположными нормами: «Ролевое напряжение соответствует норме, если общие обязанности индивида, налагаемые на него ролью, превышают его возможности»²⁴. Но Гуд описал также наличие социальных механизмов, смягчающих ролевую напряженность для того, чтобы исполнение роли не привело к гибели индивида. Один из них — переговоры в процессе исполнения роли. Они помогают индивиду регулировать исполнение роли и адаптироваться к ожиданиям других людей. Система ожиданий формируется в соответствии с требованиями индивида в отношении ролей других индивидов, которые они исполняют.

Мертон ввел понятие *ролевого комплекса* при анализе общей проблемы социальных механизмов регуляции ролей. Это понятие опирается на вывод Линтона: различие статусов индивидов определяет различие ролей. Мертон дополняет этот вывод положением: статусные роли индивида связаны с множеством ролей других индивидов. Примером может быть студент медицинского факультета, который исполняет роли педагога, коллег по студенческой группе, санитаря, врача, вспомогательного персонала и т. д. Ролевой комплекс — это множество ролей, связанных с одним статусом. Причем статус может быть переплетен с другими статусами и выражаться в статусном комплексе. Бывает и так, что одна роль связана со множеством статусов, роль и статус отождествляются и т. д.

Мертон изучал также социальные механизмы взаимной адаптации ролевых комплексов. С учетом сбоев в ролевых комплексах без такой адаптации обойтись невозможно. Сбои обычно происходят потому, что у индивида с определенным социальным статусом всегда есть соперники по исполнению роли, хотя они обладают другим групповым и социальным статусом. В состав таких механизмов входят: понижение степени ангажированности в исполнении роли индивидов — носителей ролевых комплексов; выработка относительной изоляции индивидов, обладающих определенным статусом, которая скрывает его поведение от носителей идентичных ролевых комплексов; функция «третьего лишнего» -

когда носители ролевых комплексов имеют возможность наблюдать взаимоисключающие требования ролей в отношении лиц, обладающих определенным статусом. Этот механизм позволяет носителю статуса «идти своей дорогой, в то время как участники его ролевого комплекса погрязают в конфликтах ролей»²⁵.

Парсонс квалифицировал как социальную девиацию опасность конфликта ролей, которая вытекает из напряжений и сбоев ролевых комплексов. В книге «Социальная система» он сформулировал гипотезу: «Опасность столкновения с взаимоисключающими ожиданиями есть общая ситуация. Она лежит в основании развития амбивалентных структур мотивации и выражается в нервных заболеваниях, отклоняющемся поведении и других аналогичных нарушениях»²⁶.

В последние годы разработана понятийная схема анализа ролей. В систематическом виде она описана в книге Б. Биддла и Э. Томаса «Теория ролей». В ней обобщены и определены основные понятия, которые используются для классификаций ролей, а также свойства и переменные данного феномена²⁷.

ГЛАВА 9

Некоторые проблемы социологической теории

В седьмой и восьмой главах дан компендиум вкладов отдельных авторов в социологическую теорию. Показана также преемственность теоретических поисков в социологии. При изложении этих вопросов я опирался на аналогичные работы, посвященные исследованию сложных организационных структур, бюрократии, стратификации, конфликта и его разрешения¹. В этих областях социологический анализ соответствует принципам Дюркгейма, Вебера и Зиммеля. Иначе говоря, преемственность теоретического поиска в социологии — установленный факт. Каково его значение для достижения целей социологической теории?

Состояние социологической теории

В первой главе показано, что социологическая теория есть часть социологического знания. Она состоит из аналитических понятий, законов и теорий, которые применяются во всех сферах социологических исследований. Значит, состояние социологической теории обусловлено следующими факторами: наличием понятий, сформулированных учеными для социологического анализа; открытием закономерностей отношений элементов в социальных ситуациях; созданием теорий, на основе которых можно дедуцировать эмпирически наблюдаемые закономерности социальных действий.

Аналитические понятия. Прогресс социологической теории объясняется прежде всего открытием социологических факторов, детерминирующих человеческие отношения. Это — положительное достижение на пути создания социологической теории. С логической точки зрения социологические факторы занимают первое место в развитии социологической теории, поскольку они используются в качестве социологических понятий. Законы и теории невозможны без аналитических понятий. Понятия — основной

элемент формулировки законов и теорий. Однако этот факт не отрицает зависимость оперативного подтверждения понятий законами и теориями, для формулировки которых служат аналитические понятия.

Аналитические понятия — продукты исследований, главным предметом которых является изучение взаимоотношения элементов в конкретных социальных ситуациях. Например, понятия «групповой интеграции», «относительной депривации», «чувства», «легальности» и «харизмы», «переменных стандартов ценностных конфигураций», «маргинальности», «социальных ценностей» и «социальных установок» вытекают соответственно: из работы Дюркгейма о самоубийстве; из исследований Стауффера поведения американских солдат; из исследований Хоманса социальных групп; из исследований Вебера типов господства; из сравнительных исследований социальных систем Парсонса; из изучения расовых отношений Р. Парком; из исследований поведения польских иммигрантов Томасом и Знанецким.

Процесс развития эффективных техник применения шел параллельно процессу создания новых аналитических понятий. Однако эта задача связана с рядом трудностей. Аналитические понятия — продукты человеческого разума и потому их конотации недоступны непосредственному наблюдению. Значит, аналитические понятия невозможно измерить даже в том случае, если они выражают сущности, бытие которых можно вывести логически. Кроме того, аналитические понятия конструируются и складываются из разных элементов. Этим объясняется крайняя сложность и неувловимость аналитических понятий, что, в свою очередь, ставит перед социологией ряд методологических проблем. Укажу лишь некоторые из них: проблема выбора эмпирически наблюдаемых и количественно измеримых состояний как критериев (показателей), относительно которых можно полагать, что они связаны с особыми понятиями; проблема исследовательских процедур, обеспечивающих возможность получения надежных показателей; проблема установления индексов на основе избранных показателей.

П. Лазарсфельд с сотрудниками значительно продвинул решение методологических проблем. Он занялся изучением аналитических понятий, отражающих социальные свойства. Эта проблема непосредственно связана с его анализом скрытых атрибутов и шкалирования. Главный предмет социологического анализа Лазарсфельда — изучение

системы понятий, выражающих измеримость. Он выделил три типа свойств для описания социальных общностей — *аналитические, структурные и глобальные*. Первый тип связан с результатами деятельности групп и выражается статистически в виде средних чисел, отношений, корреляций и т. д. Эти свойства определяются путем математических исчислений каждого свойства как отдельной единицы. Второй тип предполагает «осуществление математических операций с данными, описывающими отношение каждого члена группы к другому и ко всем остальным (например, дробление подгрупп в рамках общества)»². Третий тип обладает эмерджентными и холистическими свойствами и не требует информации о свойствах отдельных членов общества. Речь идет о таких свойствах, как социальная интеграция.

Лазарсфельд считает эти свойства сложными социальными предметами, которые отражаются в индуктивных понятиях. Аналитические понятия он называет «инференционными», отождествляя их с «сопутствующими переменными». Последний термин был введен психологом Э. Тулменом для описания специфической взаимосвязи стимула и реакции. Аналитические понятия сходны с «диспозиционными понятиями» Р. Карнапа: «Данные понятия являются конденсированным выражением закономерностей события и поведения в определенных условиях, а не описанием непосредственно наблюдаемых свойств»³. Термины «генотип», «инстинкты», «потребности», «влечения», «склонности», «статус», «напряжение» — примеры таких понятий в биологии и социальных науках. Они могут быть сопоставлены с физическими понятиями «массы», «привода», «силы» и химическими понятиями «валентности» и «растворимости».

«Инференционные понятия», «сопутствующие переменные» и «диспозиционные понятия» обладают общим свойством: каждому из них соответствует ряд показателей, с помощью которых их можно подвергать анализу и манипуляции. Лазарсфельд предлагает концепцию четырех стадий сведения инференционных понятий к чувственно воспринимаемой форме и описания в виде эмпирических показателей:

1. Стадия «образа» базируется на представлении объекта, отражаемого понятием. Образ вытекает из знания конкретного материала и восприятия общих свойств разнородных фактов. На этой стадии наблюдаемая ситуация приобретает смысл благодаря самому понятию.

2. Стадия «спецификации понятия» пользуется образом оригинала и разделяет его на составные части, которые представляют различные аспекты, элементы и измерения: «данные элементы могут быть логически дедуцированы из общего понятия и одного из аспектов и подтверждать эмпирически наблюдаемое отношение между ними»⁴. Спецификация понятий крайне необходима в социологии для сведения сложных понятий к математическим операциям и измерениям.

3. Стадия «выбора показателей» обладает ключевым значением для аналитических понятий. Дело в том, что каждый отдельный показатель лишь гипотетически связан с основным понятием. Поэтому надо учитывать возможность появления большого числа гипотетических индексов. При такой ситуации специфика связи показателей с аналитическим понятием выражается в создании комплекса инструкций для исследователя. А показатели должны удовлетворять двум требованиям: установление их наличия или отсутствия, порядка и очередности должно быть значительно проще по сравнению с процедурой идентификации и упорядочивания первичного понятия; «показатели должны соответствовать множеству свойств, которые имеются в виду при использовании первичного понятия»⁵.

4. Стадия «конструирования индексов» связана с выбором небольшого числа показателей. Процесс конструирования индексов весьма сложен. Он описан в книге «Язык социального исследования» (1955 г.), изданной под редакцией Лазарсфельда и М. Розенберга⁶. Кроме того, собственные исследования Лазарсфельда различных отраслей социологии привели его к открытию феномена «обмена индексов»: «Два индекса, сконструированные на основе разных показателей, взятых из одного множества, приводят к сходным эмпирическим результатам при сопоставлений их с третьей переменной, взятой из другого множества»⁷. Это открытие обладает большим значением для социологической теории. Оно обеспечивает независимость измерения изменчивых социологических факторов и их корреляций с другими факторами от первичного отбора показателей, категорически устанавливающих основные аспекты данных факторов. Иначе говоря, совсем не обязательно задаваться вопросом: что такое групповая интеграция *на самом деле?* — для того, чтобы убедиться в ее существовании и степени проявления. С учетом «обмена индексов» социологи освобождаются от обязанности изучать аналитические понятия,

которыми они пользуются, на основе феноменологического, формального и любого иного метода, связанного с изучением сознания⁸.

Итак, в сфере открытия социологических детерминант и технике оперирования ними достигнут значительный прогресс. Он позволяет накапливать все большее количество фактов и генерализаций относительно поведения людей в их взаимных отношениях.

Социологические законы. Повседневный опыт и результаты социологических исследований доказывают, что социальная жизнь состоит из множества закономерностей. Они формально подтверждаются социологическими законами. В этой книге я уже упоминал о социологических законах и генерализациях, обладающих характером законов. К ним относятся законы, сформулированные Дюркгеймом, Зиммелем, Сорокиным и Хомансом. В настоящее время уже никто не сомневается в возможности и наличии социологических законов. Однако вопрос об их специфике остается по-прежнему дискуссионным.

Прежде чем перейти к анализу указанной специфики, следует подчеркнуть: предметом социологических законов не являются все наблюдаемые закономерности социальных действий. Обычно эти закономерности определяются их соответствием особым запретам, практикам, соглашениям и другим системам регуляции. Они были специально установлены и внедрены в жизнь для регулирования социального поведения индивидов. Единообразное поведение людей вытекает из соответствия установленным и господствующим нормам. Но оно не является предметом социологических законов, хотя социология может изучать всеобщие процессы приспособления к нормам и случаи неконформизма. Причина нетождественности социологических законов и закономерностей вытекает из того, что законы фиксируют закономерности естественного течения событий. А последние всегда являются ненамеренными, непредписанными и непредсказуемыми для человека. Они проявляются в ненамеренных следствиях действий множества индивидов в социальных ситуациях, в незапланированных каузальных, функциональных и других связях разных аспектов и элементов данных ситуаций.

Итак, существует два вида закономерностей. Их специфика выражается в двойном смысле термина «закон»: как установленное (судебное) и естественное право. Социокультурная сфера как область бытия человека сопряжена с физической и органической

сферами. Это сопряжение установлено природой и естественным порядком явлений. В сфере человеческого бытия существует также установленный порядок, который Знанецкий определил как «аксионормативный». Этот термин лучше отражает суть вещей, нежели понятие «морального порядка» у Дюркгейма. «Предписанность» поведения человека как реакция на аксионормативный порядок отличается от естественного единообразия. Этот порядок базируется на ценностях и нормах как особой идеологической модели: «При выборе предметов действия индивид оценивает их в соответствии с определенным образцом»¹.

Закономерное функционирование социальной жизни зависит от приспособления людей к идеологическим моделям. В конечном счете общество базируется на вере и предрассудках. В их число входит надежда на постоянство и следствия человеческих контактов. Однако закономерности, вытекающие из аксионормативного порядка, менее важны. Значительно больший интерес представляют закономерности естественных социальных процессов. Только они являются предметом научных законов.

Типы социологических законов. Социологические законы классифицируются в соответствии с общей типологией научных законов. Поэтому можно выделить пять типов социологических законов:

1. В которых подтверждается постоянное сосуществование социальных фактов. Например: стратификация имеет место в любом обществе любых размеров; любая социализация начинается в первичных группах; невозможно установить законы, не соответствующие обычаям.

2. В которых фиксируется функциональная зависимость и взаимная изменчивость социальных фактов. Например: чем больше имеет место взаимное объединение людей на принципах равенства, тем больше согласие и взаимная симпатия людей в отношении единых ценностей и норм; внутренние беспорядки усиливаются в периоды быстрых преобразований господствующей культуры и системы социальных отношений, но могут ослабляться и удерживаться на низком уровне, если социокультурная система достаточно сильна и кристаллизована; миграция населения прямо пропорциональна числу благоприятных случаев на данном расстоянии и обратно пропорциональна числу возможностей внешнего вмешательства.

3. В которых подтверждаются закономерности и постоянные тенденции развития. Например: интенсивная индустриализация ведет к колебаниям численности и распределения населения посредством развития центров метрополии, заселения новых районов, влияния на организацию семьи, уровень жизни и прогресс секуляризации, которые способствуют появлению открытой классовой структуры; при появлении расовых проблем резкая динамика «вниз» в социальной структуре способствует развитию расовых предрассудков; харизматическая власть подлежит процессам рутинизации или рационализации, причем прогресс рутинизации харизматической группы ведет к изменению формы власти.

4. В которых фиксируется подобие и статистическая вероятность связи социальных фактов. Например: показатель разводов в странах Запада растет уже давно и колеблется в соответствии с экономическими циклами; вероятность преступного поведения увеличивается среди индивидов, не связанных с социальными группами и обществом в целом (поскольку они не согласны с установленными нормами поведения), а также в социальных группах мужчин, низших классов, молодежи, меньшинств, городских жителей и неверующих, причем в мирное время она больше, чем в периоды войн и катастроф; уровень социальной динамики индустриальных обществ меняется вместе с уровнем индустриализации.

5. В которых подтверждаются или полагаются каузальные связи социальных фактов. Например: стиль лидера в большей степени определяется ожиданиями членов группы и требованиями ситуации, нежели его личными качествами; предрассудки и дискриминация определяются оценкой собственного положения заинтересованных групп и изменениями (угрозой изменений) данного положения; участие в реализации общих интересов — необходимое и достаточное условие развития социальной интеграции; мнимая вражда в ответ на предложение дружбы с ожиданием враждебной реакции вызывает вражду, тогда как мнимая дружба в ответ на демонстрацию вражды с ожиданием враждебной реакции вызывает дружбу.

Приведенные примеры генерализаций являются эмпирически подтвержденными гипотезами, сформулированными на основе индукции. Однако они не относятся к таким эмпирическим генерализациям, которые в общих категориях выражают общий закон

путем регистрации эмпирических наблюдений. Социологический закон не только подтверждает эмпирические данные, но и другие факты и законы, логически связанные с ним. Иначе говоря, для признания определенного положения законом требуется приведение хорошо обоснованных фактов и причин. Например, положение «Стратификация имеет место в любом обществе любых размеров» идентично положению «Все вороны черные», но нет никаких оснований для признания его общим законом. Зато существует ряд фактов и причин для признания законом положения «Стратификация имеет место в любом обществе любых размеров»: врожденные различия индивидов выражаются в разных достижениях разных индивидов; различия достижений выражаются в разделении труда; награды пропорциональны трудностям достижений с точки зрения способностей, умений и образования; различия социальных статусов выражаются в различной власти индивидов над людьми и ресурсами, поэтому авторитет, уважение и престиж индивидов тоже различен; социальное расслоение выполняет скрытую функцию воспроизводства социальной структуры¹⁰.

Приведенные доказательства позволяют сделать общий вывод: расслоение человеческих обществ содержится в сущности вещей. Одни его формы меняются и исчезают, другие сохраняются в неизменном виде, третьи возникают. Например, Я. Щепаньский показал, что в современном польском обществе фактически исчезла довоенная классовая структура и получили развитие новые формы расслоения, функционально связанные с социалистическим строем в Польше". Поэтому бесклассовое общество в марксовом смысле слова на основании фактов не может считаться обществом, свободным от социальной стратификации.

Правила закона стратификации относятся ко всем генерализациям в приведенном списке. Все они суть законы, поскольку каждый из них обоснован доказательствами, которые дополняют и усиливают выводы эмпирических исследований.

Другая специфическая черта социологических законов — невозможность количественного выражения отношений, которые из них вытекают. Ни один из законов не может быть выражен в виде уравнения. Нет никаких априорных причин невозможности выразить социологические законы в виде математических уравнений. Но факт состоит в том, что до сих пор ни один из них не был выражен количественно.

Правда, некоторые гипотезы Додда претендуют на исключение из правил. По заказу военно-воздушных сил он изучал эффективность разбрасывания листовок с самолетов. Один из его выводов выражен уравнением: $l = K_1 \log C_s + K_2$. Это значит: процент читателей (1) содержащейся в листовке информации в каждой местности (C_s) изменяется в соответствии с логарифмом листовок (C_s), сброшенных в Данной местности. K_1 и K_2 — постоянные, означающие падение и отрезок кривой. Додд полагает, что этот вывод является гипотетическим социологическим законом: «Распространение сброшенных с самолета листовок — частный случай общей проблемы групповой деятельности, которая входит в предмет изучения человеческих взаимодействий. Проблема коммуникаций, связанных с содержащейся в листовках информацией, была главной задачей исследования»¹². На самом деле в основании этой гипотезы не лежит никакой социологически значимый эмпирический факт. Физические действия многих индивидов, подбирающих листовку, не являются групповой деятельностью, а передача ее из рук в руки не является социальным взаимодействием. Нет смысла говорить и о коммуникации, если отсутствуют данные о содержании и понимании смысла информации, содержащейся в листовке. Если эта гипотеза и является законом, то только физическим, а не социологическим. То же самое относится и к другим гипотезам Додда. Например: «Если другие факторы постоянные, то взаимодействие ослабляется по мере роста расстояния между взаимодействующими индивидами»¹³. В этом случае для доказательства Додд использует математическую модель равноугольной гиперболы: $l = KP - 1$, где $P - 1$ означает расстояние, а l — параметр. Другая его гипотеза гласит: скорость распространения информации среди гомогенного населения выражается логистической кривой. Эти и подобные гипотезы в виде математических уравнений изучают физические аспекты действий. Правила, которые выражаются в них, просто констатируют самоочевидный факт: человеческие существа как физические предметы действуют в физическом пространстве и времени и подчиняются законам физики.

Существуют технические причины невозможности количественных социологических законов: тщательное измерение социологических факторов связано с большими трудностями; практически невозможно проводить социологические исследования с соблюдением строгих условий эксперимента. Так что даже количественное

определение величин вряд ли увеличит теоретическую значимость и практическую полезность социологических законов. В них обычно речь идет о различиях величины, степени и интенсивности (примером может служить Дюркгеймовский закон самоубийства). Поэтому расположение данных на шкале от «высокого» до «низкого» показателя ограничено целью сравнения. Фиксация величин на основе законов играет важную роль в физических науках. Но она редко бывает нужна для подтверждения истинности социологического закона. К нему всегда можно применить другую процедуру верификации — с помощью максим «понимающего описания».

Наконец, еще одно свойство социологических законов нуждается в комментарии. Множество ранее указанных законов ограничены местом и временем. Например, закон разводов относится к западным странам XX века. А закон о взаимосвязи усложнения социальной структуры с числом социальных групп тоже ограничен западной цивилизацией. Законы преступности и расовых предрасудков ограничены США. «Локальными» следует называть законы, которые относятся к отдельным историческим периодам и культурным регионам, «Общие» законы действуют всегда и везде. Социологический закон Вебера о связи развития духа современного капитализма с этикой протестантской аскезы — пример локального закона. Тогда как Дюркгеймовский закон самоубийства относится к общим социологическим законам.

В социологии пока преобладают локальные законы. Частично это объясняется отсутствием сравнительных исследований социальных явлений в мировых масштабах. Но есть и принципиальное объяснение этого факта: события и констелляции человеческой жизни подчиняются творческой эволюции. Это процесс, в котором человек-творец создает новые организационные формы, представления и отношения. Они, в свою очередь, порождают новые ситуации и условия в месте и времени своего первоначального действия. Поэтому неизбежна ограниченность во времени и пространстве закономерностей социальных действий. Локальные законы всегда будут интегральной составной частью корпуса социологического знания. Элемент творчества в сфере человека ограничивает возможности долгосрочного предвидения. К. Поппер заметил по этому поводу: «Прогресс человеческого знания сильно влияет на ход истории человеческого рода. Поэтому невозможно сегодня предвидеть то, что будет познано только завтра».

Следовательно, никакая научная теория исторического развития не может служить основанием исторического предвидения»¹⁴.

Социологические теории. Термин «теория» зачастую используется совершенно произвольно. В результате существует крайний разброд мнений в сущности теории вообще и наличия социологической теории в особенности.

По мнению Сорокина, в социологии нет недостатка в теориях, поскольку они появляются как грибы после дождя. В книге «Социологическая теория сегодня» (1966 г.) он сокрушается: «В настоящее время существует огромное множество общих теорий. Они настолько сложны и запутанны, что описать их детально в одном томе невозможно»¹⁵. Парето тоже применял термин «теория» в крайне широком смысле, полагая социальными теориями дериваты и рационализацию чувств.

С другой стороны, Хоманс понимает сущность теории совсем по-другому и приходит к выводу: «В социологии крайне мало теорий, а что касается общих теорий, то их в социологии нет»¹⁶. Нагель высказывает аналогичное мнение: «Во всяком случае ни одна социальная наука не может похвастать обилием установленных общих законов, которые выдержали бы сравнение с выдающимися теориями естественных наук с точки зрения способностей объяснения и достоверного предвидения»¹⁷.

Приведенные мнения вытекают из разных концепций сущности теории. Сорокин считает теорией любую спекулятивную мысль, в том числе сентенцию «Человек есть социальный атом». Произвольное использование термина «теория» нередко встречается в социологической литературе. Зачастую «теориями» называют гипотезы, предположения и спекулятивные домыслы, а процесс теоретизирования обычно смешивают с процессом построения теории¹⁸. Тогда как Хоманс и Нагель полагают критерием теории модель, разработанную логикой на основе анализа основных теорий точных наук.

В первой главе я выдвинул два предложения:

1. Ограничить термин «теория» понятийными схемами, из которых можно вывести законы, позволяющие их объяснить. Признак теории — функция объяснения комплекса законов, которые можно из нее дедуцировать (а не просто абстрактный характер утверждений, как думает Сорокин).

2. Теории надо рассматривать в континууме (от минимума к максимуму) атрибутов универсальности, строгости, верифицируемости, простоты и способности к предсказанию.

Я предложил также признать все точки континуума одинаково важными при условии доказательства: творцы теории сделали все возможное для создания настолько исчерпывающих объяснений, насколько это позволяли им сделать доступные методы. Нельзя признать стандартом социологической теории идеальную логическую модель. Ее можно считать верхним пределом, к которому в разной степени стремятся теории. Если согласиться с таким подходом, то «теориями» можно назвать лишь некоторые понятийные схемы социологии, при условии, что они позволяют объяснять и предвидеть наблюдаемые закономерности. Большинство социологических теорий располагаются у нижнего предела континуума. В целом социологические теории более ограничены и менее точны по сравнению с теориями физических наук.

Мертон тоже выдвигает постулат о континууме теорий. Внизу находятся теории среднего уровня, выполняющие роль удовлетворительных рабочих гипотез. На вершине располагаются всеохватывающие систематические попытки создания теорий, объясняющих все принципы социального поведения, организации и изменений. Социологические теории сосредоточены в середине шкалы".

В определенном смысле все теории есть теории среднего уровня, включая сферу физики. Ведь ни одна наука еще никогда не смогла создать такую теорию, которая объясняла бы все законы. Даже широчайшие по охвату теории Эйнштейна, Дарвина и Фрейда ограничены, поскольку они объясняют лишь некоторые аспекты физических, биологических и психологических явлений. Теории среднего уровня можно упорядочить на основе нескольких критериев: способности объяснения множества качественных законов; ясности постулатов и аксиом; строгости теоретических терминов и операциональных принципов, связывающих постулаты с конкретным материалом наблюдения. Хотя все социологические теории подпадают под категорию теорий среднего уровня, но большинство из них этого уровня не достигает. Однако и здесь не исключена возможность прогресса. Теории — это конструкты, которые создаются с целью объяснения законов. Поэтому прогресс в значительной мере зависит от продолжения научной деятельности,

направленной на формулировку и открытие детальных общих законов социальных действий.

Мертон считает теории дисфункций, аномии, ролевых комплексов, самоубийства и бюрократии примерами социологических теорий среднего уровня. Они соответствуют дефиниции социологической теории как «логически взаимосвязанного комплекса утверждений, из которого можно вывести эмпирически однородные явления»²⁰. Из этой концепции вытекает, что утверждения взаимосвязанных комплексов есть законы более широкого охвата по сравнению с эмпирическими законами и потому объясняющие утверждения являются более универсальными. В них на правах переменной содержится конструкт, который в форме понятия фиксирует отдельные свойства человеческих общностей и социальных отношений. Из социологических теорий можно дедуцировать эмпирические закономерности. Значит, это утверждения на тему аналитических понятий «социальная интеграция», «относительная депривация», «нормы», «ролевая структура», «чувство групповой принадлежности».

Дюркгеймовский закон самоубийства гласит: уровень самоубийств обратно пропорционален степени групповой интеграции. Это — классический пример общего закона. Из него можно вывести, предсказать и объяснить эмпирические генерализации об уровне самоубийств в разных социальных группах. Но из него вытекает еще одна задача: продолжать дальнейшие исследования для объяснения самого общего закона в целях установления его истинности. Решение этой задачи связано с переходом на другой уровень объяснения.

Существует эмпирическая закономерность: степень самоубийств в Испании, сельских общинах и среди холостяков может быть объяснена на основе закона Дюркгейма в том смысле, что перечисленные социальные феномены можно из него дедуцировать. Но для объяснения связи социальной интеграции со склонностью к самоубийству надо поставить вопрос: почему члены сплоченных групп не склонны решать свои личные проблемы путем самоубийства? Тем самым исследование переходит из плоскости групповой динамики на уровень индивидуальной мотивации. Для ответа на вопрос надо обратиться к собственному опыту и обобщить его в форме определенной максимы поведения: «Помощь человеку со стороны близких людей понижает тяжесть личных

проблем». Эту максиму следует связать с эмпирическим наблюдением: наиболее распространенный мотив самоубийства — стресс в личной жизни. Взаимосвязь максимы и эмпирического наблюдения помогает понять (в веберовском смысле «понимающего описания») причины понижения уровня самоубийств в зависимости от силы социальных связей.

И все же надо подчеркнуть: закон Дюркгейма можно объяснить посредством общих утверждений, обеспечивающих возможность понимания мотивов самоубийства, но сам закон невозможно вывести из указанных утверждений. Закон содержит в себе указание на социальную интеграцию как социологический фактор (групповое свойство). Ее нельзя вывести и свести к психологическим факторам. Максима поведения облегчает мотивационное понимание закона *уже после того*, как он установлен. Не исключено, что именно этот момент имел в виду Дюркгейм, пытаясь понять причины различия степени самоубийств. Но более вероятно, что источником его вдохновения было понятие «моральной плотности». Оно аналогично понятию «социальной интеграции» и использовалось Дюркгеймом при анализе разделения труда. Короче говоря, максимы поведения и психологические законы не создают теорий, на основе которых можно сформулировать социологические законы.

Хоманс занимает совершенно противоположную позицию в данном вопросе: закон Дюркгейма сводится к комплексу психологических утверждений, общность которых превышает общность закона, и потому они являются теориями, объясняющими данный закон. Эти утверждения Хоманс называет «законами бихевиористской психологии» и обосновывает их двумя аргументами:

1. Они являются объясняющими суждениями высшей степени общности: «Нельзя отрицать возможность открытия еще более фундаментальных принципов, но данные утверждения являются вполне фундаментальными»²¹. Законы бихевиористской психологии выполняют роль действительных объяснений и истинных теорий: «Если установлено, что ряд следствий вытекает из нескольких общих утверждений при аналогичном ряде условий, то тем самым установлена степень правильности истинной теории»²².

2. Законы бихевиористской психологии вообще не нуждаются в открытии: «Они не являются новыми в том смысле, что прежде были неизвестными, а теперь их надо открывать. Правда, эти законы выражены на специфическом и строгом языке психологии,

но их содержание известно каждому человеку. Если смысл утверждений известен, они никакого удивления не вызывают, хотя следствия могут поразить воображение. Не исключено, что такие утверждения не удивили бы и кроманьонцев, поскольку они есть элемент традиционной психологии «здравого рассудка»²³.

Читатель без труда заметит подобие законов бихевиористской психологии Хоманса и максим поведения, посредством которых реализуется «понимающее описание». То же самое можно сказать о психологических законах Хоманса: если индивид находится в состоянии фрустрации, он склонен к агрессивным действиям; если соблюдение норм сопряжено с наградой, человек приспособляется к ним без труда. Так что все выводы о максимах поведения относятся к законам бихевиористской психологии.

Однако Хоманс ошибается. Указанные законы не являются действительными теориями, из которых можно вывести наблюдаемые закономерности социальных действий.

Научный статус социологии

Аналитические понятия, законы и теории — ядро теоретического знания любой науки. У социологии оно есть и потому она дает систематические и надлежащие объяснения. По этим основаниям социологию следует признать наукой. Можно оставить в стороне аргументы в пользу противоположного утверждения. Но все же скажу о них несколько слов в качестве иллюстрации противоположных позиций, ни одна из которых не может быть удержана. Первый аргумент гласит: социология не станет наукой до тех пор, пока ее данные не будут логически соответствовать теоретической структуре современной физики. Полярно противоположная позиция выдвигает другой аргумент: факты социальной жизни не могут быть познаны методами науки, зато их можно понять в моменты озарения, душевного личного контакта и житейской мудрости, образующей квинтэссенцию интереса к социальной жизни и рефлексии о ней. Однако наличие или отсутствие специфической техники исследования и средств кодификации знания, а также особые свойства предмета познания не решают вопроса о научности той или иной дисциплины. Единственный существенный критерий — соблюдение принципов логики научного исследования. В соответствии с ним социология есть наука. Но в отношении ее научного статуса можно

поставить вопрос: в чем специфика социологии по сравнению с другими науками и какую их разновидность она представляет?

Любая наука включает в себя два основных элемента — теоретический и эмпирический. Теоретические элементы — это понятийные схемы, которыми оперирует данная наука. К эмпирическим элементам относятся факты, накапливаемые в форме описаний, истории отдельных случаев, исследований, статистических и экспериментальных отчетов и других разновидностей классифицированной и кодифицированной информации. Теоретические элементы выражаются в форме абстракций, на языке математики и с помощью произвольно установленных понятий. Эмпирические элементы выражаются в повседневном языке, который оперирует конкретными, феноменалистскими и неинструментальными категориями.

Различие указанных элементов — основание сравнения наук. Они различаются в зависимости от преобладания теоретических элементов над эмпирическими. Речь идет о степени систематизации и координации установленных фактов посредством законов и теорий как понятийных схем. Д. Конант констатирует: «Наука как динамическое предприятие ориентирована на понижение степени эмпиризма при решении проблем»²⁴. В соответствии с данным различием на рис. 2 показано место социологии в системе других наук.

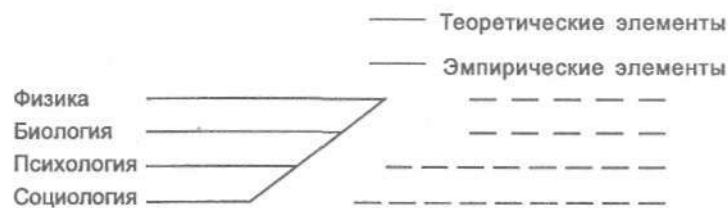

Рис. 2

С точки зрения теоретической строгости физика обогнала все дисциплины. Но никто не сомневается в принадлежности биологии к науке на том основании, что теоретически она менее развита по сравнению с физикой. Таким же образом нет оснований исключать из науки психологию и социологию, хотя с теоретической точки зрения они остаются позади физики и биологии.

Многие теоретики пытались объяснить теоретический статус социологии. Они не отрицают возможность развития социологии

как науки. Если не вдаваться в тонкости, теоретики склонны подчеркивать технические, а не предметные трудности такого развития. Однако технические трудности преодолеваются путем изобретения новой техники. Поэтому научный статус социологии в будущем тоже может измениться.

На этом пути возникают две главных проблемы социологии: невозможность полной элиминации гипотез (поскольку число причин неограничено, то многие факторы трудно установить), природа социальной реальности: «Это система, в которой невозможно изменить один фактор, не влияя на множество других. Поэтому крайне трудно определить специфическое влияние любого фактора»²⁵. И все же нет априорных оснований для вывода: технические трудности исключают возможность развития социологической теории.

Не исключено, что сфера эмпирических и феноменалистских элементов в социологии всегда будет шире по сравнению с другими науками. Социологи склонны интересоваться разными предметами: «Хотя научный метод является существенным и необходимым, он не исчерпывает все богатство способов социологического познания. Социология занимает почетное место в сфере человеческого знания именно потому, что она принадлежит к гуманитарным и точным наукам одновременно»²⁶. Социологи заняты интерпретацией широких социальных тенденций, анализом социальных проблем и фронтальной критикой существующего общества. Все это несколько не мешает развитию социологии как науки.

Теперь вернемся к вопросу о специфике самой социологии. Постулат 4 гласит: социологические утверждения должны быть адекватными с точки зрения смысла и причин. Тем самым фиксируется специфика социологии как науки. В частности, указанный постулат восходит к Веберу, но детально разработан Знанецким и Мак-Ивером.

Труд Томаса и Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1919г.) — классический пример применения данного постулата. Это — первое широкомасштабное исследование особого сообщества, направленное на анализ специфической социальной проблемы иммиграции. Данная проблема была одной из самых острых в начале XX в. в США. Работа Томаса и Знанецкого дала возможность моментально осознать громадную эффективность социологического подхода при изучении социальных проблем.

В ней содержится детальное и взвешенное изучение процесса ассимиляции и связанных с ним проблем. В итоге отношение США к иммигрантам и иммиграции совершенно изменилось. Труд Томаса и Знанецкого значительно повлиял на деятельность федерального правительства и властей штатов, не говоря уже о частных филантропических организациях.

Но практическое и конструктивное значение указанного труда не исчерпывает вклада Томаса и Знанецкого в решение проблемы иммиграции. Они были первыми социологами, которые использовали личные документы (частные письма, автобиографии, дневники) как научные факты. Исчерпывающее и аутентичное изучение данного материала дало возможность намного лучше понимать динамику социальных процессов. Личные документы оказались важнейшим источником, обеспечив доступ к новой и ценной информации. Она позволила обосновать важное теоретическое положение, которое стало началом сотрудничества Томаса и Знанецкого, хотя каждый из них пришел к нему самостоятельно.

Это положение в сжатой форме содержится в упомянутой работе: «Социальная жизнь приобретает конкретность во взаимосвязи с жизнью индивидов, которая есть основа всех процессов человеческой жизни. Человеческий коэффициент — составной фактор всех социальных событий. Социология не может скользить по их поверхности, а должна проникать в глубины человеческого опыта и ценностей, образующих полноту жизни и активную социальную реальность. Она скрыта пеленой формальной организации социальных институтов и не зависит от статистических таблиц массовых явлений. Массовые явления как таковые есть симптомы еще неизвестных каузальных процессов и могут быть лишь промежуточным основанием социологических гипотез»²⁷.

Из этого положения вытекает: всякое каузальное объяснение социальных явлений должно быть соотнесено с жизнью конкретных людей. Например, если новое отношение объясняется воздействием новых ценностей на прежние отношения, то этот процесс должен проявиться в жизни групп людей. Социолог должен неуклонно стремиться к пониманию значения социальных институтов и процессов для личной жизни людей.

Томас и Знанецкий подчеркнули значение ценностей как действующих факторов поведения человека и этим существенно продвинули развитие социологии. Они описали способ введения

новых ценностей в прежнюю аксиологическую сеть и образования новых ценностей. Эта процедура стала главным способом объяснения изменений семьи и других социальных институтов.

Мак-Ивер развил этот подход. Он подчеркнул значение динамической оценки как основного каузального фактора социальных явлений. Динамическая оценка — действующий фактор поведения самого индивида, а не социальных сил среды, влияющих на это поведение. Человеческий фактор позволяет вычлнить сферу социальных каузальных связей из всех остальных сфер. Динамические оценки являются одновременно индивидуальными и групповыми. И хотя те и другие обладают собственной логикой, невозможно отделить индивидуальные оценки от групповых оценок.

«С одной стороны, — пишет Мак-Ивер, — существует личность индивида, с другой — групповые обычаи. Этим объясняется логическое несовершенство схемы оценки: на обоих уровнях она отклоняется от общих норм и постоянно колеблется. Но в целом указанные схемы взаимозависимы и образуют определенную оценочную систему, с помощью которой различные факторы сводятся к одному ряду причинных связей социальной жизни»²⁸. Например, при анализе причин роста разводов в США Мак-Ивер показал, как сугубо индивидуальное решение о разводе связано с групповой оценкой: «Разводы обычно имеют место там и тогда, где и когда устойчивость семьи в схеме ценностей культуры играет незначительную роль на протяжении многих поколений»²⁹. Поэтому любое гипотетическое объяснение социальных явлений не должно отличаться от гипотезы о причинах разводов. Главная задача социологического анализа — показать способ функционирования динамической оценки в сфере социальных действий. Динамическая оценка есть каузальный фактор социальной жизни: «Ее главная функция — сведение к ОДНОМУ ряду логических отношений объективно разнородных факторов социального поведения»³⁰.

Итак, разработка постулата 4 связана с дополнением Веберовского мотивационного понимания за счет введения человеческого коэффициента и динамической оценки. Тем самым устанавливается фундаментальное различие социологии и точных наук. Решающим фактором их генезиса было освобождение от антропоморфизма. Тогда как для социологии решающим является *сохранение* антропоморфического или гомоцентрического мировоззрения. В этом мировоззрении главной точкой отсчета служат смыслы и ценности

предметов и событий по отношению к человеку как личности и члену группы, а не пространственно-временные аспекты предметов и событий. В отличие от естественных систем социальные системы нельзя рассматривать как совершенно независимые от опыта и действий человека. Любая социальная система существует в сфере опыта и действий отдельных людей. Как верно заметил Знанецкий, «...социокультурные факты никогда не могут быть «ничейными», а всегда связаны с «кем-то». Если исключить сопутствующий им человеческий коэффициент и изучать систему культуры по образцу системы природы, — система культуры исчезает. Вместо нее остается хаотическая груда естественных вещей и процессов, нисколько не похожая на реальность, изучить которую мы пытались»³¹.

Каковы следствия указанного фундаментального различия социологии и точных наук? Я думаю, они не выходят за рамки элементарных констатации: социологи должны выработать такие процедуры оперирования данными, в которых физики не нуждаются; большинство используемых в физике процедур не годятся для анализа социологических данных. Социологи имеют доступ к источникам информации, которые не учитываются в физике и наоборот. Однако эти выводы не будут иметь смысла до тех пор, пока сохраняется тождество социологического и физического подхода к изучению данных. Социология как профессия и наука не отличается от физики. Надо исходить из веры в суверенность разума, которая воплощается в применении принципов логики познания и верности ценностям ответственности и объективности. Эта вера навсегда останется знаменем науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

Введение

1. Под прикрытием современности синтетический подход выступает в качестве «новой социологии». Она пытается разработать социологию большого радиуса действия и изучать проблемы широкого охвата. К ее представителям можно причислить Ч. Миллса, И. Горовица, А. Гоулднера, Д. Вронга. См.: *Horowitz J. The New Sociology. Oxford University Press. New York, 1964;* *Horowitz J. Professing Sociology. Aldine, Chicago, 1986.*
2. *Campbell N. What Is Science? Dover Publications, New York, 1952. P. 153.*
3. *Nagel E. Struktura nauki. Warszawa, 1970. S. 73-88.*

Глава 2

1. *Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М.: Канон. 1995. С.128.*
2. *Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. — М.: Мысль. 1994. С. 186.*
3. *Дюркгейм Э. Указ. соч. С.287.*
4. *Там же. С. 293.*
5. *Там же. С. 293.*
6. *Там же. С. 299.*
7. *Reichenbach H. Experience and Prediction. Chicago University Press. Chicago, 1938. Ch. 2.*

8. *Jansyn Z.* Solidarity and Delinquency in a Street Cerner Group // American Sociological Review. 1966, № 31. P. 600—614.
9. Там же. С. 613.
10. Там же. С. 601.
11. *Allport F.* «Group» and «Institution» as Concepts in a Natural Science of Phenomenal // Proceedings of the American Sociological Society. 1929, № 22. P. 83-99.
12. *Brodbeck M.* Methodological Individualism // Philosophy of Science. 1958, № 25. P. 1-22.
13. *Оллпорт Ф.* Указ. соч. С. 91.
14. *Бродбек М.* Указ. соч. С. 3.
15. Там же. С. 5.
16. Там же. С. 6.
17. *Homans G.* The Human Group. Harcourt, Brace and World, New York, 1950. P. 21.
18. *Sehonheimer A.* The Dynamic State of Body Constituents. Harvard University Press, Cambridge, Mass. P. 172.
19. *Sorokin P.* Society, Culture and Personality. Cooper Square Publishers, New York, 1962. P. 149-150.
20. *Znaniccki F.* Social Groups as Products of Participation Individuals // American Journal of Sociology. 1939, № 44. P. 799-811.
21. *Gurvitch G., Moore W.* (eds.). Twentieth Century Sociology. The filosofical Library, New York, 1945. P. 206.
22. Там же.
23. *Dewey J.* Logic. Holt, Rinegart and Winston, New York, 1938. P. 129.
24. *Born M.* Natural Philosophy of Cause and Chance. Oxford University Press, New York, 1949. P. 128.
25. *Дюркгейм Э.* Самоубийство., книга III, глава 1.

Глава 2

1. *Вебер М.* Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. С.208.
2. *Sorokin P.* Sociological Theory of Today. Harper and Row, New York, 1966. P. 429.

3. *Baumgarten E.* Max Weber, Werk und Person. Tubingen, 1964. S. 185.
4. Там же.
5. *Вебер М.* Указ. соч. С. 602.
6. Там же. С. 364.
7. *Schelting A.* Max Weber's Wissenschaftslehre. Mohr, Tubingen, 1930. S. 342.
8. *Вебер М.* Указ. соч. С. 371
9. *Cohen M.* Reason and Nature. Harcourt, Brace and World, New York, 1931. P. 343,
10. *Коэн М.* Указ. соч. С. 262
11. *Weber M.* Wissenschaftslehre. Mohr, Tubingen, 1922. S. 179.
12. *Hempel C, Oppenheim P.* Studies in Logic of Explanation // Philosophy of Science. 1948, № 15.
13. *Abel T.* The Operation Called Verstehen // American Journal of Sociology. 1948, № 54. P. 212-218.
14. *McConnell D.* Economic Behavior. Houghton Mifflin, Boston, 1939.
15. *Вебер М.* Избранные произведения. С. 396.
16. Там же.
17. *Abel T.* On the use of the Term Verstehen // Sociology of Social Research. 1967, № 51. P. 334-336.
18. *Вебер М.* Избранные произведения. С. 626.
19. Там же. С. 608-609.
20. Там же. С. 608.
21. *Parsons T.* Preface // Weber M. The Theology of Social and Economic Organization. Oxfrud University Press, New York, 1947. P. 12.
22. *Вебер М.* Избранные произведения. С. 496
23. *Weber M.* Wissenschaftslehre. S. 519.
24. *Brodbeck M.* (eds.). On the Nature of Human Actions. University of Minnesota, Minneapolis, 1968. P. 16.

Глава 4

1. *Simmel G.* Soziologie. Dunker und Humbolt, Leipzig, 1908. S. 113.
2. Там же. С. 2-3.
3. Там же. С. 4.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. С. 5.
7. *Simmel G.* Uber soziale Differenzierung. **Dunker und Humbolt**, Leipzig, 1890.
8. Следует подчеркнуть, что не следует разделять термины «социологические детерминанты» и «формы социации», поскольку Зиммель не интересовался формой как таковой, а всегда имел в виду особую форму социации. Выражения «формы социации», «способ взаимодействия» и «тип транзакции» он использовал как аналогичные. См. об этом мою статью: *Abel T.* The Contribution of Georg Simmel: A Reappraisal // *American Sociological Review*, 1959.
- 9- *Schaeffle A.* Bau und Leben des sozialen Körpers. 4 B. Mohr Verlag, Tubingen, 1878
10. *Simmel G.* Soziologie. S. 19.
11. *Simmel G.* Philosophie des Geldes. Dunker und Humbolt, Munchen, 1930. S. 159.
12. *Simmel G.* Soziologie. S. 19.
13. Там же. С. 506.
14. Там же. С. 13.
15. Там же.
16. *Coser L.* The Functions of Social Conflict. Free Press, New York, 1966.
17. Simmel G. Op. cit. S. **583-584**.
18. Там же. С. 576.
19. Там же. С. 22-23.
20. Там же. С. 21.
21. Там же.

22. Там же. С. 23-24.
23. *Sorokin P.* Contemporary Sociological Theories. Harper and Row, New York, 1928. P. 499-503.

Глава 5

1. *Сорокин Л.* Указ. соч. Глава 8.
2. Я считаю, что термин «школа» должен применяться только по отношению к случаям институционализации концепции основателя школы, когда его ученики занимаются сходными проблемами, используют одни и те же методы исследования, издают журнал и т. д. В этом смысле в социологии существуют три школы: школа Дюркгейма во Франции, Чикагские школы под руководством Парка и Берджесса в США и Познаньский Институт Социологии под руководством Знанецкого в Польше.
3. *Вебер М.* Избранные произведения. С. 603.
4. Там же, с. 632.
5. Там же, с. 531.
6. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. С. 298—299.
7. Там же. С. 311.
8. *Вебер М.* Указ. соч. С. 621.
9. Там же. С. 615.
10. *Дюркгейм Э.* Социология. С. 40—54.
11. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. С. 257. Этот и последующие приводимые примеры иллюстрируют Дюркгеймовский способ использования «понимающего описания». Истинность его интерпретаций меня здесь не интересует, но гипотетичность утверждений Дюркгейма совершенно очевидна. Его подход надо проверить в ходе эмпирического исследования вопроса: какое значение мужчины и женщины действительно приписывают супружеству и какова их эмоциональная реакция на развод?
12. Там же. С. 249.
13. Там же.
14. Там же. С. 143-144.
15. Там же. С. 264.

16. Там же. С. 270.
17. Там же. С. 275.
18. Там же.
19. *Durkheim E.* Essays on Sociology and Philosophy. Harper and Row, New York, 1960. P. 362.
20. *Дюркгейм Э.* Указ. соч. с. 359.
21. Там же. С. 357.
22. Там же.
23. Там же. С. 356.
24. Там же. С. 380.
25. *Simmel G.* Probleme der Geschichtphilosophie. Dunker und Humbolt, Munchen, 1922. S. 22.
26. *Cores L.* (ed.). Georg Simmel. Prentice—Hall, New York, 1964, P. 86.

Глава 6

1. Детальный анализ идей Дюркгейма, Вебера и Зиммеля по проблемам «община — общество», «авторитет — власть», «статус — класс», «религия — отчуждение» содержится в книге: *Nisbet R.* The Sociological Tradition. Basic Books. New York, 1966.
2. *Martineau H.* (ed.). The Positive Philosophy of August Comte. Georg Bell and Son, London, 1986, Vol. II. P. 165.
3. Мартино Г. Указ. соч. С. 156.
4. Там же. С. 228.
5. Там же. С. 305-306.
6. Там же. С. 306.
7. *Parsons T.* Structure of Social Action. McGraw-Hill, New York, 1937, P. 3.
8. *Spenser H.* Principles of Sociology. Appleton-Century-Crofts, New York, 1910. Vol. II. P. 229.
9. *Spenser H.* An Autobiography. Appleton-Century-Crofts, New York, 1904. Vol. II. P. 321.
10. *Спенсер Г.* Принципы социологии. Т. 2. С. 230.

11. *Spenser H.* Social Statics. Appleton-Century-Crofts, New York, 1850. P. 55.
12. *Спенсер Г.* Указ. соч. С. 55.
13. Там же. С. 264-265.
14. *Спенсер Г.* Принципы социологии. Т. 3. С. 590.
15. *Спенсер Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 665.
16. *Спенсер Г.* Автобиография. С. 436.
17. *Спенсер Г.* Указ. соч. С. 666.
18. *Спенсер Г.* Принципы социологии. Т. 1. С. 442.
19. *Спенсер Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 57.
20. *Спенсер Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 643.
21. Там же. С. 244.
22. *Спенсер Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 593.
23. *Спенсер Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 568-569.
24. Там же. С. 606.
25. Там же. С. 586.
26. *Спенсер Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 587.
27. Там же.
28. Там же. С. 759.
29. *Top is F.* Community and Society. Michigan State University Press, East Lansing, 1957. P. 249.
30. *Теннис Ф.* Указ. соч. С. 231.
31. *Abel T.* The Significance of the Concept of Consciousness of Kind // Social Forces. 1930, № 9. p 1—Ю.
32. *Cooley C.* The Roots of Social Knowledge // American Journal of Sociology. 1926, № 32. P. 59.
33. *Кули Ч.* Указ. соч. С. 60.
34. Там же. С. 62.
35. Там же. С. 79.
36. Там же.
37. *Cooley C.* Social Organization. Scribner, New York, 1909. P. 5.
38. *Cooley C.* Human Nature and the Social Order. Scribner, New York, 1902. P. 1-3.

39. Генезис особого направления исследований, связанных с анализом и оценкой первичных групп, описан в книге: *Lerner D., Laswell H.* (eds.). *The Policy Sciences*. Stanford University Press. California, 1951. P. 44-70.
40. *Кули Ч.* Социальная организация. С. 28.
41. *Кули Ч.* Указ. соч. С. 40.
42. Там же. С. 119.
43. Там же. С. 45.
44. Там же. С. И3.
45. Там же. С. 90.
46. Там же. С. 411.

Глава 7

1. *Stark W.* *The Sociology of Knowledge*. Free Press, New York, 1958. P. 16.
2. *Старк В.* Указ. соч. С. 243-244.
3. *Merton R.* *Social Theory and Social Structure*. Free Press, New York, 1958. P. 460-461.
4. *Roctlisberger F., Dickson W.* *Management and the Worlaer*. Harvard University Press, Cambrige, Mass. 1939. P. 45.
5. *Ретлисбергер Ф., Диксон В.* Указ. соч. С. 274
6. *Shaw C.* *Delinquency Areas*. Unuversity of Chicago, 1931. P. 225.
7. *Merton R., Broom L., Coffrell L.* (eds.). *Sociology Today*. Basic Books, New York, 1959. P. 37.
8. *Black M.* (ed.). *The Social Theories of Talcott Parsons*. Prentice-Hall, New-York, 1959. P. 37.
9. *Pareto V.* *Mind and Society*. New York, 1935; *Znaniecki F.* *The Method of Sociology*. New York, 1934.
10. *Znaniecki F.* *Op. cit.* P. 12.
11. *Pareto V.* *Op. cit.* P. 1442.
12. *Знанецкий Ф.* Указ. соч. С. 132.
13. *Parsons T.* *The Social System*. Free Press, New York, 1951. P. 4-5.

14. *Парсонс Т.* Указ. соч. С. 21.
15. Там же. С. 38.
16. Там же. С. 42.
17. *Black M.* (ed.). *The Sociology of Talcott Parsons*. Cornell University Press, New York, 1956. P. 344.
18. *Парсонс Т.* Указ. соч. С. 52.
19. Логический уклад приведенного очерка несколько отличается от других версий схемы переменных, в которых Парсонс предлагает более сложную конструкцию элементов систем действия. В частности, он классифицирует как дополнительные два последних комплекса, тогда как четыре оставшиеся полагаются основными. Причину такого различия Парсонс усматривает в том, что основные переменные определяют элементы систем действия, а дополнительные переменные определяют оси дифференциации систем действия по отношению к окружающей среде. В процессе уточнения концепции Парсонс определяет как «внешне-внутреннюю группу». См.: *Parsons T.* *Pattern Variables Revisited* // *American Sociological Review*. 1960, № 25. P. 459-486.
20. *Parsons T.* *Sociological Theory and Modern Society*. Free Press, New York, 1967. P. 204-205.
21. *Sorokin P.* *Sociological Theory of Today*. Harper and Row, New York, 1966. P. 645.
22. *Сорокин П.* Указ. соч. С. 420-429
23. *Darendorf R.* *Out of Utopia* // *American Journal of Sociology*. 1968, № 73. P. 115-127.
24. *Вебер М.* *Избранные произведения*. С. 389-391.
25. Там же. С. 393.
26. *Дарендорф Р.* Указ. соч. С. 127.
27. *Lockwood D.* *Some Remarks on the Social System* // *British Journal of Sociology*. 1956, № 7. P. 134-146.
28. *Мертон Р.* Указ. соч. С. 51.
29. *Nagel E.* *Logic without Metaphisics*. Free Press, New York, 1956. P. 251-252.
30. *Мертон Р.* Указ. соч. С. 66.

31. *Сорокин Л.* Указ. соч. С. 456.
32. *Davis K.* Functional Analysis as a Special Method in Sociology and Anthropology // *American Sociological Review.* 1959, № 24. P. 569.

Глава 8

1. *Allport T.* The Group Falacy in Relation to Social Science // *Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1928. Т. XIX. P. 60-73.
2. *Sorokin P.* Society, Culture and Personality. Cooper Square Publishers, New York, 1962. P. 70.
3. *Сорокин П.* Указ. соч. С. 75.
4. Там же. С. 95.
5. Там же. С. 127.
6. *Homans S.* The Human Group. P. 37, 111, 361, 135, 141, 182, 277, 362.
7. *Homans Y.* Social Behavior: Its Elementary Forms. Harcourt, Brace and World, New York, 1961. P. 51.
8. *Rose A.* Theory and Method in the Social Sciences. University of Minnesota Press, Minneapolis, 1954. P. 12.
9. *Stouffer S.* e.a. The American Soldier. Princeton University Press, New York, 1950. P. 40-106.
10. *Мертон Р., Кумм А.* Указ. соч. С. 46.
11. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. С. 294.
12. *Мертон Р.* Указ. соч. С. 325.
13. Там же. С. 344.
14. Там же. С. 351.
15. Там же. С. 364-366.
16. *Сорокин П.* Социологическая теория сегодня. С. 455.
17. *Wiese L.* Sociology. Oskar Piest, New York, 1941. P. 30.
18. Детальное описание и оценка образца содержится в книге: *Abel T.* Systematic Sociology in Germany. Octagon Books, New York, 1965.
19. *Znaniecki F.* Social Relation and Social Roles. Chandler, San Francisco, 1965. P. 203-206.

20. *Зиммель Г.* Социология. С. 490.
21. *Mead G.* Umysl, osobowoić, społeczeństwo. Warszawa, 1975. S. 351.
22. *Мид Г.* Указ. соч. С. 197.
23. *Moreno J.* Who Shall Survive. Beacon, House, New York, 1953.
24. *Goode W.* Theory of Role Strain // *American Sociological Review.* 1960. № 25. P. 496.
25. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. С. 377.
26. *Парсонс Т.* Социальная система. С. 282.
27. *Biddle B., Thomas E.* Role Theory. Wiley, New York, 1966, P. 23-65.

Глава 9

1. Наиболее важные результаты исследований содержатся в книгах: *Etzioni A.* (ed.). Complex Organizations. Holt, Rinehart and Winston, New York, 1961; *Blau P.*, Formal Organizations. Chandler, San Francisco, 1962.
2. *Merton R., Lazarsfeld P.* (eds.). Continuities in Social Research. Free Press, New York, 1950. P. 133-197.
3. *Fiegl H., Sellars W.* (eds.). Readings in Philosophical Analysis. Applexon— Century— Crofts, New York, 1949. P. 17.
4. *Лазарсфельд П.* Указ. соч. С. 101-105.
5. *Lazarsfeld P., Barton A.* Qualitative Measurements in the Social Sciences. Stanford University Press, California, 1951. P. 180.
6. *Lazarsfeld P., Rozenborg M.* (eds.). The Language of Social Research. Free Press, New York, 1955. P. 10-32.
7. *Лазарсфельд П.* Указ. соч. С. 109
8. Описание и оценка феноменологического метода содержится в книге: *Abel T.* Systematic Sociology in Germany. Ch. III.
9. *Znaniecki F.* Varike o kulturze. Warszawa, 1971. S. 507.
10. «Социальное неравенство есть бессознательно возникшее средство социального отбора кадров, при котором наиболее важные посты принадлежат людям с наиболее высокой квалификацией. Независимо от степени сложности любого общества оно разделяет людей в соответствии с критериями уважения и престижа. И потому в любом обществе существует определенная

- институционализация неравенства». *Davis K., Moore W.* Some Principles of Stratification // *American Sociological Review*. 1945, № 10. P. 248.
11. *Szczepanski J.* Polish Society. Random House, New York, 1969.
 12. *Dodd S.* Festing Message Diffusion in Controlled Experiments // *American Sociological Review*. 1953, № 18. P. 412.
 13. *Dodd S.* Counteractance Model // *American Sociological Review*. 1953, № 8. P. 277.
 14. *Popper K.* The Poverty of Historicism. Routledge and Kegan Paul, London, 1957. P. 172.
 15. *Сорокин П.* Социологическая теория сегодня. С. 17.
 16. *Faris R.* (ed.). Hand book of Modern Sociology. Rand Me Nally, Chicago, 1964. P. 956
 17. *Нагель Э.* Указ. соч. С. 384
 18. В некоторых книгах «теориями» называется гипотетический закон С. Сейгеля-Л. Форнакера («Негоциант пойдет на уступки лишь тогда, когда конкурент этого не сделает»), а также противоположная гипотеза Остуда («Наши уступки вызывают уступки другой стороны»). Нередко принципы строения теории смешиваются с правилами рациональной дискуссии. См.: *Berger J., Zelditch M., Anderson B.* (eds.). *Sociological Theories in Progress*. Houghton Mifflin, Boston, 1966. Vol. 1. P. 4.
 19. *Merton R.* On Theoretical Sociology. Free Press, New York, 1967, P. 39.
 20. *Мертон Р.* Указ. соч. С. 39.
 21. *Homans G.* The Nature of Social Science. Harcourt, Brace and World, New York, 1968. P. 72.
 22. *Хоманс Г.* Указ. соч. С. 56.
 23. Там же. С. 40.
 24. *Conant J.* Modern Science and Modern Man. Columbia University Press, New York, 1952, P. 62.
 25. *Cohen M.* Reason and Nature. Harcourt, Brace and World, New York, 1931. P. 252.
 26. *Bierstedt R.* Sociology and Humane Learnin // *American Sociological Review*. 1956, № 21. P. 9.

- 27 *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. Knopf, New York, 1920. P. 1834.
28. *Mac her R.* Social Causation. Harper and Row, New York, 1942. P. 310.
29. *Мак-Ивер Р.* Указ. соч. С. 338.
30. Там же. С. 306.
31. *Znaniecki F.* The Method of Sociology. Farrar and Rinehart, New York, 1934. P. 37.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ	8
Исторический фон	8
Сущность социологической теории	10
Три типа социологических подходов	13
Часть 1. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ТЕОРИИ	15
ГЛАВА 2. ВКЛАД ДЮРКГЕЙМА	17
Результаты анализа самоубийства	17
Социологический характер закона	19
Интеграция как действующий фактор	21
Суть интеграции	22
Следствия анализа самоубийства	27
Сущность социальных общностей	28
Критика	35
Дюркгеймовская концепция социальной среды	38
Аналогия с понятием «поля»	41
ГЛАВА 3. ВКЛАД ВЕБЕРА	43
Протестантская этика и дух капитализма	43
Следствия концепции Вебера	48
Идеальный тип выполняет три главные функции	55
Роль понимающего описания	57
ГЛАВА 4. ВКЛАД ЗИММЕЛЯ	61
Тезис Зиммеля	62
Пионерское исследование	63
Формы социации	65
Конфликт как пример анализа	68
Групповые свойства как формы социации	70

Содержание	191
• Связь психологии с социологией	71
Различие формы и содержания	73
ГЛАВА 5. СРАВНЕНИЯ И ВЫВОДЫ	75
Дюркгейм и Вебер	76
Дюркгейм и Зиммель	87
Вебер и Зиммель	90
Краеугольный камень социологической теории	92
Часть 2. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ	95
ГЛАВА 6. РЕТРОСПЕКТИВА АНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА	97
Конт	97
Спенсер	100
Теннис	107
Гиддингс	109
Кули	ПО
ГЛАВА 7. СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ. (Часть I)	114
Социология и социологическая теория	114
Теория социальных систем	118
ГЛАВА 8. СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ. (Часть II)	135
Теория социальных групп	135
Теория социальных отношений	151
ГЛАВА 9. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	157
Состояние социологической теории	157
Научный статус социологии	171
ПРИМЕЧАНИЯ	177